

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. А. ДОБРОЛЮБОВА» (НГЛУ)

Традиционные ценности в современном образовательном пространстве как инструмент духовно-нравственной безопасности и сохранения культурного наследия народов России

(коллективная монография)



Нижний Новгород
2023

Публикуется по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

УДК 378:008

ББК 71

Т65

Рецензенты:

Лаврентьев А. Р. – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия» (г. Нижний Новгород), кандидат юридических наук, доцент;

Аникин А. С. – заместитель директора по учебной и воспитательной работе Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород), кандидат юридических наук;

Дорофеев Ф. А. – доцент кафедры Новой и Новейшей истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук, доцент.

Авторский коллектив:

Багаева О. Н. (§ 4.1);

Бондырева С. К. (§ 1.5);

Вилкова С. М. (§ 1.2);

Гурина Е. П. (§ 3.1)

Евдокимов А. В. (§ 4.2);

Калачева Д. С. (§ 2.3);

Лагунова И. С. (§ 2.3);

Лебедянцев И. М. (§ 1.3);

Лукашенко Е. С. (§ 2.2);

Можеровцева А. Д. (§ 3.4);

Мозгунова Е. А. (§ 4.2);

Немцова О. А. (§ 4.5);

Никитин А. В. (§§ 1.5, 2.1, 4.4., 4.5);

Пахомова Е. А. (§ 4.5);

Романов А. А. (§ 1.4);

Савруцкая Е. П. (§§ 1.5, 2.1);

Самойлова М. П. (§ 4.3);

Сенюткина О. Н. (§ 3.3);

Серухина О. Е. (§ 1.1);

Сивкина Н. Ю. (§ 3.4);

Солнцев Н. И. (§ 1.6);

Сухова Ж. М. (§ 3.2);

Устинкин С. В. (§§ 1.5, 2.1, 4.4, 4.5);

Фоменков А. А. (§ 4.5)

Т65 Традиционные ценности в современном образовательном пространстве как инструмент духовно-нравственной безопасности и сохранения культурного наследия [Электронный ресурс]: Коллективная монография / Под. ред. М. П. Самойловой; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации; Нижегородский гос. лингвистический ун-т. – Электронные текстовые данные (1,57 МБ). – Н. Новгород: НГЛУ, 2023. – 153 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; 512 Мб ОЗУ; Windows XP/7/8 и выше; видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit); привод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-85839-394-8

Коллективная монография посвящена осмыслению понятия «традиционные ценности» в современном культурном и образовательном пространстве с учетом исторического развития нашей страны и актуальными воспитательными, образовательными, политическими и информационными практиками. Авторы монографии анализируют различные аспекты проблематики традиционных ценностей с точки зрения духовно-нравственной безопасности российского общества и интересов воспитания молодежи в новых условиях.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:

Компьютер: процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; ОЗУ 512 Мб; 8 Мб на жестком диске; видеокарта SVGA 1280x1024 High Color (32 bit); привод CD-ROM

Операционная система: Windows XP/7/8 и выше

Программное обеспечение: Adobe Acrobat Reader версии 6 и старше

ISBN 978-5-85839-394-8

© Коллектив авторов, 2023

© НГЛУ, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Педагогические практики сохранения и трансляции традиционных ценностей... 4	
§ 1.1. Духовно-нравственное состояние русского народа в период 1917–1921 гг. на примере Нижегородской епархии	4
§ 1.2. Интерактивные методы обучения работе с визуальным историческим источником	12
§ 1.3. Педагогическое наследие Е. А. Авдеенко и православное образование в современной России.....	16
§ 1.4. Взгляды В. В. Зеньковского на воспитание и самопознание христианина в контексте православной педагогики и антропологии	19
§ 1.5. Социализация студента в пространстве вуза.....	26
§ 1.6. К вопросу о новых подходах в преподавании религиоведческих дисциплин в высшей школе.....	34
Глава 2. Гуманизм, культура, язык в современном мире.....	48
§ 2.1. Вопросы взаимного влияния языковых моделей и нравственных норм в повседневной реальности	48
§ 2.2. Роль иностранного языка в формировании парадигмы профессионально-личностного развития	58
§ 2.3. Трансгуманизм как путь к обществу без человека: социально-философский анализ.....	63
Глава 3. Разнообразие культур народов России и мира: прошлое и настоящее	73
§ 3.1. Александр Невский и проблема национальной идентичности и деколонизации России.....	73
§ 3.2. Способы популяризации народного искусства среди молодёжи и сохранения культурной самобытности народов России.....	79
§ 3.3. Влияние меняющихся условий советской действительности на отечественную историографию новой экономической политики (НЭП)	87
§ 3.4. Формирование ценности образования на примере культурного наследия птолемеевского Египта	93
Глава 4. Социально-политические и духовные проблемы современного общества и пути их решения.....	105
§ 4.1. Ценность общности, единения людей как основа построения «людского совместного мира» (на материалах трудов Н. А. Бердяева и К. Ясперса).....	105
§ 4.2. Ценности и приоритеты социального государства: обзор исследований современных российских ученых.....	111
§ 4.3. Историческая память как духовный ресурс консолидации общества и воспитания патриотизма.....	117
§ 4.4. Уроки новой экономической политики и современность	125
§ 4.5. «Варяг» не сработал: об использовании художественного произведения в предвыборной борьбе	133
Аннотированное содержание монографии	144
The Annotated Content of the Monograph	149
Ключевые слова / Keywords	155

ГЛАВА 1. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

§ 1.1. Духовно-нравственное состояние русского народа в период 1917–1921 гг. на примере Нижегородской епархии

© Серухина О. Е.

Период революционных событий стал временем разрушения аксиологической иерархии, переоценки ценностей, временем страшного падения нравственных устоев. В январе 1918 г. Советом народных комиссаров был обнародован Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, лишивший Церковь экономической основы. Согласно девятому пункту декрета запрещалось преподавание религии в государственных, публичных и частных школах [20]. «Несмотря ни на какие протесты общества и организаций все учебные заведения лишились преподавания Закона Божия и законоучители-преподаватели оказались как бы изгнанными из школ, а отсюда потеряли всякое влияние в деле религиозно-нравственного воспитания детей и юношества» [43. С. 213]. Представители духовенства отмечали, что «Страх Божий в людях погас, а взамен появилась тупая самонадеянность» [17, О. 2 № 8. С. 20]. «Мы были свидетелями того удивительного явления, – писал благочинный четвертого Сергачского округа о. Николай Соколов, – как безболезненно по-видимому совершился для народных масс политический переворот. Влекомый своими вождями, народ идет без сопротивления за указкой и беспрекословно подчиняется всякой нелепице» [Там же]. В исследуемый период отмечалось преобладание специфичных агитационных технологий: лозунги типа «Свобода. Равенство. Братство» не подкреплялись никакими конструктивными предложениями, играли на эмоциональном состоянии людей. В результате подобной психологической обработки народ,

приведенный в состояние крайнего возбуждения, проецировал восторг в адрес новой власти и одновременно ненависть и агрессию на «классовых врагов». «Злоба, ненависть, зависть, равнение только на словах; все питается мечтами совершенно беспочвенными и на воде этого всенародного смятения любители ловли рыбы в мутной воде, писалом новоявленных откровений – все эти “оратели” – вилами пишат законы и предположения будущего, лучшего, чем во всем мире, социального устройства убогой, несчастной Родины. Вся вообще жизнь – громадный костер, где маленькая искра производит невероятный взрыв всенародного озлобления» [17, О. 2 № 8. С. 20].

Почти во всех отчетах епархиальных благочинных за исследуемый период отмечается, что в начале революционных событий «одурманенный небывалыми обещаниями народ» отстранился от Церкви. К духовенству проявлялась открытая враждебность, вылившаяся в гонения. В период Гражданской войны отмечается обратный процесс массового обращения народа, в том числе убежденных атеистов, к религии, что объясняется потрясением, испытанным при виде жестокости и насилия со стороны всех враждующих сторон. Осознав ценность веры как единственной опоры, народ самоотверженно защищал храмы, которые согласно декрету СНК подлежали закрытию и разорению, отстаивал священнослужителей, которых пытались арестовать. Стоит отметить, что подъем религиозного воодушевления наблюдался в городах больше, чем среди сельского населения [17, О. 2 № 8. С. 20]. Возможно, это связано с более высоким интеллектуальным и культурным уровнем городских жителей.

Парадокс времени: повсеместно в губернии от отдельных лиц звучали слова о ненужности храмов, духовенства и в то же время везде религиозная жизнь во внешнем проявлении текла так же торжественно и величественно, как и прежде. Именно в период начала гонений наблюдался подъем богослужебной жизни. Численность прихожан,

активно принимавших участие в совместной молитве, увеличилась. Увеличилось число совершаемых треб.

В то же время общая тенденция отношения народа к вере, Церкви и духовенству в данный период характеризуется как апостасийная. Немалую роль в этом сыграло возвращение с фронта солдат, изменивших свои взгляды на религию под влиянием политической пропаганды. Именно они во многом определяли течение жизни на селе и мировоззрение односельчан. Такое давление разрушало нормальную религиозную жизнь приходов. «Потерявшие в партийной борьбе всякий стыд и совесть, утратившие веру, начиненные глупыми бреднями о своем над всем праве и господстве, они развернулись здесь на всю ширь русской души: обратились прежде всего против своих пастырей» [17, О. 2 № 8. С. 20]. Агрессивное отношение к духовенству культивировалось равнодушием и запуганностью прихожан. Внезапное отторжение молодых солдат от веры вызывало отчаяние их родителей. Крестьянка с. Валкова Макарьевского уезда, мать солдата, с горечью говорила своему сыну-отступнику: «Лучше бы ты там совсем погиб и не воротился, чем воротился с такими убеждениями и враждой к Церкви» [17, О. 2 № 8. С. 20].

В связи с тем, что революционно настроенная часть прихожан местами брала власть в приходе в свои руки, участились случаи нарушения церковной дисциплины. Например, в четвертом Сергачском округе в начале 1918 г. в некоторых местах постановлениями сходов запрещалось поминать епископа, поскольку владыку Иоакима (Левицкого) часть прихожан считала приверженцем старого строя.

В нарушении церковной дисциплины обвинялись и священно- и церковнослужители. «Православное духовенство делится на черное (монашество) и белое (приходское), в котором, в свою очередь, выделяются священнослужители (священники и дьяконы) и церковнослужители (дьячки или пономари, псаломщики)» [42. С. 580].

Отличие священнослужителей от церковнослужителей заключается в следующем. Священнослужители – священник и диакон, рукополагаются епископом и имеют разные степени посвящения. Диакон помогает священнику в богослужении и таинствах, но сам совершать их не может. Проводить богослужение помогают иподиаконы (прислужники епископа), алтарники (наследники древних чтецов) и певчие (наследники древних певцов) – все они называются церковнослужителями. Духовенство и церковнослужители вместе образуют церковный причт, или клир. Православных христиан, не имеющих священного сана, называют мирянами. Чтобы прислуживать в алтаре или петь в церковном хоре, мирянину необходимо взять разрешение у настоятеля храма [42]. Принимая во внимание специфику деятельности священно- и церковнослужителей, становится очевидным противоестественность положения вещей, о котором с болью говорилось на собрании духовенства и мирян Павловского округа в 1920 г.: «...Среди пастырей находятся такие, которые... подают своим поведением соблазн. В алтаре... они позволяют себе нередко разговоры, к св. престолу относятся без должного страха... прикасаются к святыне на престоле без епитрахили и поручей... безбоязненно проходят между царскими вратами и престолом, как будто это проходное место... позволяют себе опираться на престол, как о простой стол; в крестных ходах вместо строгой молитвенной сосредоточенности позволяют себе бросать взгляды по сторонам, обмениваться замечаниями, а иногда прямо заводить разговоры. Много жалоб приходится слышать на диаконов и псаломщиков. Первые без страха преступают к... престолу, служат почти всегда без приготовления, пред началом службы не подходят под благословение священника. Вторые до крайности вольно держат себя на клиросе, поют без страха и благоговения, не считают нужным участвовать в молитве, избегают благословения священника, позволяют себе во время богослужения

разговоры... поведением подчеркивают, что они только наемники, торгующие своими голосовыми средствами, но отнюдь не благоговейные служители...» [17, О. 2 № 91. Л. 45]. Отсутствие благоговения у священников не могло не влиять на поведение взрослых прихожан. Последние во время службы позволяли себе разговоры, без надобности входили в алтарь, выходили из храма, курили у самой церкви, теснили друг друга, подходя к кресту.

Вместе с тем факт такого трепетного отношения к богослужению и церковной дисциплине среди некоторых мирян (таких как автор цитируемого выше текста) свидетельствует о большем сплочении людей вокруг храмов, их апологетическом напряжении перед лицом постоянной угрозы Церкви со стороны новых властей.

Особенности поминовения усопших характерны для данного периода: в некоторых приходах так называемые годовые поминовения были у большинства прихожан и исчислялись сотнями имен, а в большинстве ругих приходов люди постепенно забывали о своих корнях и в поминаниях значилось всего с десяток имен [17, О. 2 № 91]. Данный факт свидетельствует о том, что поколение, сформировавшееся в новой исторической реальности, мало интересовалось историей своей семьи, именами своих предков. Интересно, что это же явление отмечалось в период Смутного времени и свидетельствовало о глубоком духовном кризисе.

Что касается характера религиозных верований нижегородцев, то отмечается, что прихожане придавали значение больше внешней стороне, обрядовой, в ущерб внутреннему содержанию. Это объяснялось отчасти тем, что территория губернии издревле изобиловала старообрядцами, а отчасти малограмотностью населения.

В связи с революционными событиями и Гражданской войной среди населения губернии усилилась вера в ворожбу, порчу, наговоры, заговоры,

приметы и т.д. Ворожеи работали без устали: люди шли узнать судьбу своих детей, отцов и мужей, взятых на войну. Получали распространение разного рода «святые» листочки, «Сон Богородицы» и т.п.

В исследуемый период увеличилось количество так называемых «небытчиков», то есть лиц, избегающих таинств исповеди и причастия. Хотя в предсмертных случаях христианский долг исполнялся почти всеми, что, впрочем, было вызвано порой не сердечным желанием, а боязнью, что священник не будет отпевать, вскрытие заставят делать и т.п. Вследствие атеистической пропаганды, несмотря на приверженность основной массы населения традициям, количество умерших без церковного напутствия и погребенных без отпевания в исследуемый период возросло по сравнению с 1916 г.

Распространившееся учение о народном «праве и господстве» спровоцировало погромное движение, разгар которого отмечался в Нижегородской губернии осенью 1918 г. Грабежи и насилие доходили до озверения. Насилие уже не считалось преступлением. Разгромы помещичьих имений совершались повсюду поголовно всем населением, причем даже с решения сходов. Нравственная оценка поступков, ранее производившаяся с христианских позиций, в исследуемый период претерпевала катастрофическое изменение. Понятие нравственности получило интерпретацию в соответствии с новой иерархией ценностей, навязанной народу при помощи агитационных технологий. Поэтому грабеж и насилие в отношении и односельчан, и помещиков признавались вполне допустимыми. Страсть к наживе прикрывалась громкими революционными лозунгами. Священники пытались вразумлять преступников, но беседы о Боге, о Церкви, об уважении друг к другу, законе и праве вызывали только раздражение и обвинения в приверженности старому режиму.

Причт с. Мухина Семеновского уезда рисует безотрадную картину периода революционной борьбы за «светлое будущее»: «Под влиянием социальных идей участились грабежи и убийства. В одной версте от Межуек совершено зверское преступление: ограблен хутор Шалтаева, дом сожжен. Хозяина после тяжких побоев нашли с веревкой на шее в бане мертвым. Сын Шалтаева 18 лет и воспитанница 20 лет найдены в подполье сгоревшими, другой сын 12 лет был тяжко избит, так что потерял сознание и найден сбежавшимися крестьянами на пожаре и был спасен от страшной смерти в огне. Затем найдены 2 тела убитых около д. Ежова в 3х верстах от Межуек: один труп молодой женщины раздетый найден в нескольких саженьях от д. Ежова, другой труп с перерезанным горлом в 1/2 версты от Ежова» [17, О. 2 № 91]. Народ на селе жил в атмосфере гнетущего страха. Многие даже днем запирались в домах. Сильные мужчины, кузнецы боялись по одному ездить в город. Деревенская голытьба не скрывала своих преступных намерений. Убийства и грабежи множились по причине безнаказанности. Волну погромов подхлестнула нужда и безработица.

Новой властью культивировалась свобода половых отношений. В результате распущенность достигла невероятных размеров. Духовниками констатировалось всеобщее нарушение юношами седьмой заповеди: «Не прелюбодействуй». Среди девушек нарушение этой заповеди встречалось реже, но последствия были гораздо более тяжелыми: искусственное прерывание беременности, которое нередко оканчивалось смертью женщины. Самыми распространенными обстоятельствами потери целомудрия были массовые мероприятия: так называемые свозы, беседы, вечеринки, народные гулянья, катанья. Большое влияние на усиление этого порока в селах оказывали отхожие промыслы, близость городов и заводов. Отмечается, что моральный уровень городского населения, а особенно работников заводов, был гораздо ниже, чем сельского населения.

Констатировалось массовое нарушение постов. Сквернословие считалось нормой. Почтение к старшим воспринималось как анахронизм. И в политике, и в социально-административной сфере предпочтение отдавалось молодым, неопытным и дерзким людям.

В исследуемый период среди населения были распространены карточные игры, особенно игры на деньги, спекуляция, что соответствовало общей тенденции – желанию быстрого обогащения, отсутствию намерения трудиться и честно зарабатывать. Небывалое распространение получило сутяжничество – болезненное состояние души, характеризующееся склонностью к спорам, доказыванию своей правоты, судебным разбирательствам, отстаиванию своих ущемленных прав, написанию жалоб в различные структуры власти и средства массовой информации, заикленность на этом, несмотря на то, что в действительности нет видимых причин для такого поведения [49]. Констатируется распространение следующих пороков: злоречия, ропота, осуждения, сплетен, страсти к нарядам независимо от социального статуса.

Пьянство среди населения с начала революционных событий усилилось, несмотря на запрет продажи хмельных напитков. Появились суррогаты водки, самогонки, продавался спирт от разгромленных винных заводов [17, О. 2 № 91]. Приходские попечительства о народной трезвости, существовавшие почти в каждом приходе с 1913 г., не потеряли своей актуальности.

Таким образом, революционные события спровоцировали моральную деградацию народных масс. Свобода, провозглашенная советской властью, понималась как снятие религиозных запретов, вседозволенность и безнаказанность, что повлекло за собой небывалую волну разврата, насилия и зверской жестокости по отношению к «классовым врагам». Равенство в прикладном понимании выражалось в грабежах, арестах, унижении и осквернении святынь. Братство

превратилось в наветничество, клевету и предательство. Понимая, что все перечисленные пороки выросли не на пустом месте и что революция была только толчком к их яркому проявлению, многие верующие воспринимали кровавые искушения времени как средство очищения церковного народа от грехов и стремления к заповеданному совершенству.

§ 1.2. Интерактивные методы обучения работе с визуальным историческим источником

© *Вилкова С. М*

Интерактивные методы в настоящее время считаются наиболее перспективными формами обучения. Они применяются на разных уровнях образования и обеспечивают не просто пассивное восприятие информации, но включенность обучающегося в творческую работу, значительно повышают вовлеченность студентов в учебный процесс в целом, задействуют имеющиеся у них знания, подталкивают к их расширению и самостоятельному поиску.

В вузе при подготовке по специальности «история» широким полем применения интерактивных форм является обучение работе с историческими источниками, особенно с использованием новых нестандартных подходов, основывающихся на междисциплинарных методах.

К таким исследовательским методам относится работа с визуальным историческим источником, под которым подразумевается любое изображение – рисунок, скульптура, фреска, мозаика, фотография, кадр из видеоряда и т.д. Их искусствоведческий, прежде всего формально-стилистический анализ успешно применялся еще в XIX столетии. Главным в этом подходе было выявление содержательных и формальных признаков

изображения (материал, композиция, цвет, техника и др.), позволявших отнести его к тому или иному стилю, культурно-историческому периоду и определить его художественную форму [3. с. 235].

Разрабатывавшиеся в XX веке культурно-исторический, семиотический, герменевтический методы, методы психоанализа и другие позволили значительно расширить область применения и информативность визуального исторического источника за счет того, что к описательному методу были добавлены методы расшифровки внутреннего содержания изображения. Важным этапом стали труды Эрвина Панофски, в которых разработан подход, получивший название иконологического [31; 32]. Он включает не только внешнее описание изображения и определение зашифрованных в нем характерных для эпохи символов и смыслов, но и отражение ментальных, мировоззренческих и культурно-исторических основ рассматриваемого периода в целом.

Для обучения студентов анализу визуального исторического источника целесообразно применять командно-групповую форму работы, в которой присутствует элемент соревнования, происходит обмен идеями, знаниями, оценка и рефлексия своих знаний и знаний других. Кроме того, развиваются коммуникативные навыки, умение понимать, слышать и договариваться друг с другом, выстраивать систему аргументации, так как интеракция подразумевает взаимодействие не только преподавателя и обучающегося, но и учеников между собой. То есть эти методы, помимо всего прочего, предполагают активное личностное развитие и развитие интеллектуального потенциала студентов.

Варианты применения могут быть различными, они зависят от уровня знаний и подготовки студентов. Уровень сложности легко регулируется, – преподаватель может предложить студентам анализ всего изображения или анализ одного элемента, повторяющегося в разных

изображениях, попросить отследить его трансформацию в зависимости от времени и культурно-исторических условий.

На начальных этапах задание может включать описание повседневности. Несмотря на кажущуюся простоту, этот прием обучает наблюдательности, задействует накопленный опыт студентов.

Наиболее сложный вариант предусматривает самостоятельную интерпретацию изображения с последующим объяснением. Для упрощения задания преподаватель может сначала представить образец разбора, а затем дать аналогичное задание студентам. Или, как один из вариантов, предоставление готового набора характеристик к деталям представленных изображений и задание найти эти элементы в учебных текстах. Следующим этапом может быть анализ символического содержания изображения. Наиболее приемлемой здесь видится работа в группах или индивидуальная работа, с последующим совместным обсуждением. Задача преподавателя заключается в корректировке ошибок, пояснении спорных мест и дополнениях.

Анализ усложняется, если подключить к исследованию сопутствующий изображению текст. Происходит сравнение визуального образа и сообщения текста, определение того, как эти образы соотносятся друг с другом, как они меняются при переводе из одного в другой и т.д. [10. С. 72].

Применяя эти методы, можно добиться формирования у обучающихся как узкоспециальных, так и общих компетенций. В профессиональной сфере формируются научное мировоззрение, историческое мышление, навыки получения и обобщения исторической информации. Происходит овладение навыками интерпретации различных символических значений и расшифровки отраженных в иллюстрациях элементов культурно-исторического контекста, эпохи, мировоззрения, ценностей.

У студента формируются навыки самостоятельной работы с источником. Задача заключается в том, чтобы показать, что исторический источник содержит неограниченный объем информации разного аналитического уровня. Кроме того, подобные занятия учат студентов анализировать источники в их контексте, показывают его важность и определяющую роль при анализе; формируют представления о путях решения практических задач в профессиональной исследовательской работе; мотивируют к исследовательской деятельности.

Важно отметить, что подобные занятия направлены не на усвоение одновариантного алгоритма, а на понимание общих принципов и закономерностей, что позволит обучающимся гибко применять их в своей исследовательской деятельности и разнопланово подходить к работе с историческим источником в целом.

Такой подход предъявляет ряд методологических требований как к преподавателю, так и к студенту. Прежде всего для точной интерпретации рисунков необходимо хорошо знать исторический контекст, что сведет к минимуму ошибки в интерпретации изображений, также важно знать тексты эпохи и другие подобные работы, чтобы обнаружить топоры, различить, где иллюстратор пользовался общепринятым вариантом изображения, а где отразилось его собственное видение [8. С. 238]. Предполагается наличие базового исторического знания, поэтому такие занятия рекомендуется применять на старших курсах.

Прикладной характер обучения со значительной долей самостоятельной творческой работы формирует знания и навыки, которые не являются раз и навсегда заданными, а могут гибко применяться в разных сферах деятельности и выступать в качестве основы дальнейшего профессионального развития. Подобные занятия значительно расширяют профессиональный кругозор обучающегося и мотивируют его на самостоятельную творческую работу в междисциплинарном поле.

§ 1.3. Педагогическое наследие Е. А. Авдеенко и православное образование в современной России

© *Лебедев И. М.*

В современной России остро стоят вопросы духовно-нравственного воспитания. Большое внимание этому аспекту образовательной деятельности уделяется в православных образовательных учреждениях. Конфессиональное образование в постсоветской России развивается активнейшим образом. В большинстве регионов страны есть православные гимназии, семинарии, духовные училища. Постепенно возрождается институт воскресных школ.

Развивается православное образование и в нашем регионе. В Нижегородской епархии на сегодняшний день существует девять православных гимназий и одна монастырская школа, в которых учатся в общей сложности 3919 учеников. В 2007 году в Нижнем Новгороде была создана Ассоциация православных гимназий Приволжского федерального округа.

В таких условиях возникает необходимость в выработке тех принципов, которые должны стоять в основе воспитывающего образования. Сегодня в поиске таких ориентиров православные педагоги все чаще обращаются к наследию Евгения Андреевича Авдеенко.

Е. А. Авдеенко родился в 1952 году в Москве. В 1975 году окончил философский факультет Московского государственного университета. Стоял у истоков первой православной классической гимназии в Ясенево, которая была основана в 1990 году.

Широкому кругу педагогов он известен благодаря своим работам по половому воспитанию подростков. Особой известностью пользуется его видеолекция «Начало», посвященная проблемам переходного возраста.

Сделанная в формате урока, она прекрасно подходит для демонстрации в учебной аудитории.

Однако, помимо популярных аудио- и видеолекций, у Е. А. Авдеенко есть еще много работ, касающихся библейской герменевтики, русской классической литературы и античной трагедии. Некоторые из его идей уже получили разработку в православной педагогике, другие – еще мало известны учительскому сообществу.

Условно творческое наследие Авдеенко можно разделить на три части:

1. Работы по осмыслению и философскому прочтению ветхозаветных текстов Библии. Здесь выделяются его «Беседы на Книгу Бытия», прочитанные на православном радио «Радонеж»; цикл бесед «Библейские основания русской идеологии», аудиобеседы на Книгу Иова и многие другие. В настоящее время идет подготовка к изданию ряда работ автора по ветхозаветной герменевтике. Некоторые из них уже появились в печати [1; 2].

2. Труды, посвященные исследованию древнегреческой поэзии («Эсхил. Софокл. Богословие античной трагедии», «Гомер: мировоззрение эпоса»).

3. Исследования по русской классической литературе и ее связи с библейским мировоззрением и современностью («Евгений Онегин»).

В настоящее время в православной педагогике идет активное освоение творческого наследия Е. А. Авдеенко. В этом направлении работает его супруга Н. И. Московцева [30]. Большой вклад в популяризацию его идей вносит известный педагог и общественный деятель протоиерей Сергей Гомаюнов. Будучи профессиональным историком, кандидатом исторических наук, о. Сергей занимается разработкой исторических концептов с точки зрения методологии Е. А. Авдеенко. В последние годы им выпущено несколько книг по данной

тематике [13; 14; 15]. Кроме того, освоением современной образовательной программы с точки зрения педагогических установок Авдеенко сейчас активно занимается Ассоциация православных гимназий ПФО. Здесь разрабатываются рабочие программы, модели уроков, выпускаются методические пособия [4; 11; 33].

Можно сделать вывод, что на сегодняшний день педагогическое наследие Е. А. Авдеенко продолжает оставаться востребованным и интерес к нему в среде православных педагогов неизменно растет.

§ 1.4. Взгляды В. В. Зеньковского на воспитание и самопознание христианина в контексте православной педагогики и антропологии

© Романов А. А.

Поиск смысла жизни, определение и расстановка ценностных приоритетов является основой всех философских и религиозных систем. Люди по-разному отвечают на вопросы, заданные себе: «Кто я?», «Для чего я живу?» и т.д. Одни пытаются определить направления и основные перспективы своей жизнедеятельности; другие, как им представляется, находят ответы, но остаются неудовлетворенными и пытаются начать все заново [38. С. 149].

Человек в течение всей своей жизни осуществляет процесс самопознания. Это заложено в самой его видовой сущности: человек – существо, наделенное феноменом сознания, знающее – в отличие от животного – не только окружающий мир, но и себя в этом мире.

Самопознание неизменно связано с воспитанием, так как в процессе воспитания личность получает систему качеств, взглядов, убеждений, необходимых для дальнейшего развития.

Христианские учителя, апологеты, Святые Отцы считали самопознание и воспитание одной из главных целей жизни верующего человека. Такая установка восходит еще к словам апостола Павла: «Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя» (1 Тим. 4:16) [39. С. 107].

Однако о появлении законченной системы христианской педагогики можно говорить лишь применительно к периоду Вселенских соборов, именно в IV–VII вв. были сформированы ее основные принципы:

1. Христороцентричность. Христос – глава Церкви, Христос есть и основа христианской педагогики и антропологии. Он есть образ, идеал.

2. Экклезиологичность. Только находясь в постоянном богообщении, мы обретаем Христа (участие в таинствах, богослужениях и т.д.).

3. Педагогичность. Православная педагогика и антропология учит нас, что уподобление Христу, обожение есть необходимый и самый главный процесс в жизни каждого человека.

Эти постулаты нашли отражение в святоотеческом наследии.

Изучив труды основных представителей восточной и западной патристики, можно заключить: основная цель христианской педагогики, в отличие от светской, – это приготовление человека не только к жизни в мире, но, что самое главное, к жизни вечной, где главным побудительным принципом всех действий является Бог, а в основе замыслов и поступков должна быть Богоцентричность [37. С. 55–59].

Этой же парадигмы придерживались и русские религиозные философы, в том числе Василий Васильевич Зеньковский (о. Василий). Он пытается дополнить или переосмыслить сформировавшиеся идеи в современные для его времени реалии.

Необходимо отметить, что в работах Зеньковского проблемы общей психологии и темы, близкие к ней, рассматриваются до середины 30-х годов XX в., после чего он обращается в сторону богословия и православной педагогики. Но именно вопросы самопознания начинают исследоваться им в этот период. Он уделяет особое внимание эмоциональной сфере человека: «Наша душа, таким образом, построена иерархически; центр ее – эмоциональная сфера, а сферы ума и воли, не сводимые к эмоциональной сфере, в то же время зависят от нее» [23. С. 8].

Выделяя суть проблемы самопознания, В. В. Зеньковский говорит, что личность не может быть абсолютизирована, так как не развивается сама из себя, она приобретает свое содержание в общении с миром ценностей, в живом социальном опыте, в обращении к Богу. «Личность, – указывает В. В. Зеньковский, – и метафизически и этически не замкнута в

себе, – она входит в систему мира, подчинена ее законам, сопряжена с внешними началами, стоящими над миром...» [23. С. 73]. У каждого своя тварная сущность личности. Всякая личность имеет два полюса: своеобразное неповторимое «я» и надындивидуальное начало; два слоя: эмпирический (социальный) и духовный; две личностные природы: божественную и человеческую. Личность, являясь субъектом жизни человека, имеет ущербный характер и вне связи с абсолютным – ничто [39. С. 108].

Познание себя направляет человека на изменение внутренней природы, которая подвержена греху. Но через соотнесение себя с образом Божиим личность приходит к переосмыслению и изменению своей жизни. Процесс самопознания, по В. В. Зеньковскому, – движение личности человека к Богу. Фактически такое понимание самопознания христианина у Зеньковского есть прямая отсылка к евангельской цитате: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48) – и посланию апостола Павла: «Испытывайте самих себя... самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас?» (2 Кор. 13:5).

Вопросы самопознания тесно связаны с антропологией, которой Зеньковский посвящает основную часть своих трудов. Он не отказывается от исследований, посвященных познанию себя человеком, просто переносит их в область педагогики, формулируя основные принципы православной антропологии, тем самым предпринимает попытку в их свете разрешить важнейшие проблемы воспитания.

Прежде всего В. В. Зеньковский ставит вопрос о религиозном обосновании педагогики. Для педагогики в целом, а не только для религиозного или морального воспитания необходимо привлечение идей христианской антропологии, так как последняя дает ключ к пониманию жизни души и внутренней диалектики ее исканий, считает мыслитель.

Религиозное направление в педагогике, говорит В. В. Зеньковский,

меньше всего стремится отрицать свободу педагогической мысли или практики, отодвинуть на задний план все богатейшие данные, которыми пользуется педагогика из отдельных наук или философских дисциплин, но оно стремится осветить факт связи педагогической мысли с системой религиозных идей, понять и осмыслить эту связь. Приближение школьного и внешкольного воспитательного дела к путям православной культуры является, считает философ, исключительно важной задачей [25. С. 21]. «Речь ведь идет не о том, чтобы искусственно связать истины Православия с проблемами и построениями современной педагогики, а о том, чтобы раскрыть внутреннюю связь подлинных и серьезных достижений современной педагогической мысли с тем глубоким пониманием человека, какое развивает христианство» [25. С. 23].

Аргументы В. В. Зеньковского достаточно обоснованны и современны. Русская педагогика имеет своеобразные черты, которые еще недостаточно поняты и изучены. По крайней мере до XVIII в. проблемы воспитания решались в рамках православия и важнейшей задачей воспитания было духовное устройство человека [26. С. 18]. В XIX в. основоположник русской педагогики К. Д. Ушинский, определяя человека как «предмет воспитания», в самом человеке целью воспитания считал душу, а веру – человеческой потребностью и не отрицал религиозную педагогику.

Все то, что есть в педагогическом наследии В. В. Зеньковского, имеет несомненную связь с творчеством С. А. Рачинского, К. Д. Ушинского, П. Ф. Каптерева и не противоречит развиваемым ими направлениям в русской педагогике.

Обращение к религиозно-педагогическим построениям В. В. Зеньковского позволяет восстановить еще одно звено в отношении православной традиции и современной жизни.

В современной педагогике важнейшей характеристикой воспитания

выступает целенаправленность педагогических воздействий, которые из внешнего плана переходят во внутренний план личности, связываются с внутренним ее содержанием, ее внутренней жизнью. В. В. Зеньковский пишет: «В этом превращении извне приходящего материала во внутренне обусловленные силы и движения души собственно и заключается задача воспитания: извне навязанное должно через воспитание стать внутренне необходимым» [25. С. 24].

Цели и задачи воспитания нельзя искать вне личности, вне ее развития, ее своеобразия, ее даров и сил. В. В. Зеньковский прав, что понятие личности есть центральное понятие педагогики. Он возражает против абсолютизации личности, так как согласно христианской антропологии это противоречит системности и единству мира, «в котором множественность личностей не устраняет их живой связанности и взаимозависимости», а также противоречит моральной сфере, так как «сфера ценностей не создается личностью, а, наоборот, ее создает и питает» [25. С. 25–26].

Если ставить задачу воспитания личности как таковой, то решать ее вне вопроса о смысле жизни, жизненного пути. Именно такая позиция зачастую имеет место в педагогической практике, но, по Зеньковскому, она неверна. Исходя из такого подхода, смысл воспитания состоит в том, чтобы «дать личности ребенка вообще “раскрыться” в полноте ее сил, помочь ей творчески осуществить то, что заложено в ее глубине, в основе ее своеобразия и особенности. Это и есть превращение центральности понятия личности в верховный принцип педагогики: вся работа воспитания с этой точки зрения заключается лишь в том, чтобы личность могла свободно творить самое себя, чтобы ее творческие силы не были ничем стеснены» [25. С. 25].

В. В. Зеньковский считает, что такая позиция превращает воспитание в бессодержательную задачу, так как если личность свободно избирает

свой путь и находит удовлетворение в жизни, которую она строит, то это оправданно в глазах педагогов. Очень похожая позиция, кстати, прослеживается в современных личностно ориентированных концепциях.

Вместе с тем слепое поклонение личности, как у Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстого и их последователей, не затрагивает, по мнению В. В. Зеньковского, основной тайны в человеке. Понятие «личности» недостаточно для определения целей воспитания – только человек во всех противоречиях его существования – цель воспитания. Из множества особенностей личности возникает множественность выдвигаемых на первый план задач воспитания, в разрешении которых усматривается благо личности. Разрешение же проблемы воспитания личности может быть только в плоскости решения вопроса о смысле жизни, выборе жизненного пути.

По Зеньковскому, следует назвать аксиомой педагогики положение о помощи детям в том, в чем они не могут обойтись без помощи взрослого. Оказывая помощь детям, педагоги вместе с тем уходят от серьезных проблем, связанных со скрытой логикой и напряженностью внутренней жизни ребенка.

Зеньковский в этих размышлениях приходит к вопросу гармонии, который тесно связан с вопросами самопознания. Он отрицает идею гармонического развития, и в этом нет ничего противоречивого. Вопрос состоит в том, как понимать гармонию? Гармония в его понимании – это идеал внутреннего и внешнего, поскольку внутренний человек всегда глубже, внешнего, если же в основе стоит гармония способностей, умений, навыков, то соответственно развитие гармонической личности невозможно.

Для преодоления периферийности воспитания необходимо учитывать иерархическое строение человеческой природы: дух – душа – тело.

Не разделяя идеи гармонического развития личностных сил, В. В. Зеньковский, однако, допускает, что педагогами в этом случае движет глубокая любовь к детям, чувство ответственности за их будущее. Поэтому педагогическое внимание сосредоточено на том, чтобы развить в ребенке те качества, которые сделают его сильным и творческим в условиях современной жизни. Положительным моментом идеи гармонического развития личности В. В. Зеньковский считает внимание к развитию конкретных сторон человека: физической, социальной, силы характера, творческих сил, самодисциплины и др. Данный подход, по мнению В. В. Зеньковского, достаточно реалистичен, но в этом реализме заключается противоречие и слабость подхода, так как то, что воспитание возводит в одну из главных задач (всестороннее и гармоничное развитие), не предохраняет детей от трагедий, от жестоких и мучительных неудач, от безрадостности и даже бессмысленности жизни [24. С. 176].

В. В. Зеньковский делает вывод: то, о чем заботится современное воспитание, нужно и важно, но оно не затрагивает основной тайны в человеке, некой экзистенциальной глубины.

Он понимает, что педагогика стремится быть внимательной к запросам ребенка. Воспитание угадывает главную правду о человеке – что все подлинное в нем может быть только свободным, идущим изнутри. И здесь открывается еще одна важнейшая тема воспитания: начало свободы в человеке.

В. В. Зеньковский видит в идее свободы начало освобождения человека от власти природы, так как «свобода дана и не дана» [25. С. 31].

Свобода уже есть в детской душе, духовные силы ребенка, в том числе и дар свободы, не созидаются воспитанием, а являются условием, возможностью воспитания. Воспитание, таким образом, имеет задачу помочь ребенку стать свободным, научиться управлять своим даром, сделать свободу творческой и тем самым познавать себя.

Таким образом, философская, этическая, онтологическая, экзистенциальная дилемма добра и зла через проблему свободы становится педагогической и психологической проблемой: как обеспечить связь свободы и добра. В. В. Зеньковский убежден, что тема добра должна входить в задачи воспитания, но она не должна отделяться от проблемы начала свободы в человеке и, конечно, не сводиться к насаждению добрых привычек, подавлению или ослаблению дурных движений души.

Глубокое и серьезное понимание этой проблемы возможно при изменении подхода к пониманию цели воспитания: не гармоническое развитие, не подготовка к жизни, а обеспечение связи добра и свободы.

Через осознание свободы и добра божественная сторона личности дарит человеку способность самонаблюдения, самопознания. Именно самопознание дает осознание свободы. Имея дар свободы, человек может делать выбор, который высвечивает либо светлую духовность, либо темную, которая ведет к падению и грехам.

В заключение отметим, что Зеньковский, формулируя принципы христианской антропологии, показывает, насколько психология и педагогика, имеющие в основе своей христианские мировоззренческие установки, необходимы для развития целостной личности. Его иерархия ценностей выстраивается на ключевом и важнейшем понятии – свобода, которая избавляет нас от греха и ведет к спасению души: «Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5:1).

§ 1.5. Социализация студента в пространстве вуза

© Бондырева С. К., Никитин А. В.,
Савруцкая Е. П., Устинкин С. В.

На протяжении роста-развития человека пространство его жизни постоянно расширяется, усложняется, происходит развертывание его субъектной активности, личностное развитие. Расширяется физическое пространство, в котором функционирует растущий человек, пространство его общения, действия, проявления реальной активности. Важной границей в жизни растущего человека становится выбор вуза и поступление в вуз – пространство активной подготовки молодого человека к самостоятельной жизни и деятельности в социуме, его воспроизводстве и развитии. Поступая в вуз, человек переходит через границу, окончательно отделяющую его от детства, раннего юношества, но не только возрастную границу, он переходит в пространство организации своей взрослой жизни, выбирая профессию, определяющую характер будущей деятельности, реализуя цель взрослой жизни. Это получение и освоение уже не только необходимых современному человеку общих знаний, но и знаний особых, специальных, необходимых именно ему в организации своей жизни, для удовлетворения своих познавательных интересов, для формирования своей субъектной позиции в новом ему взрослом мире, для устройства своей собственной, достойной жизни в конкретном обществе, в социуме.

Возникает более остро проблема определения себя как индивида, субъекта, т.е. человека, способного к реальной преобразовательной деятельности в обществе, человека, который берет на себя ответственность за построение своей жизни и за действия, необходимые обществу. Практически происходит надлом непрерывности одного пространства «движения в жизни» и переход в другое, отличное от школьного образовательного пространства, которое предполагает четкую ориентацию на определенную профессиональную деятельность и ответственность за свой выбор в личностном плане. Формируется не только субъектная ответственность за собственное будущее, но и способность выполнения своей специальной профессиональной деятельности как условия

сохранения пространства жизнедеятельности сообщества – общества, беря на себя ответственность за это, выполняя свою профессиональную деятельность как долг. Но не только профессиональный, но и долг гражданина в целом, реализуя соответствующий уровень социализации. Именно в пространстве вуза процесс *социализации* происходит активно. И именно поэтому проблема «организации» пространства вуза как объективно формируемого и задаваемого пространства-времени образовательного процесса и как определенного пространства-времени жизни, на протяжении которого человеком усваиваются нормы общественных отношений, приобретает особый смысл [41. С. 103].

Здесь формируются и осмысливаются цели и задачи жизни студента, цели и задачи образования, усваиваются профессиональные знания и знания социально значимые, осмысливаются цели и задачи общества. И в этом плане особое значение приобретает проблема социализации как объективно формируемая, необходимая и целенаправленно управляемая (что в значительной степени просело в настоящее время) в структурно содержательном пространстве образования в вузе, так и в реальной деятельности студентов, объективно осуществляемой и субъектно организуемой ими. В связи с этим важным представляется четкое понимание смысла и сущности пространственно-временного этапа в жизни человека, поступающего в вуз и обучающегося в нем. Это имеет значение также в контексте понимания социальной важности вуза в качестве значимой социальной структуры в социокультурном пространстве жизни общества, обеспечивающей не только квалифицированные профессиональные кадры, необходимые для эффективного развития и прогресса общества, но и формирование активного субъекта-гражданина. Это важно и для формирования образованного человека, его интеллектуального роста, гражданина, субъекта активного действия, ориентирующегося в ситуации и способного к преобразовательным

действиям, необходимым обществу и ему для функционирования в последнем и роста-развития в нем. А это предполагает глубокое осмысление возможностей и роли вуза в активизации и направленности объективно совершающегося процесса *социализации молодежи*, в данном случае студентов, а поэтому не только выполнение конкретных образовательных программ в плане передачи знаний, но и раскрытие смысловой социальной нагрузки и значения их в организации жизни общества, социального функционирования студента в будущем. Функционирования не только как специалиста, творчески осуществляющего профессиональную деятельность, но и как члена общества, в данном случае общества современного, значительно измененного по своим характеристикам, определяемого как глобальное сообщество, общество информационное и т.д.

А это требует не только углубления осмысления характера *объективно осуществляющейся* социализации студентов в общем социокультурном пространстве их функционирования, и прежде всего в пространстве вуза. Последнее приобретает особый смысл, во-первых, с учетом задачи подготовки квалифицированного специалиста, способного к активной деятельности в обществе, и, во-вторых, с учетом особой ситуации, создаваемой в вузе в процессе совместной деятельности студентов и преподавателей. Важным становится изучение особенностей, возможностей объективно осуществляющейся социализации студентов в условиях **освоения специальной деятельности** как важного основания функционирования их в будущем, когда специализация профессиональная не только сохраняет свое значение в структуре общей социализации человека, но и приобретает новые смыслы и значения для него как гражданина. Последнее требует активной, целенаправленной деятельности, развертываемой студентом в обществе в сложных современных условиях развития последнего. Но познавательная

активность студентов в настоящее время часто снижена. В новых условиях предпочтение часто отдается не глубине познания предмета, а общей информации о тех или иных явлениях, исследуемых в его рамках. Это, в частности, четко проявляется в условиях современного информационного бума, активного развертывания действия информационных сетей, предоставляющих огромный объем в основном не ранжированной информации, в том числе важной и интересной для молодежи, но не заменяющей направленное формирование и углубление знаний студентов. Снижена, и значительно, общественная активность молодых людей (в частности, по отношению к годам середины прошлого тысячелетия). Между тем потребность в углублении квалификации, общих знаний, активности человека в сложных условиях развития современного общества, активизации его участия в его развитии постоянно растет [47. С. 44].

В сложившейся ситуации представляется значимой разработка специальных программ, обеспечивающих целенаправленно организуемые действия в пространстве вуза по повышению познавательной, творческой активности студентов, интереса к предметам, осваиваемым в вузе, к профессиональной деятельности, но также к значимым проблемам современного человека и общества.

Так, важным представляется более глубокое знакомство студентов, прежде всего старших курсов, с проблемными ситуациями и значимыми завоеваниями в соответствующих предметных сферах, обсуждаемых не только в учебниках, на лекциях и на рабочих программных семинарах, но и более широко – на внутренних или межвузовских мероприятиях (конференциях или семинарах) по общим и острым проблемам. Участие в таких мероприятиях старшекурсников способствует осмыслению ими себя как профессионалов, росту потребности углубления специализации, осмыслению значимости специальности в обществе. Происходит

расширение представлений не только о специальности как особой культурной сфере, но и о себе в этой специальности.

В значимой степени активизации социализации студентов способствует их посильное участие (прежде всего старшекурсников) в проблемных научных конференциях, посвященных также *общим* проблемам современного общества, – таких как «Глобальные изменения в мире и особенности развития современного общества», «Современное информационное пространство и проблема развития отношений современного человека», «Проблемы организации образовательного пространства в новой современной ситуации и его развития», «Культура отношений и ее роль в современном обществе» и др., способствующих приобщению будущих профессионалов к проблемным ситуациям развития общества, а поэтому оптимизации их социализации как реально активных граждан в нем, прежде всего в их будущей деятельности. И реальная практика таких приглашений студентов на обсуждение серьезных, в данном случае общезначимых проблем «взрослыми», в частности их педагогами, оказывает большое влияние на осмысление ими отношения к себе, своей специальности, к своей гражданственности при осмыслении общественной значимости обсуждаемых проблем. Это четко фиксировалось, в частности, при приглашении студентов Московского социально-психологического университета на заседания «Теоретико-методологического семинара при Президиуме РАО», проводимые по *соответствующим* общим научным проблемам в МПСУ («Культура как условие и механизм воспроизводства общества», «Проблемы отношений в современном обществе и роль информационного пространства в их построении в современном мире» и др.), на которых студенты выступали лишь в роли пассивных слушателей. Но эти семинары оказывали влияние на всплеск интереса студентов к познанию значимых проблемных ситуаций, будили чувство причастности (пусть лишь на уровне

присутствия на обсуждении) к чему-то реально важному в науке и обществе и когда перед ними открывались новые пространства, которые надо еще понять и осмыслить человеку, и они могут и должны принять участие в этом (пусть даже в будущем).

Одним словом, вуз, объективно вписанный в социальное пространство общества, может и должен стать не только структурной организацией в последнем, выстраивающей знаниевое пространство человека в определенной, осваиваемой им сфере деятельности, но и мощным плацдармом его социализации как человека исторически определенного общества [5; 6]. Главное, формирование его как реального субъекта определенной специальной деятельности, а не просто как носителя ее технических требований. С этой точки зрения вуз становится не только пространством освоения специальных знаний, в определенной сфере деятельности человека, но и пространством социального роста и воспитания гражданина в более широком смысле. Это особенно важно, потому что в настоящее время произошло определенное проседание по отношению к предшествующему периоду, когда студенческая молодежь достаточно активно участвовала в общественно важных делах, более активно (например, формировала свои научно-студенческие общества и т.п.). В данном случае речь идет об углублении профессиональной сферы и общей социализации студентов, обеспечивающих не только реальную профессиональную знаниевую готовность, но и внутреннюю психологическую связь со специальностью как важной сферой личностного самоопределения.

Важным представляется создание в вузе творческого духа и провоцирование роста интереса к выбранной специальности, осмысление ее значимости в социальном мире. А это требует целенаправленного, осмысленного формирования соответствующей творческой ситуации, наличия пространства роста творческих идей и четкого осмысления пути

их реализации как условия сохранения мыслительного пространства человека. И в этом плане задачей вуза является подготовка не просто профессионала, специалиста в определенной сфере деятельности, а квалифицированного *субъекта* деятельности, не только знающего свою специальность, но и управляющего ее развитием как социально значимой профессиональной сферой, позитивно оцениваемой в обществе.

Создание соответствующей творческой целостно представленной образовательной среды при множественности разных предметов, различии преподавателей, как носителей соответствующих предметных знаний, реально достаточно сложно. Но тем не менее чрезвычайно важно. Особенно важно это в условиях господства в современном мире интернета и сетевого общения носителей огромной совокупности многохарактерных, разнонаправленных знаний, в том числе неупорядоченной научной информации. Устойчивость, четкость, широкая и глубокая представленность профессиональных знаний при растущей потребности осмысления нового современного мира становится важной задачей вузовского образования [22. С. 204].

Важным моментом формируемых в пространстве вуза отношений в процессе обучения является выработка *отношения* к своей специальности, отношения к себе как носителю этой специальности, значимо определяющего его субъектную позицию в социуме [41. С. 105].

Студент должен в аудиториях вуза не только вникнуть в смысл совокупности целенаправленно выстроенных специальных знаниевых программ, которые он должен освоить, осмыслить и присвоить определенную совокупность специальных, разнопредметных знаний, связанных с определенной специальностью. Но пространство-время обучения в вузе обеспечивает достаточно широкие возможности вписывания их в проблемные поля не только определенных специальных (специализированных) знаний, осваиваемых в соответствующем вузе, но и

шире в социальное пространство общезначимых проблем, в социальную жизнь, их социализацию. И эти возможности должны быть использованы в вузе, когда перед студентами, в данном случае последних курсов, открываются реально большие возможности их гражданского будущего.

Задачей вуза является подготовка не просто профессионала, специалиста в определенной сфере деятельности, квалифицированного *субъекта* профессиональной деятельности, не только знающего свою специальность, но и управляющего ее развитием как *социально значимой* профессией, осмысливаемой в развитии общества при осмыслении себя как гражданина последнего. А это полагает разработку определенных программ вузовского обучения с учетом последнего.

§ 1.6. К вопросу о новых подходах к преподаванию религиоведческих дисциплин в высшей школе

© Солнцев Н. И.

Религиоведение как отдельная область гуманитарного знания начинает складываться со второй половины XIX века как синтез истории, философии, социальной философии, социологии, лингвистики, археологии и других антропологических дисциплин. Возникая как светское научное направление гуманитарной мысли, религиоведение неизбежно становится антитезой богословскому пониманию сущности религии. Поиски собственного места в гуманитарном пространстве, занятом богословским пониманием данного предмета, неизбежно заставили религиоведение поставить во главе собственного познавательного процесса противоположное богословскому рационалистическое начало. Отбросив религиозную феноменологию, исследование религии вынуждено было опереться на современные достижения светской гуманитарной мысли и дать научное объяснение религии. Это обстоятельство спровоцировало разрыв богословского и светского понимания религии, что привело в свою

очередь наиболее радикальные круги религиоведов к пропаганде отрицания теологического понимания предмета и яркой критике его сущности, тем самым сформировав направление научного атеизма.

Подобное положение дел вряд ли можно считать случайным. Экономические и социально-политические сдвиги в обществе в конце XIX – начале XX века потребовали пересмотра многих казавшихся незыблемыми мировоззренческих начал. Бурное развитие капиталистических отношений в России этого периода приводит широкие слои населения к ревизии веками складывавшихся ценностей. Следствием этого брожения умов становится широко распространенное в обществе антирелигиозное мировоззрение. Революционные события 1917 года приводят к тому, что 2 апреля выходит постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», объявляющее равные права всех вероисповеданий, а 14 июля 1917 года – постановление «О свободе совести» [48. С. 510–514]. После прихода к власти большевиков эти постановления Временного правительства в новой редакции вошли в третий пункт Декларации прав народов России.

Полученные свободы стимулировали развитие антирелигиозных направлений в общественной мысли. Вместе с отрицанием общественно-политического прошлого России явился спрос и на отрицание ее религиозного наследия. Подобное мировоззрение, поднятое на щит новой коммунистической властью, перевело изучение религии в режим жесткого оппонирования любому подходу, отличному от естественно-научного, основанного на марксистско-ленинской идее. Все это сформировало предмет научного атеизма и определило его задачу как аргументированную критику религии, доказывающую ее полную идеологическую неприемлемость для советского общества. Главной задачей научного атеизма становится изучение «закономерности

объективного процесса преодоления религии и вытеснения ее другими, более высокими формами духовной жизни людей» [16].

Задачи научного атеизма определили структуру и понятийный аппарат курса как систему мировоззренческих знаний, подразделяемых на три основные группы. На первое место выходит критика религии как социального явления, включающая в себя исследование причин и условий возникновения религии и воспроизводства ее в различные исторические эпохи. Далее следует апология атеистического воспитания масс и формирование атеизма как социального явления. И, наконец, в третью группу проблем входят аспекты изучения атеистической зрелости общества и путей дальнейшего ее повышения [16. С. 6–7]. Глубокая связь с марксистско-ленинской философией и ее взглядами на развитие общества отразилась в последовательности подходов в реализации задач преподавания данной дисциплины.

Курс научного атеизма по ставшему уже классическим учебнику Н. С. Гордиенко начинается с определения сущности, структуры, социальной роли и корней религии. Далее следует исторический экскурс в проблему возникновения религиозного сознания, анализируются его ранние родо-племенные религиозные формы, дается прогноз развития религиозных представлений нарождающегося классового общества. Этой ступени классового развития соответствуют уровни национальных религий, представленных индуизмом, синтоизмом, конфуцианством, даосизмом и иудаизмом. Структурам развитого классового общества соответствуют главы, характеризующие буддизм, христианство и ислам. В условиях нарождающегося кризиса классового общества, согласно структуре повествования, кризис происходит и в религиозной сфере, что влечет за собой разрушение традиционного религиозного сознания эпохи упадка капитализма. Яркой альтернативой подобной социальной картине становится советское общество, где религиозность сохраняется

исключительно как досадный пережиток. На этом первый, самый продуктивный раздел учебника заканчивается. Два других раздела повествуют о научном атеизме как явлении и о его месте в системе воспитания в социалистическом обществе [16. С. 15–125].

Не стоит говорить, что подобная схема подачи материала в условиях идеологической безальтернативности стала образцом для любого произведения, отражающего аспекты религиозного сознания и веры. В условиях господства эволюционной парадигмы выстраивание структуры изучения религии через ее развитие было вполне обоснованно. Именно в этом ключе выстроены неоднократно переиздававшиеся работы С. А. Токарева «Религия в истории народов мира» [45] и «Ранние формы религии» [44], той же схемы придерживается и Л. С. Васильев в работе «История религий Востока» [9]. Справедливости ради следует отметить, что в системе идеологии, где социалистическое общество господствовало как высшая ступень эволюции, достигнутая человечеством, подобная схема выглядела вполне убедительно. Однако время показало, что взгляд на подобную трактовку развития человеческой истории был излишне оптимистичен. События конца XX – начала XXI века убедительно доказали, что стадильный марксистско-ленинский подход к осмыслению исторического развития не всегда оказывается объективным.

Крушение Советского Союза, демонтаж социалистической экономики, политический кризис, обнищание населения, крушение устоявшихся принципов морали и права ознаменовали ренессанс религиозности, возрождение религиозных настроений и культовых практик, практически потерянных в современном обществе. Подобные общественные настроения требовали быстрой реализации, предполагающей ответы на вопросы, научение и воспитание, объяснение принципов и ценностей возрождаемой религиозной традиции. К величайшему сожалению, к выполнению данной задачи ни одна

религиозная организация в постсоветской России не была готова. Выходя из полуподпольного состояния, религиозные учреждения больше внимания уделяли своему укреплению в административной системе новой России, чем реализации своих общественных функций. Следствием подобного положения дел стало стремительное развитие мистических учений, тоталитарных сект, религиозного экстремизма.

В сложившейся непростой ситуации религиоведение как дисциплина могло бы взять на себя разрешение многих проблем, стоящих перед обществом, однако этого не произошло. Дело в том, что, к величайшему сожалению, в условиях обвального спроса на религиозное просвещение российское религиоведение могло предложить своим слушателям только старую атеистическую пропаганду, спрос на которую в современном обществе серьезно упал. Все это привело к тому, что значительный круг вопросов религиозной тематики, возникающих у общества, так и остается без ответов, а преподавание религиоведческих курсов, хотя и в скрытой форме, продолжает ретранслировать старые советские принципы. Свидетельством данного явления может быть обзор современных программ и учебных пособий по специальности «религиоведение».

Приведенный ниже обзор учебных курсов и программ не претендует на глобальный библиографический охват, но позволяет выявить основные тенденции в современном преподавании религиоведения в высших учебных заведениях нашей страны. В выборку вошли:

1. Программа семинарских занятий по религиоведению для культурологов. 2 курс заочного отделения, автор Ф. А. Дорофеев, доцент Нижегородского госуниверситета [21];

2. Рабочая программа учебной дисциплины «Основы религиоведения», автор З. М. Узаймагомедова, преподаватель Дагестанского государственного медицинского университета [46];

3. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Религиоведение» для студентов всех форм обучения и специальностей, автор А. В. Гайдуков, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена [12];

4. Программа дисциплины «Религиоведение», автор А. А. Малашенко, доцент Брянского института управления и бизнеса [29];

5. Рабочая программа учебной дисциплины «Основы религиоведения», автор Д. Ю. Буранок, преподаватель Самарского художественного училища имени К. С. Пертова-Водкина [7];

6. Рабочая программа «Религиоведение», авторы В. Л. Харланов и А. Н. Федоров, преподаватели Института права Челябинского госуниверситета [50].

Как видно из приведенного списка, выборка охватывает совершенно разнообразные дисциплины, уровни и направления подготовки студентов, однако, несмотря на это, все программы объединяет одно – ярко выраженный формационный подход, почерпнутый в конечном итоге из приснопамятных научно-атеистических выкладок. По сути, за основу программ, а следовательно и за основу обучения по этим программам, взята первая часть уже цитированного учебника Н. С. Гордиенко. Достаточно ясно этот принцип представлен в публикации Ф. А. Дорофеева, который, перечисляя познавательные аспекты религиоведения, даже задается вопросом, что составляет основу дисциплины: «История религии или история религий?» [21]. Ответ очевиден: конечно, история религии, тесно связанная с эволюционной парадигмой развития общества от его простых форм к более сложным, от формирований религиозных представлений первобытного общества через презентацию национально-государственных религий к мировым монотеистическим религиозным системам. На первый взгляд все кажется логичным и максимально функциональным. Тем не менее хочется

осведомиться, неужели на мировых монотеистических религиях заканчивается процесс эволюции? Научный атеизм, продолжая эволюционный процесс в обозримое будущее, последовательно отстаивал идею разложения и умирания религиозных культов, формирования вместо них нового научного осознания человека в мире. На этом принципе и строится методика подачи материала у Н. С. Гордиенко, именно поэтому до сих пор его учебник и отличается логичностью и законченностью. Современные же программы стыдливо обрывают повествование на полуслове и полумысли. Составители, видимо, посчитали, что уход от разделов, посвященных кризису религиозного сознания, избавит их программы от атеизма. Однако произошло обратное, как это ни печально: современные программы избавились от логики, присущей их атеистическим донорам, от эволюции они отказались, а к феноменологии не пришли.

Достаточно ярко данный вывод подтверждает презентация раздела «Основные понятия религиоведения», предваряющего выкладки истории религий. Данный раздел во всех программах просто копирует выкладки указанного выше учебника по научному атеизму. Суть его сводится к демонстрации религии как социального явления, а религиоведения как способа анализа этого явления с момента его зарождения. Но если научный атеизм предполагал еще и рассмотрение неизбежного кризиса религиозного сознания, то современные программы, как и в презентации истории религии, от этой констатации уходят, либо расчленяя само явление религиозности на частности и характеризуя их по отдельности, либо вводя «новую» терминологию, по их мнению, соответствующую духу времени.

Так, например, в программе А. В. Гайдукова сначала говорится о социологических аспектах религии, а потом вдруг появляется фраза: «Соотношение религии и других религиозных феноменов: религия и культ,

религия и ритуал, религия и магия, религия и мистика, религия и эзотерика, религия и вера, религия и богословие» [12. С. 6]. Получается, что религия – это социальное явление, а ритуал, мистика магия и даже богословие – феномен. Программа, составленная Д. Ю. Буранок, открывается констатацией факта, что религия – феномен культуры, после чего следует анализ антропологических, социальных и психологических корней религии [7. С. 6]. Однако если мы определяем религию как феномен, то у нее должны отсутствовать антропологические и социальные корни. Речь может идти только о психологии, так как феномен – это прежде всего предмет человеческого сознания, который существует вне зависимости от того, существует ли реальный объект [19. С. 12–21]. Да и само столь вольное смешение элементов и понятий философского идеализма и материализма выглядит весьма странно. Программа В. Л. Харланова и А. Н. Федорова, характеризуя предмет религиоведения, анализирует богословский и научный подход к изучению религии [50. С. 7]. Все бы хорошо, да только богословие никогда не «изучало» религию, а истолковывало сущность Божественного провидения, давало систематическое изложение догматов и защищало вероучения о Боге, его деятельности в мире и его откровения от критики извне. Собственно, этим богословие и отличается от религиоведения. К тому же задачи богословия разных конфессий значительно отличаются друг от друга, и приводить все это к единому знаменателю некорректно. Список претензий может быть продолжен, но не это главное. Главное, что указанная методологическая путаница деструктурирует сам познавательный процесс, отрывая методы от подходов, информацию от выводов. Следствием этого становится тот факт, что религиоведение превращается в академически интересную, но полностью оторванную от жизни дисциплину. Философские начала не убеждают, история мировых религий для неспециалистов малоинтересна,

а история собственного национального культурно-религиозного наследия подается в сжатом виде в общем презентативном ряду.

Остается задать вопрос, каковы же причины сложившегося положения. Причины, увы, банальны. Разрабатывать своей собственный курс, опираясь на собственные представления и выкладки, для современного преподавателя сложно, на это уходит огромное количество сил, средств и времени. Кроме этого, в условиях советско-российской стандартизированной системы образования подобные намерения никогда не поощрялись. Учебники создавались ведущими научно-исследовательскими центрами и представляли собой методически «единственно правильную» трактовку предмета. Тот факт, что в современной России подобное явление уже перестало быть нормой, заметили далеко не все. Как следствие, доверие к изданному типографским способом и имеющему библиографические шифры пособию сохраняется. Приведем обзор некоторых из них, ярко иллюстрирующих сложившуюся картину.

Начать можно с учебника «Религиоведение» П. С. Гуревича [18]. Оговоримся сразу, учебник представляет собой подробное, выверенное учебно-методическое сочинение, четко выдержанное в едином стиле современного философского идеализма. Религия представлена автором как феномен, и эта мысль последовательно пронесена через всю книгу. Чтобы указанная гармония не была нарушена, в главе, посвященной философии религии, обойдены стороной все представители философских школ и все философские концепции, не укладывающиеся в русло рассуждений автора, а наиболее «свежие» работы, характеризующие тему, имеют уже семидесятилетнюю давность. Но с последним недостатком можно примириться, дело в другом: учебник рассчитан на бакалавров-религиоведов, то есть будущих специалистов в данной области знаний. Рекомендовать же это сочинение для студентов других, иногда негуманитарных специальностей было бы просто нецелесообразно, данное

пособие представляет собой углубленный курс религиоведения, о чем и сообщается в библиографических данных.

«Религиоведение: учебник и практикум для академического бакалавриата» под редакцией А. Ю. Рахманина, серия «Бакалавр, академический курс» [34]. Содержание и структура данного учебника объясняют упомянутую выше путаницу учебных программ. Сочинение представляет собой весьма вольное совмещение социологии и феноменологии, антропологических, психологических подходов, материалистического и идеалистического философского начала. Авторы, несмотря на предсказуемость результата, постарались объять необъятное, совместив все известное о религиоведении в одном издании, мало заботясь о том, что следующая глава зачастую противоречит предыдущей. Именно так в третьей главе представлены методы религиоведческих исследований [34. С. 58–108]. Раскрытие религиозных представлений в четвертой главе дается на основе религиозной мысли Индии через так называемые «умозрения» [34. С. 115]. Что такое умозрения, авторы так и не объясняют, так как погружаются в рассмотрение мифологии индуизма. После чего неожиданно переходят к анализу религиозной мысли Запада, представленной в широкой палитре от Бенедикта Спинозы до Карла Маркса, от религиозно-философской антропологии через проблемы теодицеи, зла и страдания к философии религии и теологии [34. С. 152, 159, 166]. Путаница и отсутствие структуры характерны не только для этих глав, они пронизывают все учебное пособие. Как следствие, несмотря на то что учебник рекомендован для обучения бакалавров всех специальностей, построить на его основании сколь-либо выдержанный и логичный лекционный курс не представляется возможным.

Однако не все так грустно, можно привести ряд пособий, вполне годных для наполнения общих курсов религиоведения. Примером могут служить работы В. Ю. Лебедева, А. М. Прилуцкого, В. Ю. Викторова

«Религиоведение: учебник для бакалавров» [27], «Религиоведение: учебник для бакалавров» под редакцией И. Н. Яблокова [35], «Религиоведение: Учебник» О. Ф. Лобазовой [28], «Религиоведение: Учебное пособие» под редакцией М. М. Шахнович [36]. Все эти работы не лишены противоречий, везде, согласно веяниям эпохи, совмещены подходы и взгляды философского материализма и идеализма, эволюционизма и феноменологии. Объединяет эти пособия одно – выверенность структуры изложения, восходящая, увы, к структуре введения и первого раздела учебников по научному атеизму. Оттуда берется раздел философии религии, дополненный, правда, религиозной феноменологией, отсюда же берется и неизменная конструкция эволюции религии, от первобытных культов к неизбежному монотеизму. Судя по всему, подобные пособия с понятной и логичной структурой и ложатся в основу всего спектра учебных программ, который был представлен выше.

Данная констатация выводит на первый план закономерный вопрос: насколько необходима в современной образовательной ситуации подобная структура самого предмета? Во времена господства научно-атеистической пропаганды подобная подача материала была вполне логична. Страна социализма – вершина социально-экономического и политического развития, научный атеизм – вершина идеологического развития личности, живущей в этой стране. Констатация этого факта требовала презентации всех исторических форм сознания, демонстрации долгого пути к вершинам советской идеологии, проделанного человечеством. В этих условиях демонстрация истории религиозных учений, от простых к сложным, выдержанная в духе марксистско-ленинского понимания исторического процесса, была вполне закономерна и обоснованна. Так было тогда, но теперь пора задать себе вопрос: насколько такая структура курса отвечает современным потребностям образовательного процесса? Чего, собственно, мы хотим добиться, раскрывая своему студенту, христианину или

мусульманину-неофиту, тайны индуизма, даосизма или буддизма? Не проще ли было бы сосредоточиться на проблемах созидającego начала, присущего религиозным объединениям, рассказать о культуuroобразующем характере каждой конфессии, раскрыть истоки религиозного экстремизма и сектантства, объяснить принципы равенства перед законом и Богом «верующих» и «неверующих», то есть создать курс, который бы обладал бесспорной актуальностью в современном образовательном процессе?

Литература

1. Авдеенко Е. А. Враги Давида и враги Мессии по книге Тегелим (Псалмы). М.: Классис, 2014. 464 с.
2. Авдеенко Е. А. Тема «Каин» в современном мире. М.: Классис, 2014. 304 с.
3. Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М.: Прогресс-Традиция. 2002. 544 с.
4. Библейские основания предметных областей школьного знания: Сборник статей / МБОУ «Вятская православная гимназия во имя преподобного Трифона Вятского». Киров: Буквица, 2016. 76 с.
5. Бондырева С. К. Знаниевая среда в проблемном поле современного образования // Мир психологии. 2019. № 2 (98). С. 239–245.
6. Бондырева С. К. Единое образовательное пространство СНГ как субъект интегративных и дифференцирующих процессов в современном мире // Мир психологии. 1999. № 4. С. 138–145.
7. Буранок Д. Ю. Рабочая программа учебной дисциплины «Основы религиоведения» [Электронный ресурс]. URL: <https://s-h-u.ru/wp-content/uploads/2016/12/Основы-религиоведения-Дизайн-2016.pdf> (дата обращения: 13.04.2022).
8. Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности / Пер. с нем. Е. Козиной. Спб.: Азбука-классика, 2008. 384 с.
9. Васильев Л. С. История религий Востока. М.: Высшая школа, 1983. 368 с.
10. Виппер Б. Р. Введение в историческое изучение искусства. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Изобразительное искусство». 1985. 288 с.
11. Воспитание через обучение: Сборник статей. Киров: Буквица, 2019. 88 с.
12. Гайдуков А. В. Религиоведение: Учебно-методический комплекс. СПб.: БАТиП, 2009. 104 с.
13. Гомаюнов С. А. Авраам, Исаак и козлёнок. Вятка [Киров]: Буквица, 2020. 120 с.
14. Гомаюнов С. А. История России как Закон Божий. Книга для учителя / прот. Сергей Гомаюнов. Вятка [Киров]: Буквица, 2018. 96 с.

15. Гомаюнов С. А. Крещение Руси: историческое предание в контексте библейского мировоззрения. Вятка [Киров]: Буквица, 2015. 112 с.
16. Гордиенко Н. С. Основы научного атеизма: Учебное пособие для студентов пединститутов. М.: Просвещение, 1988. 304 с.
17. Государственный архив Нижегородской области. Фонд 1016.
18. Гуревич П. С. Религиоведение: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014. 574 с.
19. Гуссерль Э. Феноменология / Предисл., пер. и прим. В. И. Молчанова // Логос. 1991 № 1. С. 12–21.
20. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9054838> (дата обращения: 13.04.2022).
21. Дорофеев Ф. А. Программа семинарских занятий по религиоведению для культурологов 2 курс заочного отделения [Электронный ресурс]. URL: http://www.philosophy1.narod.ru/www/html/edu/cur/rel_dor.html. (дата обращения: 13.04.2022).
22. Дробницкий О. Г. Природа и границы сферы общественного бытия человека // Проблемы человека в современной философии. М.: Наука, 1969. С. 189–222.
23. Зеньковский В. В. Курс общей психологии. Прага: [б. и.], 1925. 212 с.
24. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М.: Канон, 1996. 223 с.
25. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Изд. «Свято-Владимирского Братства», 1993. 222 с.
26. Кошелева О. Е. «Душевное строение» в Древней Руси // Свободное воспитание. 1992. Вып. 1. С. 15–18.
27. Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М., Викторов В. Ю. Религиоведение: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 629 с.
28. Лобазова О. Ф. Религиоведение: Учебник / Под. ред. проф. В. И. Жукова. М.: Издательская корпорация «Дашков и К», 2012. 488 с.
29. Малашенко А. А. Религиоведение. Программа дисциплины [Электронный ресурс]. URL: https://biub.ru/assets/sveden/education/psy_rp_religiovedenie.pdf (дата обращения: 13.04.2022).
30. Московцева Н. И. «Преступление и наказание»: Каинова печать и русская революция (уроки по Достоевскому). М.: Классис, 2014. 292 с.
31. Панофски Э. Смысл и толкование изобразительного искусства / Пер. с англ. В. В. Симонова. СПб.: Академический проект 1999. 461 с.
32. Панофски Э. Этюды по иконологии / Пер. с англ. Н. Г. Лебедевой, Н. А. Осминской. СПб.: Азбука-классика, 2009. 432 с.
33. Православное образование в средней школе: трудные вопросы: Сборник статей. Киров: Буквица, 2018. 72 с.
34. Рахманин А. Ю., Светлов Р. В., Пахомов С. В. Религиоведение: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. А. Ю. Рахманина. М.: Юрайт, 2016. 307 с.
35. Религиоведение: Учебник для бакалавров / Под. ред. И. Я. Яблокова. М.: Юрайт, 2014. 479 с.

36. Религиоведение: Учебное пособие / Под ред. М. М. Шахнович. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
37. Романов А. А. Духовно-нравственное воспитание христианской личности в контексте святоотеческого учения и русских религиозных философов // *Filo Ariadne*. 2017. № 4 (8). С. 54–60.
38. Романов А. А. Проблема самопознания в контексте святоотеческой традиции христианства // 10 корпус. 2018. № 4. С. 149–152.
39. Романов А. А., Теплухина В. М. Учение о самопознании в трудах В. В. Зеньковского // *Теология: история, проблемы, перспективы. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием / Под. ред. Н. Я. Безбородовой, Н. В. Стюфляевой. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 106–109.*
40. Рудзиевская С. В. Православный храм: энциклопедия. М.: РООССА, 2014. 271 с.
41. Сайко Э. В. Социализация и индивидуализация как исторически опосредованные механизмы формирования субъектов исторического действия // *Мир психологии*. 1998. № 1. С. 102–114.
42. Стахорский С. В. Русская культура: Популярная иллюстрированная энциклопедия. М.: Дрофа-Плюс, 2006. 815 с.
43. Тихон Затёкин, архимандрит. Священномученик Лаврентий, епископ Балахнинский. Жизнеописание. Н. Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии при Вознесенском Печерском монастыре, 2012. 232 с.
44. Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
45. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М.: Издательство политической литературы, 1989. 576 с.
46. Узаймагомедова З. М. Рабочая программа учебной дисциплины «Основы религиоведения» [Электронный ресурс]. URL: <https://mk-хасавюрт.рф/upload/userfiles/1/osnovy-religiovedeniya560e39af15358.docx> (дата обращения: 13.04.2022)
47. Федоркина А. П. Трансграничность современного жизненного пространства и ее влияние на психологию человека // *Мир психологии*. 2019. № 2 (98). С. 38–48.
48. Фёдоров В. А. Временное правительство и его вероисповедная политика // *Православная энциклопедия*. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. 752 с.
49. Филашихин В. В. Суляжничество [Электронный ресурс]. URL: <https://rosa.clinic/blog/simptomu/sutyazhnichestvo> (дата обращения: 14.04.2022).
50. Харланов В. Л., Федоров А. Н. Рабочая программа «Религиоведение» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csu.ru/faculties/Documents/C.1.ДВ.1.%20Религиоведение15-16.pdf> (дата обращения: 13.04.2022).

ГЛАВА 2: ГУМАНИЗМ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

§ 2.1. Вопросы взаимного влияния языковых моделей и нравственных норм в повседневной реальности

© Савруцкая Е. П., Устинкин С. В.,
Никитин А. В.

Социокультурные процессы конца XX – начала XXI вв. связаны с новыми тенденциями цивилизационного развития общества. Изменения в коммуникативном пространстве постиндустриальной цивилизации происходят прежде всего на фоне растущей роли средств массовой информации и телекоммуникационной сети интернет, создающих условия как для увеличения общей доступности информации самым широким слоям населения, так и появления новых метаязыков культуры, расширения границ и возможностей виртуальной реальности. В условиях, когда в силу процессов глобализации и углубляющейся интеграции всех сфер общественной жизни происходит размывание основ идентичности, разрушение традиционных форм коллективности и культурно-нравственного регулирования, объединяющих людей, язык становится одним из важнейших средств этнокультурной идентичности, сохранения историко-культурных традиций народов.

Вместе с тем все более заметными становятся и обратные процессы. Наметилась тенденция демассификации средств массовой коммуникации, отмечается возрастающее стремление к поиску новых, применительно к текущим условиям, критериев национальной и культурной идентичности, происходит возрождение культурных традиций, пробуждается интерес к исследованию особенностей национального самосознания. Одновременно наблюдается и сложнейший процесс превращения «массового человека» (Ортега-и-Гассет) в индивидуализированную личность, трудность

социально-психологического состояния которой определяется тем, что она остается «человеком толпы» (Риссмен).

Эти и многие другие процессы явились причиной необходимости разработки новых подходов к проблемам языка, речевой культуры, выявления их роли в упорядочении межкультурных, групповых, межличностных коммуникативных взаимодействий в повседневности (А. Шюц).

На передний план философско-социологического осмысления особенностей коммуникативных процессов в наши дни выдвинулась проблема диалога и понимания как явлений, раскрывающих природу современной коммуникации, важнейшим опосредствующим звеном которой в ситуации «Я – Ты» является язык, несущий коммуникативную, информационную и эмоционально-психологическую нагрузку. В исследовании коммуникативных ситуаций, а также языковых и символических форм их осуществления заметно усиление влияния герменевтической традиции в понимании смыслов и исторических практик, обуславливаемых виртуализацией жизненного мира человека, а также трансформацией языковой картины мира. Наличие в коммуникативном пространстве современной цивилизации большого количества внеязыковых структур повседневности усиливает внимание к исследованию правил функционирования дискурсивных практик, прочерчивающих границу между языком и противостоящей ему реальностью (Р. Барт и М. Фуко).

Фрагментарность мира современного человека, который в своем поведении все меньше ориентируется на традицию, порождает новый тип коммуникативного поведения. Особенность последнего состоит в следующем: с одной стороны, человек все более нуждается в нравственных нормах регламентации своего поведения (К. Апель), с другой, – эти нормы все более вытесняются информационно-

коммуникативными технологиями (в первую очередь имиджевыми и симуляционными), символическими формами языковых единиц общения, а также лексикой молодежной субкультуры, жаргонизмами, речевыми заимствованиями и т.д. Нравственный релятивизм возводится в ранг абсолюта, «освобождая» языковое поле коммуникации от понятий «добро», «зло», «честь», «совесть», «стыд», «долг» и т.д. Иначе говоря, в ценностном сознании сегодняшнего человека происходит переориентация с должного на вседозволенное, с общепринятого, регулируемого правовыми и нравственными нормами, на индивидуально оцениваемое под углом зрения личной выгоды, удобства и материального благополучия. Из словарного состава языка повседневности уходят слова высокого литературного стиля, смысловая нагрузка которых имеет глубокие историко-культурные корни и подчеркивает духовно-нравственные отношения между людьми.

По словам немецкого философа XX века К. Апеля, условия развития современной цивилизации таковы, что существует глубокое противоречие между нарастающими тенденциями свободы, обеспечиваемой достижениями науки и техники, с одной стороны, а с другой, – необходимостью нормативного регулирования поведения, благодаря чему возможно достижение взаимопонимания и консенсуса между людьми. По этому поводу автор отмечает: «... Не существует более типичного примера неравномерности развития секторов человеческой культуры, нежели диспропорция между экспансией научно-технических возможностей и тенденцией к торможению, характерной для морали...» [1. С. 264]. Анализируя новые цивилизационные условия коммуникативного сообщества, К. Апель отмечает, что научно-техническая цивилизация «поставила все народы, расы и культуры... перед лицом общей этической проблематики ... брать на себя солидарную ответственность за последствия своих действий в планетарном масштабе» [1. С. 265].

Анализ особенностей связи между *обозначением* явлений, т.е. словом или символом, и его влиянием на действия (поведение) людей, представлен в исследованиях таких известных лингвистов, как Э. Сепир и Б. Уорф. По их мнению, существуют исторически сложившиеся связи между языком, культурой и нормами поведения. В языке заложены нормы мышления, оказывающие влияние на нормы и направленность (вектор) поведения. В этой связи Б. Уорф пишет: «Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих законах и в повседневной оценке им тех или иных явлений» [11. С. 158].

Очевидно, что информационное поле, создаваемое современной цивилизацией в условиях глубоких изменений в коммуникативной сфере социальной и виртуальной реальности, способствует появлению множества независимых систем, многочисленных субкультур, размывающих «формальную завершенность» (Э. Сепир) любого языка. В результате происходит изменение смыслов, передаваемых посредством языка, а следовательно, и понимания исторически накопленного социального опыта, зафиксированного и передаваемого в процессе общественного развития в определенных речевых обозначениях. В данном контексте все более очевидным становится культуuroобразующая и культуросохраняющая роль языка как путеводителя в «социальной действительности» (Э. Сепир).

Язык как знаковая система, сформировавшаяся в ходе историко-культурного развития народов, выражает обобщенный опыт поколений, является важнейшим средством обеспечения социокультурной преемственности. Благодаря языку происходит переход общественно значимых смыслов в индивидуальное ценностное сознание личности, а также закрепление социальных значений в структуре коммуникативного поведения человека.

В исследовании особенностей коммуникативного действия, предполагающего достижение понимания и согласия, Ю. Хабермас последовательно доказывает духовно-нравственную направленность этого действия, ориентированного на диалог, достижение консенсуса. Нравственная нормативность, находящая выражение в формах морального дискурса, исторически формировалась как условие социальности, как фактор культуры, как фрагмент жизненного мира человека, регламентируя отношения между людьми, обеспечивая тем самым сохранение и целостность социума. Ю. Хабермас отмечает, что изначально «интегрированная в нормах структура общественных отношений ... имеет нравственный характер» [9. С. 247].

Как форма выражения intersубъективного опыта, языковая реальность все более вторгается в жизненный мир человека, порождая новый тип коммуникативного поведения – языковое взаимодействие. При этом очевидно, что язык вносит в сферу человеческих отношений новые смыслы, новые механизмы управления коммуникационными процессами, новые формы координации поведения человека, новые критерии личностной определенности субъектов культурного взаимодействия.

Выполняя нагрузку адаптационного механизма при вхождении человека в предметно-вещественный и духовный мир социальной реальности, язык является средством культуры и необходимым условием социализации личности. В языке находит выражение и закрепляется этническая картина мира, формируется логика этноса. Диалогическое общение, исследование которого становится одной из центральных проблем философско-лингвистического анализа коммуникативных процессов второй половины XX – начала XXI вв., рассматривается как непосредственное эмоционально-одухотворенное общение. Слово выступает жизненным проявлением, высвечиванием сути

взаимодействующих субъектов исторического процесса, пытающихся в речевых единицах выразить свой внутренний мир.

Есть, однако, еще один аспект рассматриваемой проблемы влияния факторов языковой культуры на духовно-нравственные основания и упорядочение коммуникационных процессов. Дело в том, что в действующих сейчас условиях, когда традиционные, на протяжении веков объединявшие людей формы коллективности и культурно-нравственного регулирования разрушаются, язык становится одним из важнейших средств закрепления и трансляции социального опыта. В этой связи мы рассматриваем язык как средство и условие упорядочения и обеспечения стабильности коммуникационных процессов, закрепления в них необходимой нравственной нормативности.

Более того, пути сохранения этнокультурной индивидуальности, замыкающейся на групповых отношениях, общение в которых ориентируется на понимание, диалог и культурные факторы, определяются степенью устойчивости языковых норм и привычек. Очевидно, что процессы реальной практики борьбы за сохранение целостности и культуры языкового поля современного коммуникативного пространства свидетельствуют о понимании значения языка как коммуникативного кода, обеспечивающего самовоспроизводство социума на традиционных духовно-нравственных основаниях, благодаря чему обеспечивается процесс историко-культурной преемственности.

При этом необходимо учитывать и тот факт, что в организации информационно-коммуникативного пространства современного общества появилось большое количество совершенно новых явлений, таких как фрагментарность и виртуализация жизненного мира человека, мозаичность культуры, потеря коллективной идентичности. В этих условиях язык как символическая система вбирает в себя все разновидности социального опыта, формирующегося под влиянием изменяющихся обстоятельств

повседневности. Но в силу своей консервативности язык надолго сохраняет речевые стандарты и нормы речевой культуры.

Учитывая тот факт, что в языке заложены нормы поведения, очевидным положительным моментом консерватизма речевой культуры является возможность сохранения благодаря этой особенности тех нравственных ценностей, которые в первую очередь регламентируют поведение человека и отношения между людьми. Положительная роль лингвистической устойчивости способствует сохранению стандартов культуры речи и особенностей этнолингвистической культуры, несмотря на разноплановое влияние СМИ и интернета на лингвокоммуникативную сферу социума.

Что касается сферы науки, экономики, то здесь мы имеем несколько иную картину зависимости объективных процессов и их закреплённости в языке. Известно, что развитию рыночных отношений в 90-е годы XX века в России во многом мешало то, что «рыночники» и «государственники» говорили на разных языках. Отсутствие в российской экономической теории рыночной лексики в течение достаточно длительного времени оставалось существенным препятствием для достижения понимания с западными партнерами [13. С. 39]. Однако благодаря современным информационным технологиям (СМК и Глобальной сети) заметна и тенденция выравнивания временных параметров изменений в культурной и этнолингвистической сферах, что связано с потребностями экономического и социокультурного развития той или иной страны.

Обозначенная в свое время Э. Сэпиром и Б. Уорфом проблема существующей связи между культурными (поведенческими) нормами и языковыми моделями имеет большой практический смысл в контексте современных проблем нравственного воспитания. Так, прослеживая исторические пути этнокультурного и нормативно-поведенческого развития, Б. Уорф отмечал, что в принципе поведенческие нормы и

языковые модели сосуществовали синхронно, оказывая взаимное влияние. Однако в языке всегда происходило жесткое ограничение свободы выбора, т.е. строгое следование сложившейся языковой традиции, в то время как в поведенческой норме всегда ярче выражены элементы ситуативности и релятивизма. В силу этой особенности взаимозависимости и связи поведенческих норм и языковых моделей становится очевидной необходимость сохранения чистоты и культуры как родного языка, так и языка межнационального общения [11. С. 157–201].

Так называемое лингвистическое отставание имеет свои положительные и отрицательные стороны, что особенно заметно проявляется в сегодняшней действительности. Одна из особенностей связи языка и нравственных норм состоит в том, что изменения в предметно-вещественной среде, духовно-ценностных ориентациях и формах коммуникативного действия осуществляются быстрее, чем в языке. Однако, закрепившись в речевых единицах этнических общностей и социальных групп, языковые обозначения способны надолго удерживать сложившиеся образы мира, упорядочивая или разрушая системы существующих культурных стереотипов.

В значительной мере «реальный мир», как совершенно справедливо утверждает Э. Сепир, «неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [11. С. 131]. К примеру, разрушающая сила трансформации русского языка в наше время скрыта за многообразием ранее устоявшихся форм речевого взаимодействия, все еще сохраняющихся историко-культурных традиций и этикетных поведенческих стереотипов. По мере же вхождения в процессы общественного развития новых поколений, вобравших в себя реалии вновь формирующихся стандартов языка, будет меняться и картина мира, и социокультурные смыслы, теряющие связь с историко-культурными традициями своей страны.

Уже сейчас становится заметным зачастую на неосознаваемом уровне влияние передаваемой языковыми средствами информации на массовое поведение и ценностное сознание тех или иных групп населения. Особенно эта тенденция проявляется в сфере политических установок и повседневных оценочных взглядов относительно социально значимых событий и явлений действительности. И в этом отношении можно отметить не всегда в полной мере осознаваемый, но оказывающий влияние на мотивацию поведения духовный релятивизм в оценке России, формируемый в последние десятилетия в массовом молодежном сознании всей совокупностью социальных практик, тиражируемых по каналам СМК и интернета.

Вместе с тем нельзя не принимать во внимание и другую особенность текущего этапа общественного развития, когда к условиям новых цивилизационных факторов, вызванных развитием информационного общества, добавляются и сложные духовные процессы, порождаемые изменениями в политической и экономической жизни страны, особенно это ощутимо в России. Многообразие трудностей и противоречий становления новой российской социальной реальности не могло не привести к разрыву духовно-нравственной преемственности, частичной потере культурно-национальной идентичности и нарастающей духовной опустошенности молодых поколений, поставленных лицом к лицу с проблемой собственного выбора ценностных ориентаций и жизненных установок, зачастую не имеющих возможности опереться на социокультурный опыт старших поколений. Очевидно, что в процессе маргинализации отечественной культуры произошло критическое ослабление нравственно-нормативной регуляции, повлекшее за собой расширение возможностей и форм правового нигилизма и нравственного релятивизма, разрушение культуры речевого общения и, как следствие, обилие форм отклоняющегося поведения.

Анализ современной коммуникативной ситуации в мире в целом и в России в частности показывает, что на ценностные ориентации и мотивацию поведения молодежи наибольшее влияние оказывает фактор языковой культуры, изменяющий содержание и направленность коммуникационных процессов. Отмечая, что в текущих условиях одним из определяющих механизмов передачи и закрепления социального опыта и ценностных ориентиров является язык, становится очевидной та роль СМК и интернета, которую они играют в формировании ценностного массового сознания молодежи.

Очевидно, что принятие молодыми поколениями требований социокультурной среды старших поколений было всегда связано с определенными трудностями. Однако последние преодолевались устойчиво сохраняющимися традиционными нормами и механизмами регламентации отношений между людьми. Молодежь всегда выступала в роли носителя нового, зачастую противопоставляемого общепринятому, утвержденному вековыми традициями и закрепленному в языке. Но в условиях замкнутых коммуникативных систем доиндустриальных и ранних индустриальных обществ она могла опереться на опыт предшествующих поколений, использовать социальные механизмы социокультурной идентификации и адаптации. В решении же насущных проблем, связанных с процессом становления гражданского общества в России и особенностями цивилизационного развития информационного общества, молодежи зачастую самой приходится выбирать социальные и культурные ориентиры сообразно тем реальным условиям, в которых происходит формирование ее политических и нравственных установок и духовных приоритетов. Поэтому конструирование социальной реальности XXI века, «образ» мира ближайшего будущего в умонастроениях молодежи будет зависеть от ценностного выбора новых поколений. И здесь роль языка как путевода в «социальной действительности» приобретает особую

значимость в силу его формирующего влияния на сознание и мотивацию поведения молодых поколений.

Давая характеристику массовому молодежному сознанию, следует признать наличие в нем синдрома нравственно-правового нигилизма, а также достаточно противоречивых и подвижных политических установок, что требует постоянного мониторинга и экспертной оценки динамики их изменений, определяемых многообразием языковых средств, используемых каналами массовой информации, интернетом, в публичных выступлениях и различного рода развлекательных программах.

Очевидно, что рассмотренные выше вопросы не раскрывают в полном объеме всей глубины проблемы взаимовлияния языка и нравственных установок на формирование личности. В настоящей статье лишь обозначены некоторые из современных подходов к данному направлению исследования. Однако, на наш взгляд, их актуальность вырастает из комплекса проблем, связанных с необходимостью сохранения выраженного в языке мира культуры, мира тех духовно-нравственных ценностей, на основании которых возможно дальнейшее развитие человеческой истории.

§ 2.2. Роль иностранного языка в формировании парадигмы профессионально-личностного развития

© Лукашенко Е. С.

Мультикультурный, полилингвальный мир диктует свои правила и предъявляет свои требования к тому, кто хочет быть полноправным участником происходящих в нем процессов и событий. Особая ответственность за развитие личности лежит на системе образования, которая призвана дать ответы на вопросы, какой гражданин нужен обществу и государству, с какой системой ценностей; какой специалист

будет востребован на рынке труда, с каким набором компетенций. В настоящее время преобладает личностно-ориентированная концепция образования, призванная сформировать у обучающихся целостную картину мира с устойчивой системой ценностных ориентаций и помочь им в самоопределении и самореализации [3. С. 83.].

В связи с интенсификацией интеграционных процессов, расширением границ межкультурной коммуникации современный мир нуждается в специалистах всесторонне развитых, с широким кругозором, гибких, обладающих развитым аналитическим мышлением, способных быстро и адекватно реагировать на различные изменения, осмысливать проблемы мирового сообщества и участвовать в поисках путей их решения. В сегодняшних условиях в системе образования важная роль отводится гуманитарным дисциплинам, в частности особые задачи призвано решить обучение иностранному языку. Языковое образование становится необходимым для успешной жизнедеятельности человека, поскольку способствует его адаптации в международной среде, характеризующейся активными глобализационными процессами.

Неоспорим огромный общеобразовательный, познавательный, а также воспитательный потенциал иностранного языка. Кроме того, в сегодняшнем мире все больше внимания уделяется иностранному языку как компоненту профессиональной деятельности индивидуума.

Язык представляет собой совокупность разнообразных сведений о представителях другого народа, их картине мира. Овладевая иностранным языком, человек приобретает знания страноведческого характера, тем самым расширяя свой общеобразовательный кругозор. Изучение иностранного языка способствует преодолению этноцентризма, поскольку позволяет прикоснуться и осмыслить другую национальную культуру и тем самым получить доступ к культуре мировой.

Процесс обучения иностранному языку – это в обязательной степени процесс обучения коммуникации на нем. Результатом обучения является личность, способная активно участвовать в интегративных социально-экономических, политических, культурных процессах современного мира. Коммуникативное обучение не только дает возможность решать практические задачи, связанные с использованием иностранного языка как средства общения. Коммуникативное обучение имеет большой воспитательный потенциал. Оно развивает такие качества, как упорство, трудолюбие, а также память, мышление, внимание.

Иностранный язык как учебная дисциплина имеет ряд особенностей, среди которых выделяется личностная заостренность [7]. В процессе овладения иностранным языком, пытаясь общаться на нем, человек учится рассказывать о себе, о том, что его интересует, он высказывает свое мнение, отношение к предмету разговора, что приводит к лучшему пониманию и осмыслению своей собственной системы ценностных ориентиров. Таким образом, изучение иностранного языка становится мощным механизмом личностного развития обучающегося.

Иностранный язык не только знакомит с культурой страны изучаемого языка, но и путем сравнения позволяет лучше понять свою национальную культуру. В данном случае преподавателю иностранного языка как проводнику в мир другой культуры, когда он знакомит обучающихся с ее особенностями, важно проследить, чтобы к собственной культуре не возникло негативного отношения как к культуре, имеющей определенные недостатки по сравнению с культурой другой страны. Напротив, знакомство с другой культурой должно способствовать формированию более бережного и трепетного отношения к своей культуре. В этом плане иностранный язык имеет необходимый потенциал для воспитания патриотизма.

В настоящее время международные поездки, установление международных контактов, общение с иностранцами – это наша реальность. Все это взаимодействие осуществляется в контексте диалога культур. Общаясь на иностранном языке, недостаточно просто грамотно построить высказывание. Важно знание прагматики, норм поведения в определенных ситуациях общения. Тем самым формируется вторичная языковая личность, предполагающая адекватное взаимодействие с представителями других культур.

Вступление в диалог культур неминуемо приводит индивидуума на новую ступень личностного развития. «Культура общения участника коммуникации выходит на совершенно иной, более высокий уровень, который требует от него следующих качеств и действий: терпимости к непохожести собеседника; уважения к культуре партнёра по общению; принятия различий в стиле жизни, одежде, образе мышления; преодоления стереотипов в отношении другого народа и его культуры; проявления интереса к собеседнику и его стране; открытости новому и неизвестному» [5].

Обратимся еще к одному аспекту изучения иностранного языка, который в настоящее время выходит на первый план. Иноязычная подготовка становится неотъемлемой частью профессионально ориентированного обучения и играет весомую роль в профессиональной подготовке выпускников. Данное требование к подготовке будущих выпускников зафиксировано в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО). Одной из универсальных компетенций, которую должен приобрести обучающийся в процессе освоения образовательной программы, является способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на иностранном(ых) языке(ах). В данном контексте иностранный язык должен стать не просто средством общения, но и средством приобретения

профессиональных знаний и обеспечить выпускникам вузов возможность надлежащим образом выполнять свои профессиональные функции, взаимодействуя с зарубежными партнерами. Таким образом, целью языковой подготовки становится формирование коммуникативных умений, которые позволят строить профессиональную коммуникацию в различных сферах.

Иностранный язык, помимо выполнения общеобразовательной и воспитательной функций, должен помочь обучающемуся расширять свой профессиональный кругозор, знакомиться с новыми достижениями в той сфере или области, в которой он собирается осуществлять свою профессиональную деятельность. Для этого выпускник должен уметь пользоваться иностранным языком в различных профессионально детерминированных ситуациях с учетом лингвистических, социальных и профессиональных правил при обмене информацией в процессе организации и развития совместной профессиональной деятельности. Особую роль здесь будет играть обучение работе с информацией на иностранном языке, формирование умений анализа и представления результатов работы с аутентичными текстами и навыков осуществления профессионального иноязычного общения.

Профессионально ориентированное обучение иностранному языку выводит языковую подготовку на новый уровень и формирует новую модель профессионального портрета специалиста. Это требует разработки особых методик обучения иностранному языку. Необходимо не только повысить качество языковой подготовки обучающихся, но и интенсифицировать процессы профессиональной подготовки будущих специалистов. Изучение иностранного языка приобретает междисциплинарный, деятельностный характер.

Конечно, профессионально ориентированное обучение не должно сводиться к изучению иностранного языка для специальных целей (*specific*

purposes), поскольку это сужает коммуникативное поле. Нельзя недооценивать важность овладения языком для общих целей (*general purposes*) и использования его для кросскультурного общения. В этой связи незаменимым в профессионально ориентированном обучении является использование текстов не только профессиональной направленности, но и художественной литературы. Внедрение такого литературно-художественного компонента поможет обучающимся приобщиться к духовной культуре другого народа, раскрывая при этом культуросозидательную функцию иностранного языка.

Можно говорить о том, что в современном мире процесс обучения иностранному языку способствует формированию системы ценностей обучающегося и особого мировосприятия, основанного на приобщении к другой культуре и лучшем осознании своей. Кроме того, изучение иностранного языка помогает развивать творческое и критическое мышление, навыки общения, а также имеет важное значение для профессиональной подготовки будущего специалиста, формируя его как «человека мира».

Язык – это целый мир. Через него происходит знакомство с социальными, политическими, духовными, эстетическими, нравственными, религиозными идеями другого народа, с его историей и литературой. Иностраный язык вносит свой особый вклад в решение задач системы образования, открывая новые возможности для высокоинтеллектуального и социокультурного развития личности.

§ 2.3. Трансгуманизм как путь к обществу без человека: социально-философский анализ

© Лагунова И. С., Калачева Д. С.

Методы и средства современного научно-технического прогресса нацелены на постоянное усовершенствование природы человека. Но действительно ли такое усовершенствование полезно и необходимо для человека? К чему оно приведет – улучшению качества жизни человека или его духовному и физическому вырождению? Ответы на поставленные вопросы попытаемся найти, обратившись к основным постулатам философии усовершенствования человека – трансгуманизма.

Прежде всего рассмотрим понятие «трансгуманизм». Приставка *транс-* имеет несколько значений. Первое значение – «через, за, сквозь». Второе значение, о котором важно помнить, – это определенное состояние за пределами сознания [4]. Гуманизм – это система формирования общества, для которого главной ценностью является человеческая жизнь, а все ресурсы, включая материальные и нематериальные, которые может использовать человек, направлены на то, чтобы сделать его жизнь безопасной и комфортной. Термин «трансгуманизм» впервые использовал в 1927 году биолог-эволюционист Джулиан Хаксли в своем труде «Религия без откровения». Позднее, в 1957 году, Хаксли возвращается к размышлениям о трансгуманизме в книге «Новые бутылки для нового вина»: «...человеческий вид может, если пожелает, выйти за пределы самого себя не только спорадически <...>, но и как человечество в целом. Нам нужно имя для этого нового убеждения. Возможно, подойдет трансгуманизм: человек остается человеком, но превосходит себя, осознавая новые возможности для своей человеческой природы» [16. Р. 13–17].

В современном понимании трансгуманизм стал уже не просто идеей «сверхчеловека», а общественным движением, которое возникло в США в последнее десятилетие XX века и проникло в Россию в первые годы XXI века. Оно обосновывает необходимость совершенствования человека с помощью достижений современной науки вплоть до его замены иной формой бытия, тем самым превращая в «постчеловека», более

«совершенного» человека. Главной опорой являются достижения науки прежде всего в сфере нано-био-инфо-когно (NBIC) технологий и искусственного интеллекта.

Трансгуманизм – это философия, мировоззрение, которое формируется под воздействием изменений различных сфер жизни человека, в рамках которого человек предстает обладающим – благодаря научным разработкам – сверхспособностями управления своим телом и интеллектом.

Категорию более совершенной, по сравнению с естественной, человеческой личности – сверхчеловека – вводит в философский оборот Ф. Ницше [6]. Принципиальным поворотом для возникновения трансгуманизма оказалась трансформация субстанциализма – учения об обязательных условиях существования природы, о ее власти, определяющей существование всех явлений, – в конструктивизм [2], сторонники которого уверены в том, что не может быть иной реальности, кроме той, что создаётся человеком.

Отказ от человека как волевого субъекта бытия был провозглашен структурализмом [2]. Структурализм выступал против натурализма, утверждавшего, что мир познаваем непосредственно и вовсе не зависит от сознания человека. Это была своего рода «атака на реализм» [4]. О смерти человека заявил постмодернизм [8. С. 278], который ставил ее достижение конечной целью. С одной стороны, новый мир «сверхчеловека» завораживает, ведь там нет страданий, болезней, смерти, с другой – в культ возводится фатализм: трансформация человека неизбежна, и это нужно принять. Человек постепенно лишается возможности выбирать, и на смену гуманизму приходит мировоззрение, отказывающееся от человека как высшей ценности, предполагающее необходимость совершенствования человеческой природы посредством технологий, – трансгуманизм. Таким образом, трансгуманизм подразумевает замену антропологии и гуманизма,

теорий «старого», «консервативного» человека, на идеологию «постчеловека», который, меняя себя, меняет и окружающий мир.

Дальнейшая судьба человечества представляется обусловленной конвергенцией всевозможных технологий, как то: нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивной науки. Среди технологий, которые трансформируют человеческую природу, можно отметить следующие: «... такие, как технологии улучшения памяти, борьба со старением или генная инженерия, просто расширяют биологический фундамент вида *Homo sapiens*, ускоряют его развитие. Другие, связанные с крионированием или разработкой искусственной матки, могут более радикально изменить природу человека, наделив его свойствами, ранее не встречавшимися ни у одного живого существа на Земле. Третьи, такие как сильный искусственный интеллект, загрузка сознания в машину, создание киборгов, ставят вопрос о создании принципиально новых разумных существ, имеющих полностью техногенный субстрат» [10].

Одним из мотивов улучшения человеческой природы в рамках концепции трансгуманизма является устранение страданий, боли и пр. Согласно Д. Пирсу, можно выделить три варианта технологического решения таких задач: 1) усовершенствованные дизайнерские наркотики; 2) токовая стимуляция; 3) генная инженерия [19].

Иным значимым мотивом движения трансгуманизма является поиск путей к бессмертию. На это, в частности, указывает М. Мор: «Мы достигли двух из трех мечтаний алхимиков: мы преобразовали элементы и научились летать. Бессмертие на очереди» [18].

Среди сторонников трансгуманизма высказываются идеи, согласно которым сохранение человека неизменным (как биологического вида) с точки зрения технологий ведет его к вымиранию. Как указывает Ж. М. Беснье, вопрос об изменении человеческой, изначальной, природы

сегодня весьма актуален, и «причины лежат в природе человека, который, обладая сознанием, продолжает действовать как животное... Глубинное биологическое начало человеческой природы влечет к уничтожению всей земной биологической самоорганизации, к самоуничтожению» [17].

Учрежденная Н. Бостромом и Д. Пирсом Всемирная трансгуманистическая ассоциация (1998 г.) определяет в качестве цели своего существования «содействие совершенствованию человека, чтобы он мог в большей мере соответствовать меняющимся условиям существования в современном мире» [12]. Аналогичную цель имеет российская трансгуманистическая организация «Россия 2045».

Отметим, что трансгуманизм идейно отличается от постгуманизма. Постгуманизм не определяет сущностных различий между человеком и природой, признавая наличие специфического разума у человека. «Постгуманизм можно рассматривать как постэксклюзивизм: эмпирическую философию медиации, предлагающую примирение существования в его самых широких значениях» [14].

Сегодня наука и техника развиты на столь высоком уровне и развиваются настолько быстро, что глобальную непредсказуемость дальнейшей судьбы человечества можно назвать одним из главных результатов научно-технического прогресса и главным источником проблем, ставящих под угрозу существование самого общества. Развитие нанотехнологий позволило поставить задачу воспроизведения человеческого сознания. Подразумевается, что это будет своего рода компьютер, который, однако, эволюционирует. Все изменилось: если раньше изобретения науки «измерялись человеком», то теперь человек «измеряется» компьютерами. Они внедряются фактически во все сферы жизни, стремясь познать каждый предмет и заменить его, в том числе человека.

Главной особенностью «трансчеловека» есть уничтожение всего чувственного, непредсказуемого (и в потенции – несущего страдания от неопределенности), интуитивного в его сущности, то есть подавление всех свойств души, к совершенствованию которых стремились философы и их последователи на протяжении столетий. Происходит тотальный отказ от самопознания. Вытесняется антропологизм и гуманизм [4]. Присущее трансгуманизму отрицание чувственного начала человека ведет в перспективе к перестройке всех межличностных коммуникаций, социальных институтов, прежде всего семьи.

В постмодернистском обществе происходит размывание понятия пола. Данному вопросу посвящены исследования Д. Харауэй о сущности киборгов. Согласно ученому, ввиду появления киберпространства постепенно устраняется деление людей на мужчин и женщин, появляется фигура киборга, лишённого пола и его черт [15]. Мир киборгов лишен страха за неопределенность выбора. Вопрос о нормальности / аномальности поведения имеет несколько вариантов ответов, и за каждым из них не последует наказания со стороны органов власти [15].

Гендерная идеология опирается на утверждение о том, что природа более не играет существенной роли в социальной судьбе человека, ибо тело его социально и может конструироваться. Действительное преодоление биологической природы человека проявляется в новом способе продолжения себя: популярное экстракорпоральное оплодотворение, клонирование. С первого взгляда может показаться, что клонирование – это своего рода помощь бесплодным семьям. Но клон – это не ребенок. Он может быть близнецом одного из супругов, но не иметь совершенно никакого отношения к другому.

Превращение человека в нового субъекта (сверхчеловека, киборга и т.д.) влечет за собой глобальные социальные трансформации: непредсказуемое изменение отношений в обществе, сложившихся и

существующих между людьми как биосоциальными существами. Так, человек в отношениях с другими людьми и в целом живыми существами всегда испытывает спектр эмоций: радость, наслаждение, счастье, удивление, разочарование, страх, печаль, боль, любовь. И эти эмоции во многом взаимообусловлены. Очевидно, что трансгуманистическое изменение человека, наряду с устранением способности испытывать страдания, неизбежно влечет устранение и иных, связанных с такой способностью, эмоций и чувств, в том числе радости и в целом ощущения человеком своей витальности. Как следствие, уйдет способность любить и ценить жизнь, себя, созданного природой, и других существ. Человеку невозможно без чувств построить любые взаимоотношения, будь то личные или профессиональные. Через эмоциональное взаимодействие с другими людьми он может узнать о себе и, главное, проявить себя как личность. Соответственно, реализация программы трансгуманизма в целом предполагает стирание идентичности человека. Таким образом, связь людей, в большей степени основанная на эмоциональном взаимодействии, непредсказуемо меняется в своей сущности.

Человечество движется по пути «преодоления» и отрицания себя, полагаясь на могучую силу науки. Сохранить антропологизм возможно лишь при условии противостояния научным разработкам, выходящим за пределы статуса средств, которые человек использует в своей деятельности. Например, стоит отказаться от тотального использования техники и больше полагаться на свои способности, при возникновении вопроса попробовать придумать свой ответ, предположить и только после поискать в цифровых источниках нужную информацию; самое важное – сохранять живое общение приоритетным по отношению к онлайн-коммуникации. Нужно рассматривать человека шире, предполагая, что он может больше, чем сам о себе знает [4]. Возможно, ответы на вопросы, связанные с этой идеей, можно найти в истории философии, и тогда они

послужат прочным фундаментом для сохранения гуманистических идей как основы отношений между людьми в современном обществе.

Сегодня все больший вес набирает тенденция доминирования индивидуалистического мировоззрения. С одной стороны, человек видит множество альтернатив выбора построения своей жизни, в отличие от своего предка, жившего примерно полвека назад, которому судьба виделась в принципе заданной в рамках заранее определенного сценария, принятого в обществе. С другой стороны, высокоскоростное движение научно-технического прогресса оказывает на человека такого рода влияние, что его будущее для него самого становится все более непредсказуемым. Но главное, имея в сознании калейдоскоп вариантов конструирования жизни, он в реальности часто, принимая все новые блага – результаты научно-технического прогресса, становится все более зависимым от него и от тех лиц, которые задают тенденции такого прогресса. А, следовательно, все более управляем. Принимая те или иные «предложения» трансгуманизма по усовершенствованию своей природы, каждый так или иначе способствует вырождению человека и становлению нового субъекта – «трансчеловека». Соответственно, реализация идеи «общества усовершенствованных людей», «общества без человека» зависит от осознанности каждого в отношении принятия результатов научно-технического прогресса в своей жизни.

Безусловно, научно-технический прогресс является неотъемлемой частью социального прогресса в целом. Однако необходимо всегда помнить, что главное мерило прогресса – увеличение способности человека раскрывать свой природный потенциал, многогранно познавать (чувственно-интуитивно и рационально) законы устройства этого мира, его мудрость. Поэтому подходы к управлению научно-техническим прогрессом, определению его направлений должны быть кардинально пересмотрены. Попытки вмешательства в природу человека,

существующие и активно продолжающиеся, ставят под угрозу не только социальное развитие, но существование человека и человеческого общества в принципе.

Литература

1. Апель К. О. Трансформация философии / Пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М.: «Логос», 2001. 344 с.
2. Афанасьев Г. П. Субстанциализм. Субстанциализм – первая научная картина власти природы [Электронный ресурс]. URL: http://astresearch.narod.ru/conference_afanasjev1.htm (дата обращения: 11.11.2022).
3. Колосова В. В. Парадигма профессионально-личностного развития и задачи модернизации образовательных программ // Наукovedение: интернет-журнал. 2013. № 4 (17). [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/84pvn413.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).
4. Кутырев В. А. Человеческое и иное. Борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009. 264 с.
5. Недосека Л. А. Воспитательно-образовательный потенциал иностранного языка в процессе становления личности специалиста // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 4. С. 277–283.
6. Ницше Ф. К генеологии морали // Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 427–428.
7. Рычкова М. А. Иностранный язык как средство формирования ценностных ориентаций будущих специалистов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 1. С. 75–79.
8. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
10. Эрдэнэев Э. Т. Социальный аспект трансгуманизма. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Чита, 2019. 146 с.
11. Языки как образ мира. Антология (Мюллер М., Сепир Э., Уорф Б. Л., Витгейнштейн Л. и др.). М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 576 с.
12. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. P. 1–25.
13. Crum Roy L. Strategies for Attracting Foreign Direct Investment // Продвижение имиджа Нижегородского региона: опыт и перспективы: материалы V международной научно-практической конференции по региональной культуре. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. 312 с.
14. Ferrando F. Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations // Existenz: An International Journal in

Philosophy, Religion, Politics, and the Arts. 2013. Vol. 8. No. 2. P. 26–32. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/304333989_Posthumanism_Transhumanism_Antihumanism_Metahumanism_and_New_Materialisms_Differences_and_Relations (дата обращения: 11.11.2022).

15. Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin // *Environmental Humanities*. 2015. Vol. 6. P. 159–165.

16. Huxley J. Transhumanism. In: *New Bottles for New Wine*. London: Chatto & Windus, 1957. P. 70-180.

17. Lantier R. Maurice Besnier. In: *Revue archéologique*. 6. Folge, 11 (1933). P. 237–239.

18. More M. The Overhuman in the Transhuman // *Journal of Evolution and Technology*. 2010. Vol. 21. Iss. 1. P. 1–4. URL: <http://jetpress.org/more.htm> (дата обращения: 05.05.2020).

19. Pearce D. The Hedonistic Imperative. URL: <https://www.hedweb.com/hedethic/tabconhi.htm> (дата обращения: 14.07.2018).

ГЛАВА 3. РАЗНООБРАЗИЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ РОССИИ И МИРА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

§ 3.1. Александр Невский и проблема национальной идентичности и деколонизации России

© Гурина Е. П.

В июне 2021 г. в университете г. Глазго прошла конференция, ежегодно организуемая киножурналом *Screen*, посвященная проблеме деколонизации. Этот термин возник в 80-х гг. под влиянием постколониальной теории, высказываний марксистов, советских востоковедов и постструктуралистов, в которых создание образа Востока и государственная поддержка таких дисциплин, как этнография и востоковедение, объяснялись целью сохранения империй для эффективного управления колониями, а также в связи с публикацией книги Э. Саида «Ориентализм» (1978), также поднимавшей вопрос об «искаженном восприятии восточных культур на Западе» [20]. Нельзя не согласиться с тем, что результатом многовековой политики колониализма европейских стран стало то, что сегодня «в статус единственной нормы возводится европейская культура с начала Нового времени и маркируются отстающие от этой нормы, т. е. отстающие в модернизации народы и страны, акцент ставится на якобы не преодолеваемых различиях, существующих между Западом как носителем культурной нормы и Востоком, точнее его обобщенным образом. Термин “деколонизация” означает процесс освобождения от последствий колониализма, иными словами – борьбу с колониальным мышлением. Именно эта борьба за изменение установок западнцентричного мышления, прочно укоренившихся настолько, что они кажутся естественными, и определяет суть деколониальных движений» [20]. Сегодня она тесно связана с

вопросами глобализации и национальной и культурной идентичности, рассматриваемой в «психологическом культурологическом, историческом, территориальном и политическом измерении» [8. С. 27]. Ее психологический аспект представляет особый интерес для современных исследователей.

По мнению представителей западной культуры, русский человек обладает «загадочной русской душой», разгадать секрет которой недавно попытался Вятский госуниверситет совместно с рядом других вузов, проведя исследование компонентов русской ментальности и национального культурного кода, для того чтобы «внести ясность, в чем состоит наша идентичность» [32]. Были изучены сотни тысяч текстов-отзывов на 157 литературных произведений, написанных на русском языке не профессиональными рецензентами, а обычными людьми. Анализ данных показал, что одной из главных черт своего национального характера русские считают умение собраться с силами и пожертвовать собой ради достижения цели. Именно она помогала русскому народу во все времена отстаивать свою независимость, сохранять православную веру и культурную идентичность. Культурная идентичность – это «единство.... культурного мира человека с определенной культурой, традицией, системой, характеризующееся усвоением и принятием ценностей, норм, содержательного ядра данной культуры и форм ее выражения» [29]. Неотъемлемой частью русской культуры является православная вера, которая всегда была камнем преткновения во взаимоотношениях России и Запада, с самого начала воспринимавшего ее как вредное учение.

В XIII столетии на Русь с востока двинулись татаро-монголы, отличавшиеся определенной веротерпимостью, а с запада – крестоносцы, после того, как глава Римско-католической церкви папа Григорий IX объявил очередной крестовый поход, но не как прежде – в Святую Землю, а против финских язычников и православных новгородцев, которых он

приравнял к «неверным» [49] мусульманам. Причины этого межконфессионального конфликта были не только религиозные, но и экономические – русские отказывались насильственно обращать в христианство языческие племена леттов, куров, ливов, плативших им дань, чем вызывали негодование папской курии. Новгородцы пытались отстаивать свои интересы. Насильственная христианизация язычников могла привести к конфликту с ними, отказу с их стороны платить дань и, следовательно, к снижению доходов Новгорода. Точно так же, как сегодня попытки отстаивать свои экономические интересы со стороны России воспринимаются на Западе в штыки, так и восемь столетий назад действия Новгорода воспринимались как помощь и пособничество язычникам, что в свою очередь служило идейным оправданием репрессивных мер, направлявшихся против этого государства. Именно в документах, обосновывавших такие меры, впервые появились враждебные характеристики русских как «неверных» и «врагов Бога и католической веры» [49].

Обострение отношений помогало Западу решать свои экономические задачи. Данный крестовый поход, с одной стороны, способствовал развитию торговли с Восточной Прибалтикой и «стал важным элементом военно-колониционного освоения немцами прибалтийского региона» [48], помогал обогащению европейских держав, обеспечивая доступ к ресурсам на территориях, заселенных язычниками, расширяя торговые связи с ними, а с другой стороны, уменьшал социальную напряженность в Европе. В походе могли принять участие представители беднейших слоев населения на средства меценатов, а те, «кто оказывал им материальную поддержку», получали такое же «отпущение грехов (индульгенцию), какое получали участники освобождения Гроба Господня» [39].

На борьбу с католической экспансией жители Новгорода призвали молодого князя Александра Ярославича, прозванного Невским за свою

победу над шведами на реке Неве, которые «летом 1240 года под командованием Биргера Магнуссона вошли на кораблях в Неву и приступили к завоеванию Ижорской земли» [48]. На тот момент ему было 19 лет. Молодость не помешала ему разбить шведов. И впоследствии он никогда не терпел поражения. В 1547 году он был канонизирован в лике благоверного князя, но отнюдь не за успехи на поле брани, а как и все русские святые княжеского происхождения, за «свою мученическую смерть ради ближних и ради сохранения христианской веры», поскольку именно благодаря ему «проповедь христианства распространилась в северные земли поморов» и даже возникла «православная епархия в Золотой Орде» [2]. Однако о заслугах Александра Невского в деле сохранения православия на Руси вспоминают не так часто, как он этого заслуживает. Гораздо чаще речь идет о его военных подвигах. Победа над шведами вошла в житие Александра Невского, где ее масштаб и «сакральное» значение были значительно преувеличены [39]. При Петре I она становится еще более значимой. Самодержец переносит мощи Александра Невского в Санкт-Петербург, и «день его памяти, [был] заново установлен ... в 1724 г. по воле Петра I на 30 августа – годовщину заключения Ништадтского мира» [42].

После революции фигура Александра Невского была на какое-то время отодвинута в тень в связи с тем, что три российских императора из шести праздновали именины в день его памяти. Но постепенно интерес к этой исторической личности стал возвращаться. В 1938 году, когда столкновение Советской России и фашистской Германии виделось как неизбежное, режиссер С. Эйзенштейн получает от Сталина разрешение снять фильм «Александр Невский», музыку к которому пишет С. Прокофьев. Британский специалист по русской истории О. Файджес (O. Figes) в книге «Танец Наташи» (*Natasha's Dance*) подчеркивает, что режиссер, стремясь вслед за Вагнером соединить в единое целое звуковой

и визуальный ряд и пытаюсь вновь реформировать свои представления о кино, возвращает театральность и масштабные постановочные сцены на экран, усиливая звучание основного лейтмотива фильма – извечной борьбы России с Западом за свою национальную идентичность. Он пишет: «Центральная идея фильма – эмоциональное столкновение мирных русских и тевтонских захватчиков – передана программной музыкой в такой же степени, как и визуальными образами. С. Эйзенштейн переработал фильм, чтобы синхронизировать визуальное и музыкальное изображение. В знаменитой сцене битвы на льду он даже снимал фильм по партитуре» [53]. Фильм получился настолько выразительным и актуальным, что его показ был прерван из-за подписания пакта Молотова–Риббентропа. В годы Великой Отечественной войны фильм вновь возвращается на экраны и становится символом борьбы советского народа с фашистскими захватчиками.

Как указывает Никоновская летопись, перед битвой со шведами Александр Невский обращается к своей дружине со словами: «Братья! Не в силах Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: сии в оружии, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог» [10]. В фильме они звучат короче, но эмоциональнее: «Не в силе Бог, а в правде».

Стремление к правде и высшей справедливости отмечается в исследовании Вятского государственного университета как характерная черта русского национального характера. Поэтому когда в 90-е гг. XX в. России вновь начинает грозить потеря национальной и культурной идентичности, герой фильма «Брат-2» Данила Багров по-своему перефразирует слова благоверного князя: «Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда – тот и сильней. Вот ты обманул кого-то, денег нажил. И чего, ты сильнее стал? Нет, не стал. Потому что правды за тобой нет. А тот, кого обманул, за ним правда, значит, он сильней» [1]. И Александр Невский в XIII веке, и Данила Багров в

конце XX в. сходятся в одном: «Бог на стороне того, кто прав, а не того, кто сильнее», – потому что эта идея проистекает из веры русского человека в высшую справедливость. Упование на нее – неотъемлемая черта русского национального характера, как показало исследование Вятского госуниверситета. Эта черта постоянно присутствует у героев произведений русской классики. У Л. Н. Толстого в «Анне Карениной» Константин Левин стремится понять, что значит жить по «правде» [45. С. 838], а Анна не может лгать и претворяться. Решив покончить с собой, она уповает на высшую справедливость: Бог ей судья, а не светское общество: «Мне отмщение, и аз воздам» [45. С. 5].

Хотя Александр Невский – выдающийся русский государственный деятель и дипломат, О. Файджес и ряд западно-ориентированных авторов в России считают его одиозной фигурой, поскольку, как пишет О. Файджес, «Сталин был в восторге от Александра Невского». Эмоциональную силу фильма он расценивает как «пропагандистское послание о героическом лидерстве и патриотическом единстве» [53. Р. 496], полагая, что оно было искусственно созданное и не соответствовало реальным настроениям советских людей в те годы, что оно «было необходимо советскому режиму для поднятия национального духа перед началом войны» [53. Р. 496] (перевод мой. – *Е. Г.*). Однако результаты исследования Вятского государственного университета, которое показало, что для русских характерна безумная любовь к своей Родине, заставляют нас усомниться в правильности его выводов. Некоторые ученые сегодня ставят Александру Невскому в упрек авторитарность его правления: борьбу с новгородским вече, появление «тягловых людей», которые верой и правдой служат лично князю, отказ от выбора западного, демократического, прогрессивного, с их точки зрения, пути развития за счет территориальных потерь. По мнению А. Буровского, «колонизация Сибири происходила бы совсем иначе – методом тех же немцев в Поволжье, которые создавали “пятна” освоенных

территорий, а вокруг местные жители продолжали вести свое хозяйство. Может быть, сегодня Россия тянулась бы узкой полосой от Карпат до Енисея, но такая Россия представляла бы собой общество не “служивых тягловых людей”, а свободных горожан и крестьян, вовлеченных в общеевропейские процессы. И появление тиранов – от Ивана Грозного до Сталина – в таком государстве было бы невозможно» [44].

Но Александр Невский помог сохранить православие на Руси – основу нашей национальной и культурной идентичности – и стал единственным «православным светским правителем не только на Руси, но и во всей Европе, который не пошел на компромисс с католической церковью ради сохранения власти» [44].

§ 3.2. Способы популяризации народного искусства среди молодёжи и сохранения культурной самобытности народов России

© Сухова Ж. М.

В России 2022-й год был Годом культурного наследия народов нашей страны. Согласно официальному постановлению, Год культурного наследия народов России проводится «*в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей РФ*» [47]. Популяризация и сохранение самобытности являются не менее важными целями и могут быть реализованы одновременно самыми разными путями, в том числе в молодёжной среде, ведь молодое поколение – основа нашего будущего. Кроме того, вызовы современности требуют поиска путей познания друг друга, понимания и затем подлинного принятия этнического и культурного многообразия России и даже больше – культивирования сохранения культурной самобытности народов России. Невозможно эту задачу решить

исключительно с помощью законов и постановлений, экономических интересов. Цель данной статьи – поиск и демонстрация способов популяризации народного искусства и сохранения культурной самобытности народов и этнических общностей России в контексте социализации молодёжи и обеспечения единства народа РФ.

Когда мы говорим о самобытности, первое, что приходит на ум, это традиции. Для части населения, в основном более зрелой, данное слово вполне себе обыденно звучит, в то время как для более юной и подвижной молодёжи «традиция» ассоциируется с чем-то консервативным, «некрутым». Но если учащемуся в школе или университете рассказать о традициях чукотских эскимосов увлекательно, безусловно, новые сведения запомнятся.

Большая часть информации воспринимается человеком органами зрения, поэтому рассказ необходимо сопроводить иллюстративным материалом и обязательно объяснить, что изображено на картинках, – так новое знание лучше останется в памяти. Например, мало кому известно о так называемых «крылатых предметах», которые занимают особое место среди памятников материальной культуры древних эскимосов [3. С. 108]. По внешнему виду они напоминают бабочек (см. рис. 3.1), а их предназначение до сих пор точно не установлено.

Изготовленные из моржового клыка, они, по разным предположениям учёных, могли быть частью гарпуна, либо частью шаманских жезлов, либо объектом матриархального культа, своеобразным помощником перед охотой или простым украшением [3. С. 111–112].

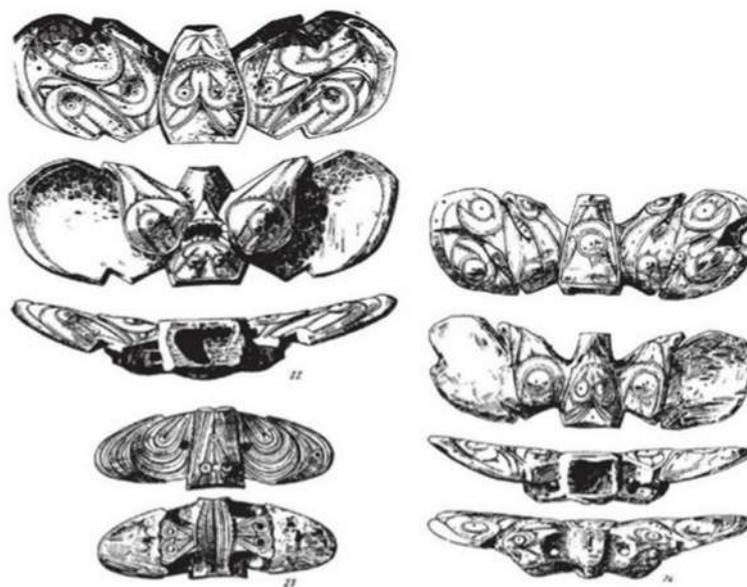


Рис. 3.1. «Крылатые предметы» из погребений древнеберингоморского этапа эскимосской культуры [3. С. 120]

Как этим знанием делиться, как его распространять, среди широких масс населения, в том числе среди молодёжи? Вариант, который может быть предложен – это **организация дополнительных уроков или конкурсов, слушаний, слётов или конференций, посвященных истории и этнографии народов России**. Памятной символикой подобного мероприятия может служить так называемый «мерч» – мерчандайз – одежда, аксессуары, сувениры с изображением того, что было в иллюстративном материале в рассказе о традициях чукотских эскимосов. Такая символика может стать визитной карточкой региона и этноса.

Найти сувенирную продукцию данного этнического стиля сложно. Чаще встречаются вещи, связанные с традиционной славянской символикой. К примеру, в магазине брендовой одежды *Beautiful Criminals* можно встретить модные свитшоты или футболки с надписями в стиле кириллицы (см. рис. 3.2) или изображением узнаваемых героев из русских сказок (см. рис. 3.3 и 3.4).



Рис. 3.2. Футболка бренда *Beautiful Criminals*, на которой стилизованно изображена русская красавица в обрамлении надписей на кириллице голубого и красного цвета («русская женщина + славянская мода») [25]



Рис. 3.3 и 3.4. Футболки бренда *Beautiful Criminals*, на которых изображены герои русских народных сказок [26; 27]

Музыка сопровождает человечество на протяжении всей его истории развития и всегда имела огромное значение в духовном, эстетическом, нравственном развитии человека, а слух наряду со зрением является одним

из важных органов восприятия окружающей действительности. **Вкрапления народных, традиционных музыкальных элементов музыки** в современные треки может стать одним из способов знакомства, популяризации и сохранения народной культуры, ведь музыка «обладает особым языком, не нуждающемся в переводе, так как язык сердца одинаков у всех народов» [31. С. 41]. Такая музыка в прямом смысле слова звучит, причем звучит необычно, она ритмична и потому влияет на организм человека, так как «хорошо продуманная система ритмов управляет телом и психикой человека как инструментом» [Там же]. Для создания таких композиций можно, например, открывать заново старые музыкальные инструменты и создавать новые мелодии с новым текстом или текст старых народных песен сопровождать современными музыкальными инструментами и звуками. Важно при этом, чтобы за подобные композиции брались мастера, профессионалы со вкусом. Эти композиции могут нести в себе месседж – послание в тексте песни: о силе характера, о преодолении трудностей, о поиске себя и вере в себя и о многом другом. Один из наиболее известных и удачных примеров такой музыки – песня *Russian Woman*, исполненная Манижей на Евровидении 2021 г. [55]. Это захватывающая своим ритмом композиция, вдохновляющая и утешающая, она с народными элементами и с месседжем, в котором исполнительница утверждает, что русская женщина – это особенная женщина, которая способна справиться со многими трудностями.

Эпоха индустриализации вытеснила во многих сферах ручной труд, оказав влияние на ремесленничество: число **традиционных народных ремёсел и промыслов** существенно сократилось. В настоящее время продолжают существовать лишь отдельные крупные ремесленные центры в Центральной России. Резьба по дереву, ложкарное производство, изготовление лаптей, игрушек из глины или дерева, роспись и другое в

современном мире не пользуются большим спросом, некоторые из перечисленных ремёсел и вовсе утратили своё практическое значение. И мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о необходимости поддержки оставшихся ремесленных центров. С одной стороны, вряд ли кто-то из городских жителей будет пользоваться лаптями как обувью, а дети будут играть глиняными и деревянными игрушками, с другой – эти изделия покупают в качестве сувениров в память о месте, которое ранее славилось народным промыслом. Поэтому в лучшем положении находится производство украшений и аксессуаров в традиционном стиле. В последнее время, например, пользуются популярностью кокошники – небольшие по размерам, лаконичные и чёрного цвета, делают их из кожи (см. рис. 3.5). Они выглядят стильно, подчёркивают индивидуальность и в то же время напоминают о традиционном головном уборе наших предков, о наших корнях.



Рис. 3.5. Кокошники бренда *Beautiful Criminals* [28]

Ещё один способ познакомиться с особенностями жизни и традициями конкретного народа России – это организация **путешествий по специальному маршруту**. Обычно они длятся несколько дней и предполагают знакомство с самыми интересными достопримечательностями конкретного региона. Так, например, на сайте организатора путешествий «Глухомань ГО» предлагается трёхдневный тур по Дагестану [24], который включает в себя посещение таких мест, как Махачкала, Дербент, Лунь, Цада, Гамсутль, Сулакский каньон, бархан Сарыкум. Авторы спланировали маршрут таким образом, чтобы путешественники прочувствовали и поняли национально-историческую специфику региона – путешественников ожидают «каньоны и ущелья, памятник ЮНЕСКО и гибнущие руины, море и чёрная икра, ковры ручной работы и люди, которые творят современный, претенциозный, великий Дагестан» [24]. На сайте приложены фотографии, подтверждающие вышесказанное.

Знакомство с традициями, народной культурой и ремеслами влечет за собой серьезный разговор с молодежью о более сложных вещах – об общих базовых **ценностях** народов России. О построении, сохранении или корректировке гармоничных отношений между этносами при уважении и учёте специфики культуры народа. Чтобы прийти к этому на практике мы должны заново узнать друг друга – узнать основные традиции, историю, культуру и искусство, научиться понимать и принимать, относиться спокойно к тому, что все мы разные. Нужно понимать, что это задача выполнима не за один год, 5 или 10 лет, это сложный процесс. Но это то, что мы можем начать делать уже сегодня, и получать результаты. Путь к этому лежит через демонстрацию многообразия культур России на разных уровнях (от государственного до частного).

Еще раз подчеркнём, что человечество в процессе своей эволюции реализовывало и восполняло свои духовные силы средствами искусства,

обеспечивая таким образом развитие объективного духа и воплощение своей материальной и духовной деятельности.

Перечисленные выше способы популяризации народных традиций, искусства и самобытности этносов – организация дополнительных уроков или конкурсов, слушаний, слётов или конференций, посвященных истории и этнографии народов России с выдачей специальной символики; музыка и художественные промыслы; путешествия по маршрутам, открывающим специфику того или иного народа, региона, а также продвижение через все это идеи принятия друг друга – необходимо развивать, в особенности среди подвижной и интересующейся молодёжи.

Но если использовать вышеуказанные способы, то, несомненно, это должно быть организовано на профессиональном уровне. Эту деятельность можно назвать «модернизацией культурного наследия».

Разумеется, эта деятельность требует определённого финансирования, полного или частичного. Например, организация конференций, посвящённых изучению и популяризации народного искусства, сохранению культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей РФ, и раздача после неё мерчандайза требует финансирования. Студентам-отличникам в качестве поощрения, например, можно организовать путешествие по туристическим маршрутам, на 80% оплаченное организаторами. Школьникам до 10 лет, например, можно раздать бесплатно энциклопедии по истории и культурным традициям народов России. Изготовление одежды с народными мотивами также можно поощрять тем или иным способом – устраивать среди брендов конкурсы на дизайн года с символикой разных регионов страны, победителям вручать ценные призы и благодарственные письма, а лучший дизайн запустить в массовое производство.

В заключение хотелось бы добавить, что, конечно, не все поголовно будут вовлечены в эту деятельность. Но благодаря организованным мероприятиям со временем всё больше людей будут узнавать о них и вовлекаться в данную деятельность. Главное – сделать эти мероприятия интересными для молодого поколения.

§ 3.3. Влияние меняющихся условий советской действительности на отечественную историографию новой экономической политики (НЭП)

© *Сенюткина О. Н.*

Сразу скажем, что историография НЭПа весьма обширна, хотя со времени начала новой экономической политики прошло всего лишь 100 лет. НЭП – это историческое явление. Она начала реализовываться в России 100 лет назад и была свернута тихой сапой около 100 лет. Первые оценки НЭПа принадлежат её инициатору В. И. Ленину и относятся к начальному этапу установления советской власти. При рассмотрении избранной автором статьи проблематики имеет смысл обратить внимание прежде всего на статью «Очередные задачи советской власти» [23]. Уже в начале этой статьи Ленин указал на важнейшую задачу, стоящую перед новой властью: задачу организации управления Россией. Таким образом, по сути, оценка НЭПа началась еще до её внедрения обозначением значимости организации эффективного управления страной. В дальнейшем мысли Ленина о тесной связи положения в России и теми решениями в области управления, которые принимались Советами, широко тиражировались во всех учебниках по отечественной истории в течение всего времени существования новой власти.

Размышляя о внедрении новых элементов в экономическую политику партии, Ленин декларировал мысль о сроках проведения НЭПа в

жизнь: «НЭП – это всерьез и надолго». Фраза повторялась постоянно в процессе преподавания истории партии и отечественной истории в школах и вузах, но советская историческая мысль не уточняла вопрос возникновения этого тезиса для широкой публики. Он брался без уточнения смысла. Первые пояснения на этот счет появляются только в 1990-х гг. с вопросом: «“всерьез и надолго” – это сколько? Сотни лет? Несколько лет?». Разъяснение требовало воспоминания о самой исторической ситуации, в которой прозвучали эти известные слова.

Обратимся к первоисточнику. В. И. Ленин высказался по этому поводу четко и ясно в своем «Заключительном слове по докладу о продовольственном налоге» 27 мая на X конференции РКП(б) в 1921 году [22]. Тогда он полемизировал о сроках НЭПа с Н. Осинским (партийный псевдоним Валериана Валериановича Оболенского), заместителем наркома земледелия, экономистом, государственным и партийным деятелем, публицистом: «В заключение, – говорил Ленин, – перейду к тем выводам, которые, мне кажется, очень правильно намечены т. Осинским и которые дают общий итог нашей деятельности. Осинский дал три вывода. Первый вывод – “всерьез и надолго”. Я думаю, что он совершенно прав. “Всерьез и надолго” – это действительно надо твердо зарубить себе на носу и запомнить хорошенько, ибо в силу сплетнического обычая распространяются слухи, что идет политика в кавычках, т.е. политиканство, что все делается на сегодня. Это неверно. Мы учитываем классовое соотношение и смотрим на то, как должен действовать пролетариат, чтобы вести крестьянство, вопреки всему, в направлении коммунизма. Конечно, приходится отступать, но надо самым серьезным образом, с точки зрения классовых сил, относиться к этому. Усматривать в этом хитрость – значит подражать обывателям, мелкой буржуазии, которая живет живучим образом не только за пределами коммунистической партии. Но когда тов. Осинский пошел дальше и насчет срока стал

говорить, то тут я бы воздержался. “Всерьез и надолго” – 25 лет. Я не такой пессимист, я не стану определять, каков, на мой взгляд, должен быть срок, но это, по-моему, немного пессимистично. Дай бог, чтобы мы на 5–10 лет рассчитывали, а то мы на 5 недель обыкновенно не умеем рассчитывать» [22. С. 329–330].

Заканчивая выступление, Ленин возвращается к вопросу о сроках НЭПа, теперь уже более определенно: «Если взять пример Осинского, то мне думается, что тут надо 10 лет положить ...» [22. С. 331–332]. Эти предположения нашли исторический ответ. НЭП продолжалась, как и предполагал её инициатор, около 10 лет.

Возвратимся к историографии как предмету нашей статьи. Как менялись оценки НЭПа? Влияло время. От НЭПа отказался новый вождь советской России, пришедший на смену Ленину, – И. В. Сталин. Вместе со сменой тактики построения социализма – приходом жесткости в отношениях между народом и властью – изменилось отношение к буржуазии, частично допущенной к получению прибыли в нэпманские времена.

Была отринута формула Ленина: «НЭП – всерьез и надолго». Ускорение построения социализма в меняющихся условиях внутри страны и за её пределами требовало полного отказа от капитализма. Отсюда – жесткая борьба с врагами новой идеологии или потенциальными врагами нового курса, который мы сегодня именуем сталинизмом [11].

Этапы отечественной историографии НЭПа анализируются специалистами – и это один из вопросов, поднятых в связи с оценками новой экономической политики. Хронология периодов НЭПа может варьироваться, но весьма незначительно. Обычно выделяется **первый этап** – 1920-е годы, период реализации НЭПа. И она оценивается на базе ленинских работ как политика, направленная на восстановление разрушенного хозяйства с помощью частного капитала и привлечения

иностранных инвестиций, не как стратегический курс, а как тактика «временной сдачи позиций буржуазии» [13]. Далее: **второй этап** – 1930-е – первая половина 1950-х гг. Это в реальности отказ от допущения буржуазии, средней и мелкой, в экономику страны. Период сталинизма. Его выделяют не всегда. Те, кто рассматривает этап жизни Ленина и дальнейшего правления Сталина как единое целое, как одно единое политическое и идеологическое начало, те сразу переходят к следующему этапу. Те специалисты, которые делают разницу: авторитарный НЭП и тоталитарные 1930-е гг., – разделяют в историографии новой экономической политики 1920-е и 1930-е [12].

Третий этап – 1960-е гг. – середина 1980-х [15]. Особый интерес к НЭПу – вторая половина 1960-х, поскольку акцент делался на реформирование хозяйственной деятельности и изучение регионального опыта. Заканчивается реформирование и гасится интерес историков к НЭПу. Определяя то, что было ранее, до развертывания перестройки, некоторые авторы объединяли в единое целое оценки НЭПа, что не совсем удачно, на наш взгляд. Прочитируем одну из оценок, не загружая читателей статьи именами авторов: «В советской доперестроечной литературе НЭП определяли как некую статичную сущность – целостный комплекс мер пролетарского государства по организации временного отступления от принципиального курса на построение социализма» [11. С. 121].

Можно согласиться с теми же авторами, что «в период перестройки длительная “инерция покоя” была прервана. Но, к сожалению, сложные научные вопросы решались порой по-революционному быстро. В результате стремительного заполнения учеными и публицистами “белых пятен истории” НЭП и отдельные ее атрибуты (прежде всего кооперативную организацию) нередко стали представлять воплощением гуманистических и демократических начал, присущих социалистическому

строительству; возникли иллюзии относительно возможности возрождения нэповской модели в новых условиях» [43. С. 121]. Таким образом в нашей хронологии выделяется следующий, **четвертый этап** – с середины 1980-х до 1990-х годов. Перестроечный период. Интерес ученых к НЭПу связан с тем, что эта политика сочетала разные уклады экономики при господстве идеи построения социализма. А в перестройке, наоборот, еще сохранялись идеи «социализма с человеческим лицом».

Пятый этап – постперестроечный период, рубеж веков, с 1990-х до наших дней. Главная особенность этого периода – переход к рыночной экономике, отсюда обращение к НЭПу и её оценки [30; 40]. Интерес историков усиливается, когда общество вспоминает о событиях 1917 года, гражданской войны, о политике «военного коммунизма». Или когда опыт НЭПа вспоминается при выработке решений современного этапа развития экономики или при постановке вопроса о развитии гражданского общества [4].

Кроме этапов историографии, специалисты, безусловно, обращают внимание на суть НЭПа, рассматривая, в частности, такие проблемы, как: причины изменения политики по отношению к «военному коммунизму», власть и НЭП (вынужденная политика? вынужденное отступление? и пр.), плюсы и минусы НЭПа. В каждом кейсе ответ на поставленный вопрос соотносится с меняющимися условиями жизни социума.

В меньшей степени в трудах исследователей речь идет о тех людях, которых стали именовать нэпманами. По-видимому, это также интересный сюжет (нэпманы как социальный тип, основания для появления такого типа и пр.), но по понятным причинам к нему не обращались, а если говорили об этой социальной группе, то больше не в исторических трудах, а в воспоминаниях и художественной литературе.

В связи с этим приведем для примера рассуждения Е. Демчика. По уровню культуры и образованности социальная группа «новых»

предпринимателей мало отличалась от остального населения и включала в себя самые разнообразные типы и характеры. Большинство составляли «нэпманы-демократы», по описанию одного из авторов 20-х годов, «юркие, жадные, крепколобые и крепкоголовые парни», которым «воздух базара был полезнее и прибыльней атмосферы кафе». В случае удачной сделки «базарный нэпман» «радостно хрюкает», а когда сделка срывается, «с его уст несется сочное, крепкое, как он сам, русское “словцо”. Здесь “мать” звучит в воздухе часто и непринужденно». «Нэпманы благовоспитанные – по описанию того же автора, – в американских котелках и штиблетах с перламутровыми пуговками – совершали те же миллиардные сделки в полумраке кафе, где тонкий разговор велся на тонкой деликатности» [14].

Попытки обобщения историографического материала о новой экономической политике предпринимались неоднократно [43; 51].

Обобщая представленный в параграфе материал можно сформулировать следующие выводы об изменениях в историографии по периоду НЭПа:

1. НЭП дает исторический вариант проведения экономической политики в условиях качественного перехода от одного состояния общества к другому, в нашем случае от капитализма к социализму через определенное ограниченное возвращение к старому капиталистическому укладу с временным его допуском. Следовательно, можно утверждать, что при определенных обстоятельствах этот опыт может быть изучен и применен.

2. Отечественная историография НЭПа меняла свои оценки на новую экономическую политику в зависимости от постановки тех или иных общественных задач. Особое внимание специалистов по советской истории к НЭПу можно отметить в кризисные моменты общественного развития, а именно в период реформирования экономики (например, так

называемые «косыгинские реформы», в период перестройки и постперестройки при переходе к рыночной экономике).

3. В современных условиях при внимании к принципу междисциплинарности, тяготению к социальной антропологии, а также к социальной психологии, было бы интересно внимательнее изучить социальный тип нэпмана, который в гуманитарном знании, на наш взгляд, еще не получил должной научной оценки.

§ 3.4. Формирование ценности образования на примере культурного наследия птолемеевского Египта

© Сивкина Н. Ю., Можеровцева А. Д.

К основным ценностям современного образования традиционно относят активность, творчество, гуманизацию, толерантность, свободу, профессионализм, конкурентоспособность. Прививать их следует с детства, а развивать на протяжении всей жизни. Естественно, большую роль в этом играет учебный процесс. Однако в последние годы неоднократно поднимался вопрос о недостаточной ответственности, зрелости и самостоятельности выпускников школ, об особенностях поколения Z, которые следует учитывать при подготовке обучающихся, о радикальной смене образовательных ценностей [9; 16; 17; 38; 41; 46]. «Именно педагогическое образование является причиной современного неудовлетворительного уровня образования и личностного развития выпускников российских школ, ибо в школах работают подготовленные нами специалисты, которые “поставляют” и нам, и другим вузам таких выпускников» [17. С. 17]. Декларированные ценности должны стать нормой повседневной жизни. Но, на наш взгляд, начинать следует с формирования положительного отношения к образовательному процессу, к науке и культуре. Преподавание всемирной истории как раз и должно

этому способствовать: не механически накапливать знания, как предусматривают, например, пресловутые ВПР в школе, а делать акцент на роль науки и образования в жизни людей, на формирование их менталитета, что позволит выпускникам лучше разбираться в современной ситуации в мире. Культурное наследие Древнего Египта является прекрасным образцом для постижения ценности образования.

В период с конца IV–I вв. до н.э. начинает возрастать роль культуры и разноформатного образования в частности, а Египет в правление Птолемеев становится одним из центров культурной и научной жизни греко-римского мира. Значительные заслуги в этом имеют сами цари династии, ведь развитие Александрийского мусейона и условий работы в нем, а также поощрение развития образования в целом способствовало достижению и политических целей. Незадолго до этого эллинский мир потряс военный гений и образованность Александра Македонского, при этом все знали, что он – ученик философа Аристотеля. После смерти завоевателя его преемники – диадохи стали больше уделять внимания не только военному делу, но и развитию образовательной сферы.

Говоря о Древнем Египте, стоит отметить, что и до Птолемеев в стране достаточно сложно было продвигаться по социальной лестнице, не имея соответствующих компетенций, образования и воспитания. В Египте невозможно было стать писцом, умея только писать и считать, но не имея навыков, сравнимых с современными филологическими и математическими. По мнению Витрувия, «он [архитектор] должен быть человеком грамотным, умелым рисовальщиком, изучить геометрию, всесторонне знать историю, внимательно слушать философов, быть знакомым с музыкой, иметь понятие о медицине, знать решения юристов и обладать сведениями в астрономии и в небесных законах» (Vitruvius. I. I. 3), и так он говорил об обычной, на наш взгляд, профессии архитектора. Наличие качественного образования давало больше шансов

сделать хорошую карьеру в любой сфере ввиду преобладания греков и греческих традиций в системе управления при Птолемах. Об этом же свидетельствует и тот факт, что учителя греческого языка получали такое же вознаграждение, что и учителя физического воспитания; и те, и другие помогали распространять греческую культуру и язык, необходимые птолемеивской бюрократии [54. Р. 35–36]. Теофраст утверждал так: «Ученый – единственный из всех не бывает ни иностранцем в чужой земле, ни – при потере родных и близких – лишенным друзей, но во всяком городе он гражданин, и может безбоязненно презирать удары судьбы. И, наоборот, кто думает, что он защищен оградой не учености, а удачи, тот, идя по скользкому пути, сталкивается не с устойчивой, но с неверной жизнью» (Vitruvius. VI. 12. 2). В греческой культуре (как и в египетской) образованных людей очень ценили, об этом можно судить также по словам, которые Диоген Лаэртский приписывает Теофрасту: «одному гостю в застолье, не проронившему ни слова, он сказал: “Коли ты неуч, то ведешь себя умно, а если учен, то глупо”» (Diog. Laert. V. 2. 39–40). Или, как говорил философ Аристипп, «надо снабжать детей таким имуществом и давать им на дорогу то, что может выплыть вместе с ними даже после кораблекрушения» (Vitruvius. VI. 12. 1).

Процесс получения образования в Египте эпохи Птолемеив проходил в несколько этапов: начальный – получение общего разностороннего образования и воспитания в комплексе, после него было вполне реально стать учеником кого-то из видных философов и со временем самому стать философом или благодаря полученным навыкам, умениям добиться какой-либо должности. Это очень похоже на современную систему в виде совокупности школьного образования, университетского и после – деятельности в качестве преподавателя или ученого. Греки в Александрии и в провинции давали своим детям воспитание в гимназиях, и молодежь была организована в эфебии [36. С. 188], в частности, о наличии гимназия

в столице упоминает Страбон (Strab. XVII. 1. 10.). В городах-полисах и обычных городах Египта было достаточное число гимнасиев, дававших, однако, кроме гимнастического также и некоторое научное образование [19. С. 243]. Греки и египтяне твердо понимали, что «внедренные в умы знания никогда не изменяют, но непоколебимо остаются до самого конца жизни» (Vitruvius. VI. 12. 3). Традиционное для египетской культуры воспитание и образование никуда не исчезло при этом, оно было распространено на территории номов, но египтяне (особенно знатные) старались своим детям дать также образование греческое. Общество того времени уже не устраивало наличие только традиционных форм образования и воспитания. По причине появления в обществе потребности в чем-то большем, нежели обычные гимнасии, Мусейон превратился в настоящий интеллектуальный центр, запрограммировавший развитие мировой культуры по меньшей мере на целое тысячелетие [50. С. 298].

Гимнасии и другие образовательные учреждения Александрии и Египта, включая Мусейон, не возникали стихийно – их основал Птолемей Сотер и развивали его преемники либо их появление было согласовано с царем и его администрацией. Традиционно считается, что Мусейон был задуман по образцу того комплекса вокруг святилища муз, который Теофраст создал в Афинах при школе Аристотеля [50. С. 298], а тот, в свою очередь, обратился к традициям пифагорейства, в котором культ муз символизировал и поддерживал научные занятия и исследования [6. С. 307]. Александрийский Мусейон соединял в себе академию, университет и библиотеку в современном понимании, но в отличие от греческих мусеев и той же академии, которые содержались на деньги главы и одновременно владельца, Мусейон был полностью на государственном обеспечении. Это была первая в истории человечества академия наук, слитая воедино с университетом, находившаяся под

покровительством небесных, а главным образом земных богов – Птолемеев [7. С. 158].

Как и любой современный университет и исследовательский центр, Александрийский Мусейон имел свою библиотеку. Сложно сказать, была ли библиотека абсолютно самостоятельным учреждением или возникла для нужд Мусейона, точно известно лишь то, что они тесно взаимодействовали. Как и Мусейон, библиотека возникла по распоряжению Птолемея Сотера, и первым царским даром, с которого и началось не имеющее прецедентов в античной истории собрание книг и документов, скорее всего, стали архивы Александра, вывезенные вместе с его телом Птолемеем Лагом из Вавилона [33. С. 305]. Как сообщает Авл Геллий, «в Египте царями Птолемеями было собрано и изготовлено огромное количество книг – около семисот тысяч томов» (N.A. VII. 17. 3), что подтверждает и Афиней: «царь Египта Птолемей, прозванный Филадельфом, купил у наследников Нелея все эти сочинения» (Athen. I. 4). Это яркое подтверждение того, что Птолемеи не просто осознавали значение образования, но и оценили роль библиотеки и Мусейона в своей культурной политике. В эллинском мире к этому времени уже существовали публичные библиотеки (а таковой была и библиотека Александрии), но они не были настолько обширными и ценными. Интересно, что и другие диадохи стремились не отставать в покровительстве наукам от Птолемеев. Так, библиотека Афин, обязанная своим основанием еще тирану Писистрату, в эту эпоху существовала благодаря царю Селевку I Никатору. Примечательно, что именно правители были заинтересованы в пополнении слоя образованных людей, поэтому и были готовы тратить огромные суммы на развитие науки и образования, в то время как община граждан всегда находила другие неотложные дела, требовавшие общественных затрат.

Поскольку культурная и образовательная политика формировалась царем, то и руководитель Мусейона назначался царем лично. При этом он был не только главным ученым, но и главным жрецом – служителем муз. Члены Мусейона также назначались царем и имели право распоряжаться выделенным им финансированием [18. С. 86]. Те, кто попадал в этот храм науки, относились к элите научного мира; они полностью обеспечивались щедростью монарха и имели там все необходимое для работы – инструменты, коллекции, зоологический и ботанический сады [21. С. 93]. Как писал Страбон, «Мусей также является частью помещений царских дворцов; он имеет место для прогулок, “экседру” и большой дом, где находится общая столовая для ученых, состоящих при Мусее» (Strab. XVII. 1. 8). Будучи частью царского квартала Брухейон, ученые имели доступ к царским садам. Столь же долгий период существовала и обсерватория со своим кругом ученых, преданных культу Урании [34. С. 56]. Таким образом, Александрия благодаря стараниям властей в культурно-ученой среде весьма ценилась с точки зрения комфортных условий пребывания, что вызывало всеобщую зависть, особенно баснословный царский пансион [35. С. 105–106].

Пансионерами Мусейона были ученые, поэты, изредка философы, которые жили в помещении Мусейона и находились на содержании государства, они трудились на ниве науки, иногда читая при этом лекции [6. С. 308]. В течение всего III века до н. э. глава библиотеки (основной, которая была частью Мусейона) по традиции был одновременно и воспитателем наследника престола [7. С. 152]. Периодически ученые должны были отчитываться перед царем и демонстрировать ему результаты своей деятельности. Разделенные на группы, которые можно было бы сравнить с отделениями современных академий или с современными факультетами и кафедрами университетов, они имели возможность вести научные споры с людьми одних с ними взглядов и

устремлений, а также собирать вокруг себя учеников [5. С. 167]. На их лекциях могли присутствовать все желающие, кто-то посещал их на постоянной основе с целью чему-то научиться, что-то постичь, как студенты современных вузов. Учеными Мусейона были достигнуты большие успехи в математике, механике, физике, географии и медицине [52. Р. 101], а также литературе, философии, астрономии и других дисциплинах – во всем, что было включено в список занятий, подходящих под критерии «мусического» культа. При этом роль царей в развитии науки оказывалась куда более серьезной: их участие в делах Мусейона не ограничивалось только основанием и финансированием. К примеру, успехи медицинской науки во многом были связаны с тем, что Птолемей II позволил Эрасистрату проводить медицинские исследования на приговоренных к смерти преступниках [18. С. 87], и такое практическое отношение со стороны царей было ко всему остальному.

Роль и важность Мусейона сложно недооценить, ведь здесь, в музее и библиотеке Александрии, были заложены основы новой эпохи культурного и интеллектуального эллинистического обихода и мирозерцания и выработывались новые формы организации страны в политическом, экономическом и духовном аспектах [37. С. 192].

Бесспорно, что уже в период правления Птолемея Сотера I были те, кто осуждал деятельность Мусейона и ученых, которые там работали. «Силлограф Тимон, издеваясь над кормившимися в Мусее философами, где-то называет его плетеной корзиной, полной птиц: они де откармливаются там, подобно редким птицам в вольере:

Много теперь развелось в краю многолюдном Египта
Книжных ученых тычин, грызутся они беспрестанно
В птичьей корзинке Мусея ...» (Athen. I. 41).

Сложно отрицать, что на выбор тем и идей для исследований царский заказ мог и должен был оказывать влияние. Однако критики здесь

несправедливы. Вероятно, правильнее говорить, что их едкие слова вызывала зависть, а вовсе не любовь к свободе и независимости. В то время свободное выражение мыслей в сфере образования было возможно лишь в том случае, если ученый был состоятельным гражданином, мог открыть школу и преподавать в ней. Но таких было немного. Для остальных было важно приобрести покровительство того или иного правителя, но это, естественно, означало контроль со стороны власти. Действительно, ученые в Египте отчитывались за свою работу и потраченные средства (современная идея грантов не так нова, как кажется), но они получали возможность заниматься любимым делом.

Уже с середины II в. до н.э. Мусейон имел в эллинском мире такую славу, что по его образцу и тесно связанной с ним библиотеки другие цари, государства и философы создавали свои музеи и библиотеки. Бесспорный факт, что Александрийский мусей стоит у колыбели всех ученых академий, ему подражали в Риме и Византии, и даже средневековые университеты связаны преемственной нитью с этим, выражаясь современным языком, исследовательским центром [5. С. 53]. Фактически, не было такой области литературной, интеллектуальной или научной деятельности, в которую птолемеевская Александрия не внесла бы важный вклад [52. Р. 101], создав основы для современного образования и науки.

Подводя итоги нашему обзору, следует отметить, что культурное наследие Египта периода Птолемеев в сфере образования огромно. Именно тогда были заложены многие ценности, акцент на которые делает современная образовательная система. Это толерантность, конкурентоспособность, самостоятельность, профессионализм и, конечно, осознание ценности самого образования. В то время в египетском государстве востребованность в образовании была высока: все слои населения стремились к расширению знаний, т.к. образованность была одним из основных условий продвижения по карьерной и социальной

лестнице. Птолемии одни из первых организовали государственную поддержку ученых. Но их затраты окупились высоким престижем страны на международной арене.

Литература

1. 16 культовых цитат из «Брата». О деньгах, правде, музыке и России [Электронный ресурс]. URL: <https://region03.ru/articles/vozmem-po-kislote-ottopyrimsyachto.html> (дата обращения: 17.01. 22).
2. Александр Невский – мыслитель, философ, стратег, святой [Электронный ресурс] // Правмир. URL: <http://pravmir.ru/aleksandr-nevskij-myslitel-filosof...2/> (дата обращения: 14.04.2022 г.)
3. Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 210 с.
4. Баранов А. В. Тенденция к самоорганизации российского социума первой трети XX века в контексте становления гражданского общества // НЭП и становление гражданского общества в России: 1920-е годы и современность. Краснодар, 2003. С. 36–49.
5. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма / Пер. с нем. Э. Д. Фролова. М.: Наука, 1982. 391 с.
6. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 2. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. 448 с.
7. Борухович В. Г. В мире античных свитков. Саратов: Саратовский ун-т, 1976. 223 с.
8. Велилаева Л. Р., Абдуллаева Н. Р. Понятие «национальной идентичности»: теоретико-литературный аспект исследования [Электронный ресурс] // Universum: Филология и искусствоведение: эл. науч. журнал. 2020. № 6 (73). С. 26–28. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/category/6-74> (дата обращения: 14.09.2022)
9. Вопросы педагогики и психологии: монография / редкол.: Ж. В. Мурзина, О. Л. Богатырева. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. 192 с.
10. Где впервые была произнесена фраза «Не в силе бог, а в правде»? [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/q/question/gde_vpervye_byla_proiznesena_fraza_ne_v_6dc23a2d/ (дата обращения: 17.01.22).
11. Гимпельсон Е. Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки. 20-е годы XX в. М.: Собрание, 2004. 303 с.
12. Горинов М. М., Дощенко Е. Н. 30-е годы // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М.: Политиздат, 1991. С. 165–217.
13. Горинов М. М., Цакунов С. В. 20-е годы: становление и развитие новой экономической политики // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М.: Политиздат, 1991. С. 118–165.
14. Демчик Е. «Новые русские», годы 20-е // Родина. 2000. № 5. С. 146–149.
15. Дмитренко В. П. Проблемы НЭПа в советской историографии 60-70-х годов // НЭП: вопросы теории и истории. М.: Наука. 1974. 360 с.

16. Дятлова К. Д., Колпаков И. А. Подготовка студентов первого курса к самостоятельной работе // Наука и школа. 2013. № 6. С. 120–125.
17. Елизарова Г. В. Новому образованию новую систему образовательных ценностей // Вестник Герценовского университета. 2010. № 9 (83). С. 14–17.
18. Зайцева И. В. Интеллектуальная жизнь Александрии (на примере Александрийского мусейона) // Вестник НВГУ. 2018. № 1. С. 84–90.
19. Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. М.: Вече, 2018. 448 с.
20. Короткова О. А. Концепция деколонизации музея: проблемы и возможности // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 28–38. doi 10.31250/2618-8619-2021-3(13)-28-38.
21. Левек П. Эллинистический мир / Пер. с фр. Е. П. Чиковой. М.: Наука, 1989. 252 с.
22. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге, Всероссийская X конференция РКП(б), 27 мая 1921 // Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 317–332.
23. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти, Москва, 1918, изд. 2-е // Ленин В. И. ПСС. Т. 36. Москва: Изд-во политической литературы, 1974. С. 165–208.
24. Лучший Дагестан // Глухомань ГО. Путешествия в глухомань [Электронный ресурс]. URL: <https://gluhoman-go.ru/dagestansept2022> (дата обращения: 10.08.2022).
25. Магазин брендовой одежды Beautiful Criminals [Электронный ресурс]. URL: https://beautifulcriminals.com/catalog/futbolki_topu_bluzu/obereg_t_shirt/ (дата обращения: 09.08.2022).
26. Магазин брендовой одежды Beautiful Criminals [Электронный ресурс]. URL: https://beautifulcriminals.com/catalog/futbolki_topu_bluzu/izbushka_t_shirt/ (дата обращения: 09.08.2022).
27. Магазин брендовой одежды Beautiful Criminals [Электронный ресурс]. URL: https://beautifulcriminals.com/catalog/futbolki_topu_bluzu/ivan_i_volk_t_shirt/ (дата обращения: 09.08.2022).
28. Магазин брендовой одежды Beautiful Criminals [Электронный ресурс]. URL: https://beautifulcriminals.com/catalog/ukrasheniya/piercing_koko/ (дата обращения: 09.08.2022).
29. Матузкова Е. П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта Серия: Филология. Педагогика. Психология, социологические науки. 2014. Вып. 2. С. 62–68.
30. Орлов И. Б. Отечественная историография НЭПа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 10–14.
31. Петриченко Е. С. Влияние ритма на организм человека // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 18. С. 41–44.
32. Писаренко Д. Такая противоречивая вся. Учёные исследовали русскую душу с помощью научных методов // Аргументы и факты – Камчатка. 2021. № 19 (2112). С. 15. [Электронный ресурс]. URL: <https://poluostrov-kamchatka.ru/smi/aif/aif-2112.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).
33. Поршнева В. П. Александрийский Мусей в процессе взаимодействия культур Востока и Запада в эллинистическую и римскую эпохи // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. 2007. Т. 172. С. 303–312.
34. Поршнева В. П. Сакральное пространство Александрийского Мусея: этапы

формирования // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 47–56.

35. Поршнева В. П. Эkleктизм как мировоззрение интеллектуальной элиты птолемеевской Александрии // Вестник СПбГУКИ. 2011. № 1. С. 104–115.

36. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.: Издательство АН СССР, 1950. 382 с.

37. Ростовцев М.И. Птолемеевский Египет // ВДИ. 1999. № 4. С. 189–196.

38. Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24–30.

39. Селарт А. Ледовое побоище 1242 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.a-nevsky.ru/library/ledovoe-poboische-v-zerkale-epochi5.html> (дата обращения: 17.01.22).

40. Сенявский А. С. НЭП: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: политические, экономические, социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 85–93.

41. Сивкина Н. Ю. Мотивация к изучению древних языков у студентов младших курсов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Чебоксары: «Среда». 2022. С. 114–118.

42. Соколов Р. А. Александр Невский и евразийцы // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 209–218.

43. Страницы истории советского общества. Факты. Проблемы. Люди / А. Т. Кинкулькин (ред.). М.: Политиздат, 1989. 447 с.

44. Тихомиров В. Россия без Невского. Александр Невский уничтожил демократию на Руси и ввел единоличное правление // Огонёк. № 22. 06.06.2005. С. 7.

45. Толстой Л. Н. Анна Каренина. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2014. 861 с.

46. Третьякова Е. М. Организация самостоятельной работы студентов с применением новых информационных технологий // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 329–333.

47. Указ Президента РФ О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602682884> (дата обращения: 03.08.2022).

48. Устинова А. Папа Григорий IX и крестовые походы в Прибалтику. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.a-nevsky.ru/library/ledovoe-poboische-v-zerkale-epochi11.html> (дата обращения: 17.01.22).

49. Флоря Б. Н. Русь, ее западные соседи и папство (I-я треть XIII в.) // Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007. С. 175–185. [Электронный ресурс] // Седмица.ru. URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/442952/> (дата обращения: 17.01.22).

50. Чистяков Г. П. Эллинистический Мусейон (Александрия, Пергам, Антиохия) // Эллинизм: восток и запад / Под ред. д.и.н. Е. С. Голубцовой. М.: Наука, 1992. С. 298–315.

51. Яхутль Ю. А. Проблемы нэпа в отечественной историографии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 1. С. 41–48.

52. Ancient Egypt: from Prehistory to the Islamic Conquest / Ed. by K. Kuiper. Britannica Educational Publishing, 2011. 206 p.

53. Figes O. Natash's Dance: A Cultural History of Russia, New York: Metropolitan Books, 2003. 728 с.

54. Koenen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-definition in the Hellenistic World / Ed. by A. Bulloch, E. S. Green, A. A. Long, A. Stewart. Berkeley: University of California Press, 1993. P. 25–115.

55. Manizha - Russian Woman - LIVE - Russia First Semi-Final - Eurovision 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ajfaz1CKZq0> (дата обращения: 08.08.2022).

ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

§ 4.1. Ценность общности, единения людей как основа построения «людского совместного мира» (на материалах трудов Н. А. Бердяева и К. Ясперса)

© Багаева О. Н.

Единство человечества путем установления экзистенциальной коммуникации К. Ясперс называет не конечной и наивысшей целью бытия, но с его помощью, по мнению мыслителя, открываются безграничные возможности человеческой сути. Это единство не может быть достигнуто, по Ясперсу, с помощью всеобщих научных знаний, так как предполагается объединение на основе разумных положений, рассудочных выводов, теорий и т.д., таким образом, сам человек со сферой «подлинного самобытия» забывается и в расчет не берется. Единство человечества не может быть достигнуто и на основе принятия единой мировой религии, добавляет философ, так как в данном случае существует вероятность подмены истинной веры на фанатическое или искусственно религиозное отношение к Богу. Объединить человечество, как считает немецкий философ, не удастся, опираясь на геополитическую ситуацию современной действительности, то есть путем подписания различных пактов, конвенций и т.д., тем не менее все с большей очевидностью встает перед нами необходимость «...неразделимости судеб уникального индивида и общества, человечества как целого» [16. С. 25].

Желание приобщиться к надгосударственным образованиям возникает у людей на основе здравого смысла и трезвого расчета, но нивелируется таким образом глубоко личностное стремление одного человека к другому, желание видеть в нем истинного друга и союзника.

«Единство можно обрести только из глубины историчности и притом не как некоторое общее содержание, или результат познания, – его можно достичь только в неограниченной коммуникации исторически различных моментов, которые состоят в незавершительном разговоре друг с другом» [45. С. 108], – пишет Карл Ясперс. Кульминационная точка этого разговора составляет, согласно мыслителю, разговор одного самобытия с другим, отличным самобытием, что в конце концов принимает форму своеобразной борьбы или конфронтации, так как данное общение не может протекать без напряжения, что свойственно экзистенциальному существованию. Но, отмечает философ, такие отношения зиждутся только на взаимной любви и уважении. Профессор И. Н. Сидоров отмечает, что «для Ясперса речь идет о возможности общей для всего человечества веры, которая объединила бы все варианты человеческой культуры» [38. С. 80].

Немецкий философ рассуждает о возможности единения всех людей, живущих на нашей планете, даже исходя из того, что все мы настолько разные и непохожие друг на друга, что может возникнуть ощущение недоверия или сомнения в другом, чуждом человеке. В первую очередь все люди отличаются по внешним характеристикам, даже внутри одной национальности, не говоря уже о расовых признаках. И конечно, один индивид разительно непохож на другого, исходя из внутреннего наполнения, имманентных черт характера, эмпирического опыта и т.д. К. Ясперс по этому поводу пишет: «Все наши глубочайшие различия, различия в характерах, отдаленность друг от друга, доходящая до полного взаимного непонимания, до возникновения смертельной вражды, наше ужасающе безмолвное отчуждение при душевной болезни или в страшной реальности концентрационных лагерей, все это – мука, в действительности порожденная родством, забытым или заблудившимся на пути к своему осуществлению» [47. С. 69].

По Ясперсу, наша экзистенциальная сущность, присутствующая в каждом индивиде, взывает увидеть, разглядеть это глубинное родство всех людей, не противиться этому, а слушать этот внутренний голос и следовать ему. Тот факт, что мы в настоящее время особенно пытаемся заглушить голос, призывающий к единению, свидетельствует о бегстве от самих себя, оскудении, исчерпаемости «подлинного самобытия», вследствие чего человечество может пойти дорогой самообмана, не к себе, а от себя, то есть может произойти, по Ясперсу, «утрата собственного бытия человека в пользу мира...» [10. С. 166].

Карл Ясперс и Николай Бердяев уверены, что людей в условиях современной действительности разъединяет бездна, которую они сами себе уготовили. Именно в ней все мы можем оказаться, с точки зрения Ясперса, если не будем пытаться услышать голоса друг друга и вставать на путь понимания и диалога. Между индивидами существует тесная взаимосвязь, о которой мы не имеем четкого представления, но все же мы подозреваем о ее наличии. Она менее поддается рациональному толкованию, возникает где-то глубоко внутри и ярче проявляется путем трансценденции. Философ продолжает: «...Связь между людьми основана не на их биологических свойствах, а на том, что они могут понять друг друга, на том, что они обладают сознанием, мышлением, духом» [47. С. 69].

Индивиды не видят или не хотят замечать, что они обладают верой в то, что все они обладают нефизической, нематериализованной связью друг с другом. Токи экзистенциальной коммуникации принижают всю их суть и естество, сплачивая и объединяя в одно неразделимое целое. Экзистенциальная коммуникация как будто бы окутывает людей, погружая в состояние тепла, что может быть даровано от ощущения дружбы и веры в человека. Если индивиду удалось прочувствовать это, погрузиться в неизмеримо богатый мир «подлинного самобытия», если он поверил в

наличие этой глубинной и тесной экзистенциальной связи между людьми (иначе философ называет такие взаимоотношения «прочувствованными связями» [48. С. 165]), то человеческая личность приобретает бóльшую ценность.

Для К. Ясперса существует определенная зависимость между осознанием себя как экзистенциального субъекта и видением другого индивида. В. А. Подорога называет «другого» тем, что «овозможивает» нашу способность воспринимать и быть воспринимаемыми [32. С. 24]. Чем человек острее признает свое право на уникальность, неповторимость, несхожесть с другим, чем явственнее он осознает незрячесть привхода в этот мир, тем самым он расширяет право на обладание отличным самобытием другим индивидом. Чем глубже, ярче экзистенциальное наполнение одной человеческой личности, ее суть, тем более уникальным предстает другой индивид в глазах первого, тем больше у них шансов на возникновение экзистенциальной коммуникации, единения и откровения.

Следствием наличия экзистенциальной коммуникации между индивидами является, по Ясперсу, чувство ликования, восторга, приходящее впоследствии. Это происходит потому, что человеческая личность пришла к пониманию того, что преодолеть тяжесть явленного миропорядка возможно, что оказывается вероятным преодоление, прорыв из сковывающего и насилующего, навязывающего модели поведения и мышления мира объективного в мир нуменальный, наполненный экзистенциальными субъектами, которые могут даровать ощущение радости и незрячести существования. «Отсюда специфически человеческое чувство удовлетворения, возникающее при взаимопонимании даже наиболее отдаленных друг от друга людей, – желание видеть в человеке человека...» [47. С. 70], – заключает мыслитель.

Способность увидеть в человеческом индивиде не только его физиологическую оболочку с набором определенных качеств и свойств, но

и глубинного экзистенциального субъекта, обладающего присущей только ему самосутью, позволяет человеку образно совершить прыжок вверх, из узости и ограниченности явленной историчности вширь и глубь подлинного существования на основе безграничной экзистенциальной коммуникации. Такая попытка вхождения в рационально непознаваемый, загадочный мир человеческого общения, где «...даришь себя в любви к другому» [45. С. 24], по Ясперсу, является сутью становления индивида личностью или экзистенциально наполненным субъектом. Н. А. Бердяев имеет схожую точку зрения по этому вопросу. Русский философ также полагает, что в процессе осуществления коммуникации «выход» к другому означает не только выход из собственной субъективности в субъективное «ты» на основе чувства любви, но и выход за пределы объективированного мира вообще, что сопровождается, с одной стороны, ощущением напряжения, а с другой стороны, ощущением божественной благодати.

Любого индивида немецкий философ мыслит, соотнося его с другими индивидами, а не в его единичности. (Здесь стоит отметить, что и Н. А. Бердяев отрицательно характеризовал «абсолютное одиночество», то есть замыкание индивида на единичности, что может привести его к метафизической гибели; а вот к «относительному одиночеству» относился положительно, так как с его помощью человек может накопить «самобытие» и выходить на встречу к «ты». Иными словами, Бердяев мыслил человека тоже в соотнесении его с «мы»). Индивид Ясперса, таким образом, становится историческим только в соотнесении его со всеобщим. Это происходит не потому, что человек именуется существом общественным и является собственно таковым в условиях переживаемого пространственно-временного отрезка. Личность становится исторической, иными словами, это процесс развертывания, углубления человека в его самосуть. Историческое в человеке открывается не в качестве общего

закона, типического образа, общезначимой ценности или «плоской понятности» [46. С. 393].

Историческое, по мнению мыслителя, всегда единично, неповторимо. Это не просто реально существующий индивид, который растворяется в минувшей историчности мира, то есть поглощается им, преобразуясь или исчезая. Это личность, которая ощущает непреходящую связь с происхождением всего сущего и уверенная в своем собственном вековечном существовании. Исторический человек, по словам Ясперса, это – «...действительность, одухотворяющая ... общее» [47. С. 250]. Такой «исторический индивид» может появиться, сформироваться, вырасти только в условиях человеческой любви, понимания и доверия. И открывает он себя миру, тоже только обладая любовью и даря ее в экзистенциальной коммуникации с другими историческими личностями, преодолевая пространство и время.

Пребывая в атмосфере животворящей любви, имеющей божественное начало, уникально неповторимый индивид раскрывает себя, являет свою самосуть этому миру, тем самым открываясь в бесконечное. Такой индивид, по Ясперсу, пребывая в пульсации вечности, историчности, оказывается способным открыть материально несуществующие двери для вхождения в мир подлинный, нуменальный другому индивиду, умея почувствовать его личную самобытность. Тот другой, пока находясь в положении ведомого, раскрывает свое «я» сначала самому себе, а потом и миру. Все экзистенциально существующие субъекты не громогласно, но твердо заявляют о своем бытии. Являя и открывая себя в явлениях миропорядка, которые претерпевают изменения, субъект тоже склонен к изменениям. Существовая реально, экзистенциальный субъект пребывает в качестве исторического индивида, но оказывается недоступным для тех, кто такими не является. Пребывая в любовном отношении к экзистенциальному субъекту, человек начинает

острее ощущать основы бытия. «В бесконечности любимого индивидуума открывается мир» [47. С. 251], – пишет мыслитель. Благодаря самой себе, своим внутренним источникам и силам исконная любовь может расширяться и усиливаться до ощущения любви к самому бытию, его основам, сущему вообще. Экзистенциальному субъекту, преисполненному ощущением любви, открывается историчность бытия при условии наличия экзистенциальной коммуникации, что является, по словам профессора Р. М. Габитовой, «конституирующим моментом человеческой личности» [10. С. 178].

Предпосылкой «разговора друг с другом» на основе искренней симпатии, теплого внимания, что является показателем внутреннего достоинства личности, становится ситуация ненасилия и отказа от любых военных проявлений. По мнению Ясперса, необходимость достижения такого состояния мировой общественности очевидна. Попытка мыслить единство всего человечества, отринув насильственные способы объединения, дает возможность упорядочить экзистенциальные основы бытия, упрочить фундамент, на котором возводятся принципы нуменального миропорядка. К. Ясперс отмечает, что условием единения человечества выступает такая политическая форма управления, которая может гарантировать максимальное расширение полей свободы, при этом сохраняя всеобщее согласие. То, к чему следует стремиться в попытке единения человечества, – правовое государство, где верховенствующую роль играет закон. «Все со всеми» содействуют в реализации наиважнейшей цели, будучи хорошо информированными, благодаря постоянно циркулирующим сообщениям и уведомлениям, создавая, по словам О. Ф. Больнова «людской совместный мир» [6. С. 55].

§ 4.2. Ценности и приоритеты социального государства: обзор исследований современных российских ученых

Одним из ключевых направлений внутренней национальной политики Российской Федерации является построение социального государства и, как следствие, повышение благосостояния граждан.

Несмотря на то что основной закон нашей страны провозгласил приоритетом создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7) еще в 1993 году [22], современную стадию в воплощении «государства всеобщего благоденствия» можно охарактеризовать как процесс формирования и выделения основных направлений. Ученые – экономисты, социологи, политологи, правоведы, изучая сущность и модель социального государства в современной России, отмечают как достижения, так и проблемы, складывающиеся в ходе реализации его составных частей, таких как: обеспечение социального равенства, солидарности, преодоление расслоения среди различных групп, приоритет законности и др.

По мнению А. А. Нелюбина, социальное государство характеризует в первую очередь его конституционно-правовой статус, который предусматривает гарантию социальных, экономических прав и свобод гражданина, обязанность государства по сведению к минимуму различий и обеспечению необходимых условий для воплощения творческого потенциала личности [29].

Говоря о равенстве, следует понимать соответствующее положение людей в обществе, обеспечивающее их одинаковое отношение к закону, распределению ресурсов, схожие политические и гражданские права. С. Ю. Арбузов делает акцент на статусе свободных индивидов в пределах единого для всех эквивалента – нормы права, что подразумевает равное

обладание в рамках закона как материальными, так и духовными благами [3. С. 113].

Важно отметить, что при реализации политики равенства мы говорим также о сглаживании неравномерности в развитии всего общества. То есть, слабые, незащищенные слои населения или оказавшиеся в тяжелой жизненной ситуации попадают в особое поле внимания со стороны властей. И перераспределение благ будет осуществляться как раз с учетом актуальной поддержки этим категориям граждан. Но социальное государство оказывает помощь лишь в той мере, которая будет способствовать обеспечению минимума, необходимого для жизни и здоровья. Для остальных же создаются условия трудовой деятельности. И здесь следует упомянуть об особом направлении в теоретическом исследовании сущности социального государства, когда понятие «государство всеобщего благоденствия» заменяется термином «государство, благоприятствующее труду», то есть основная роль института сводится к созданию условий для деятельности всего населения, которое эффективно работает и платит налоги. Таким образом, государство исходит из трудового вклада гражданина при распределении благ, ресурсов, ценностей. В свою очередь, необходимыми факторами для вышеописанного являются рыночная экономика, обеспечивающая занятость, конкурентоспособная заработная плата и качественная система социального страхования. Этот перечень также входит в приоритеты социального государства, но неодинаково реализуется в разных моделях.

Ранее мы писали о том, что Россия ориентируется на построение модели социал-демократического типа и социальная политика – это основная и прямая обязанность государства. Приоритетом является обеспечение своих граждан равными возможностями для удовлетворения материальных и духовных потребностей и осуществления всей полноты личных, политических, социальных, культурных, экологических прав

[28. С. 124]. Бесспорно, именно та сфера, где человек живет, обучается, трудится, поправляет здоровье, является основной. И государство как основополагающий и системообразующий институт должно сделать все возможное для создания условий комфортного, счастливого и обеспеченного существования. Именно социальное государство является вершиной развития гуманистической миссии этого института.

Среди отечественных ученых относительно ценностей существуют разные мнения, исходя из восприятия основной функции социального государства. Например, Л. И. Пахарь, рассмотрев генезис, различные модели, основополагающие принципы экономической сферы и ключевые направления деятельности, пишет: «Это такой исторический тип государства, которое своей внутренней политикой действует в интересах широких слоев населения, создавая стабильные условия для комфортного существования и полноценного развития каждой личности» [30].

Весьма важным представляется исследование Н. Е. Тихоновой, посвященное изучению приоритетов социальной политики государства в представлениях российского общества [41]. Сложно не согласиться с автором в том, что «в нынешних российских условиях только социальное государство является антиподом “рыхлого” несостоятельного государства» [41. С. 78].

По сравнению с советским периодом нашей истории представления современного российского общества о приоритетах социальной политики значительно изменились. Несмотря на господство патерналистских идей, исследователь отмечает, что «это ответ россиян на многолетний уход государства из социальной сферы, а не органичное следствие их представлений о социальной справедливости и роли в социальной политике» [41. С. 89].

Н. Е. Тихонова также справедливо замечает, что «однозначно доминируют в сознании россиян установки на приоритетность равенства

возможностей, а не равенства доходов и условий жизни» [41. С. 89–90]. Поэтому советская и скандинавская модели социального государства оказываются не близки более чем половине населения современной России.

Выводы данного исследования, на наш взгляд, крайне актуальны для определения приоритетов и ценностей современной социальной политики. Как пишет автор, «современное государство должно гарантировать социальные права граждан и защищать их от социальных рисков», так как «нельзя целиком переводить ответственность за благосостояние на плечи индивида» [41. С. 91].

Кроме того, Н. Е. Тихонова верно определяет, что «одна из главных задач социальной политики на современном этапе – создать трамплин для собственной ответственности», а «главной предпосылкой – должно становиться понимание того, что ответственность за риски и их последствия не может возлагаться на человека без предоставления ему рычагов и механизмов реализации этой ответственности, и, прежде всего, через возможности эффективной занятости, усвоение навыков поведения в условиях рыночной экономики» [41. С. 91].

В научной литературе также отражен целый ряд социальных и экономических аспектов исследований социальной политики государства, в том числе работа Н. С. Сергиенко, М. Т. Велиханова и С. А. Фатиевой посвящена рассмотрению теоретических основ реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в Российской Федерации [37. С. 105–115]. Безусловно, это один из важных аспектов деятельности социального государства. Авторы приходят к выводу, что «основной движущей силой в совершенствовании государственной политики в отмеченной сфере должны стать адресные меры поддержки, предоставляемые нуждающимся» [37. С. 114].

Действительно, государство уделяет все больше внимания адресной социальной поддержке населения. На наш взгляд, особенно это стало заметно в условиях пандемии COVID-19 и нарастания масштабных кризисных явлений в мировой экономике, которые не могли не отразиться на ситуации в России. Несмотря на ряд проблем в реализации различных мер поддержки, А. К. Кожумратова оценивает политику государства в этом направлении положительно, так как «своевременность, оперативность и релевантность предпринимаемых со стороны государства мер поддержки экономической сферы жизни общества позволили нивелировать негативное воздействие ограничений на экономическую стабильность граждан, бизнеса и государства в целом» [21. С. 53].

Е. А. Меньшикова все же находит некоторые недостатки в реализации социальной политики. По мнению автора, межведомственная разобщенность «становится барьером, не позволяющим целевым группам получить полный комплекс услуг, необходимых для решения их проблем», поэтому «требуется разработка межведомственных целевых программ, носящих комплексный характер и требующих объединения усилий различных ведомств» [27. С. 113].

Схожие проблемы существуют и на региональном уровне, к тому же многие российские субъекты являются дотационными. Вопрос об этом исследовали Е. Н. Захарова, И. В. Золотухина и М. В. Чистова, которые справедливо отмечали: «реализация грамотно выстроенной социальной политики имеет важнейшее, а зачастую и ключевое значение для развития бюджетно-дефицитных регионов, являясь не только инструментом решения наиболее острых текущих проблем, но и формируя основу для перехода социально-экономической системы региона в качественно новое состояние» [14. С. 61–62].

Еще одним актуальным аспектом деятельности социального государства и реализации социальной политики является проблема

самозанятости. В последние годы она становится актуальной и для нашей страны. Этот вопрос изучили О. Ю. Гончарова и Е. И. Кротова, которые пришли к вполне закономерному выводу: «активизация усилий государства по созданию условий для выхода из тени и успешного развития самозанятости, безусловно, заслуживает поддержки», а «мировой опыт свидетельствует, что у самозанятости большое будущее, и при условии своевременного внесения необходимых корректив удастся добиться реализации потенциала всего малого и среднего предпринимательства в нашей стране» [11. С. 68].

Завершая обзор работ российских исследователей по изучению приоритетов и ценностей социального государства, мы можем отметить следующее. Достаточно хорошо изучены конституционные основы социального государства, отражение его принципов в законодательстве, а также отдельные экономические и социальные аспекты данной проблематики. А вот реализация социальной политики, а также тематика ценностей и приоритетов в исследовательской литературе отражены фрагментарно и многие аспекты остаются до сих пор малоизученными. Поэтому мы продолжим системно анализировать реализацию идей социального государства, а также актуальные проблемы приоритетов и ценностей социальной политики в современной России, так как без изучения указанных проблем невозможно конструктивное развитие государства и общества в Российской Федерации.

§ 4.3. Историческая память как духовный ресурс консолидации общества и воспитания патриотизма

© Самойлова М. П.

Одной из главных целей современного отечественного высшего образования является гармоничное сочетание процесса приобретения

новых знаний с духовно-нравственным воспитанием и формированием в итоге в личности студента любви к своему Отечеству. Данная задача еще более актуализировалась с началом специальной военной операции российской армии на Украине. В настоящее время историческая память является объектом идеологического и информационного соперничества и борьбы в сфере политики и культуры. В современных условиях цивилизационного противоборства России и коллективного Запада историческая память становится важнейшей частью фундамента российской цивилизации, играет роль опоры в современном кризисном периоде развития нашей страны и других народов. Историческая память – социально обусловленное явление, поскольку общество задает определенные рамки для восприятия и оценки событий прошлого [34]. Значение исторической памяти в жизни общества можно проиллюстрировать высказыванием Ж. Ле Гоффа о том, что для групп и индивидов, которые правили или сейчас находятся у власти, контроль над памятью и забвением является главнейшей из забот [24. С. 54]. Таким образом, историческая память является объектом политики, борьбы за власть и контроля над обществом.

На протяжении длительного периода времени в высшем отечественном образовании, за исключением конца XX века, студенческая молодежь получала не только знания, но и патриотическое, духовно-нравственное воспитание, основанное на формировании осознанного уважения к своей истории и культуре. Студенты приобретали знания о героической борьбе нашего народа с иностранными захватчиками, агрессорами и грабителями, о достижениях нашей страны в научно-технических и гуманитарных отраслях знаний, о золотом и серебряном веке русской культуры и т.д. Этим задачам была подчинена учебная программа высшей школы, к ним происходит возвращение в наши дни.

Для становления и эффективного духовно-нравственного воспитания студентов необходимо широко использовать возможности учебного процесса, каждый преподаватель гуманитарных дисциплин имеет возможность успешно достраивать в ходе лекций, практических и семинарских занятий содержание, связанное с мировоззренческими позициями. Комментируя соответствующим образом содержательные позиции своей дисциплины, можно существенно влиять на духовно-нравственное состояние обучающихся, которым мы в свое время будем «передавать» нашу страну. Важную роль в этом процессе играет история и исторические дисциплины, вводящие содержание, связанное с историей Российского государства и Русской православной церкви. Также большую роль в формировании исторического сознания играют мероприятия по сохранению историко-культурного наследия. Однако процесс формирования патриотически настроенных граждан встречает определенные трудности.

Дело в том, что современные образовательные стандарты подготовки бакалавров как по гуманитарным, так и по техническим и естественно-научным направлениям предусматривают дисциплину «История», которая включает как историю России, так и всеобщую историю [33], при этом задача формирования патриотизма граждан в государственных интересах при наличии гуманитарных дисциплин в государственных стандартах высшего образования не стоит. Она не присутствует и в перечне универсальных компетенций, в которых предполагается лишь формирование способности воспринимать межкультурное многообразие общества в социально-историческом, этическом и философском аспектах (УК-5). Отсутствие цели патриотического воспитания в стандартах высшего образования закономерно, поскольку и Конституция РФ предусматривает деидеологизацию (Статья 13), а система высшего образования является составной частью общей государственной системы.

Сегодня, с учетом уровня поддержки российских властей населением, опасность неготовности системы образования воспитывать гражданина-патриота может казаться необоснованной, но ситуация в политической обстановке может изменяться быстро, и настроения в обществе – тоже. Поэтому целесообразно исключить саму возможность широкого распространения настроений, породивших украинский «майдан», необходимо ликвидировать их потенциальную базу. С этих позиций целесообразно продумать содержательное наполнение учебного процесса по гуманитарным дисциплинам, прежде всего – по истории.

В настоящее время остро стоит проблема опасности деидеологизированного образования, воспитывающего не патриотов, а потребителей, страна на каком-то этапе может столкнуться с теми же общественными настроениями, которые разрушили Украину и зажгли в ней пожар гражданской войны. Все это заставляет задуматься об идеологизации образования с целью формирования патриотизма граждан.

Решение этой проблемы лежит не только в сфере образования, но и в сфере политической. В Советском Союзе идеологией занимался специальный отдел КПСС, который обладал как партийно-идеологической, так и административной властью и контролировал весь процесс реализации идеологических установок. В современной России такой структуры нет, а политические силы, поддерживающие сегодня политику властей, достаточно разнородны. У каждой думской партии свое понимание патриотизма. Если мы хотим обеспечить патриотическое воспитание молодежи, мы должны на государственном уровне дать понимание патриотизма, сформулировать, каким мы видим патриота России. Это можно сделать, например, в процессе диалога властей с представителями идеологизированной, активной общественности, представляющей различные политические и общественные группы, церковь.

В настоящее время власти России в ситуации гибридной войны с США обратились к народному чувству патриотизма, всплеск которого до сих пор не спадает, но люди хотят понимать, патриотами чего они являются, какое государство они защищают, кого выращивают себе на смену.

В этих условиях функция исторического образования и формирования исторической памяти приобретает исключительную важность. Задачей образовательного процесса, как представляется, должно быть вооружение студенчества знаниями истории, чтобы в информационной войне молодежь была в состоянии грамотно оценить информационный поток с точки зрения российских интересов, проверить поступающую информацию собственными знаниями. Именно знания управляют информацией, если они есть, именно они могут обеспечить идеологическую и гражданскую устойчивость молодежи. Надо восстановить статус знания и каналы его трансляции. Это вопрос культуры и образования.

Цивилизационный метод, применяемый для учебных целей в Нижегородском государственном лингвистическом университете, дает возможность анализировать и сравнивать прошлое разных народов с точки зрения российского менталитета и российской позиции. Не так давно министр просвещения РФ выступил с предложением преподавать историю не с европоцентричных, а с россицентричных позиций. Это не означает, что не надо изучать историю Европы и других регионов мира, – это приведет только к невежеству. Следует европейскую историю переосмыслить через призму российской, надо не просто знать мировую и отечественную историю, а использовать ее как дидактический инструмент, мы и наша молодежь должны знать то, что для всех нас действительно важно.

Интерпретация исторических событий, явлений, феноменов в учебном процессе приобретает в этом смысле ключевое значение. При этом потенциал образов прошлого неравнозначен. Наиболее глубокий отпечаток в исторической памяти оставляют образы прошлого, сопряженные с масштабными, яркими, переломными событиями, кардинально повлиявшими на весь ход мировой истории. Историческая память о событиях, коснувшихся большинства членов общества и каждого индивида отдельно, как правило, сохраняется наиболее прочно. По этой причине наибольшим потенциалом для формирования патриотизма и гражданских качеств обладают образы войн, революций, масштабных катаклизмов, крупных катастроф и потрясений, великих побед и свершений.

История России и мира XX столетия содержит множество крупных, судьбоносных событий, которые изменили всю совокупность политических, социальных, культурных феноменов и процессов. Русско-японская война, первая русская революция, революция 1917 года, Гражданская война, Великая Отечественная и Вторая мировая война кардинально трансформировали жизнь нашей страны и потрясли весь мир. Перечисленные события так или иначе затронули жизнь каждого жителя нашей страны, изменили экономику, культуру, вызвали трансформацию социально-политической жизни. Эти события не только нашли отражение в огромном массиве разнообразных источников, но и в исторической памяти россиян, имеют большой потенциал в современной политической жизни. Например, в 1930-х годах произошло масштабное изменение в советской исторической науке и образовании вообще в отношении к истории власти и общества. Идея мировой революции была окончательно заменена на идею построения социалистического государства в отдельной стране, это сопровождалось масштабной идеологической кампанией.

Сталин готовился к войне и большое внимание уделял подготовке к ней исторического сознания населения. Для этого необходимо было формировать новую историческую идеологию через школьные и университетские учебники истории, поэтому историк М. Н. Покровский был заменен самим Сталиным [39. С. 185]. В 1934–1935 годах был запущен процесс пересмотра прошлого Российского государства, переоценки исторических событий, прошлого и взаимоотношений народов, вошедших в СССР. Прошлое России было представлено как череда блестящих побед, как процесс постоянной борьбы за них. Исторические герои, воплощавшие воинскую славу России, вернулись на киноэкраны. В 1938 году вышли фильмы «Александр Невский», «Петр I». В 1935 году было возобновлено празднование Нового года. Велика была роль Сталина в возрождении Русской православной церкви в 1943 году. Т.е. идеология существенно изменилась, став национально-патриотической.

В настоящее время, в ситуации беспрецедентных санкций и в условиях специальной военной операции президент РФ в октябре 2022 года поручил правительству создать новый учебник истории для учреждений общего образования. «Прежде всего нужно передать ребятам нравственный, культурный код нашего народа. Исключить любые попытки навязать детям чуждые ценности, извращенное толкование истории», – сказал Путин на встрече с лауреатами и финалистами всероссийского конкурса «Учитель года». Заявления президента об учебниках истории, созданных по единой концепции, вызвали бурную дискуссию в обществе. Рассуждая на эту тему, важно учитывать, что учебник, являющийся основой школьного или вузовского исторического образования, не просто должен быть результатом научного труда авторов, он играет важную социально-политическую и идеологическую роль, он должен быть фактором скрепления нации, фактором политического консенсуса в обществе. Данное обстоятельство, как представляется, не оценивается

должным образом в обществе. Учебник должен стать продуктом культуры всего общества, в учебнике должно быть отражено признанное всем обществом знание о прошлом, он должен базироваться на общем для всех социальных групп российского общества видении прошлого страны [50. Р. 77]. Это, в свою очередь, предполагает выработку общенационального консенсуса по наиболее спорным вопросам отечественной истории. Очевидно, что сегодня в российском обществе этот консенсус отсутствует, что ярко продемонстрировала дискуссия, развернувшаяся после оглашения президентской инициативы [15].

Однако опыт преподавания истории в странах Западной Европы и США показывает, что по всем ключевым моментам их истории западные учебники отличаются удивительным единомыслием. Образы прошлого всегда консолидировали общество, память о пережитом сообществом всегда была ядром идентичности группы. Этот компонент культуры немецкий социолог Я. Ассмен назвал культурной памятью [4]. Именно она формирует и воспроизводит групповую идентичность за счет постоянной коммуникации между членами общественной группы посредством культурных смыслов. Современный европейский учебник истории используется для конструирования новой общеевропейской идентичности. Аналогично поставлено преподавание истории по всему миру. Ярким примером использования учебника истории как инструмента сплочения нации является Израиль. Государство здесь с начала своего возникновения централизованно определяет содержание школьных учебников истории. Израильские учебники истории целиком выдержаны в националистическом духе и активно используются для воспроизводства еврейской нации [49].

В этой же логике был создан и первый советский учебник под редакцией А. В. Шестакова [23], основу которого составили идеи русского национального патриотизма, история СССР увязывалась со всей

предшествующей историей России. Учебник в простой и доходчивой форме показывал вековую борьбу русского народа с внешними и внутренними угрозами, учебник прекрасно обеспечивал сплочение народа на уровне массового сознания.

Таким образом, школьное массовое историческое образование везде имеет прикладное значение, оно везде базируется на канонизированном и мифологизированном видении национальной истории на основе официально закреплённого набора «мест памяти». Везде главная цель исторического образования – формирование коллективной памяти и национальной идентичности. В этом контексте вопрос о количестве учебников не важен, важно чтобы все они были написаны в одной концептуальной трактовке исторических событий, имеющих значение для воспроизводства исторической памяти.

§ 4.4. Уроки новой экономической политики и современность

© *Устинкин С. В., Никитин А. В.*

Политический опыт включает в себя обобщённые результаты, выводы, уроки, извлечённые из прошлой и настоящей практики политической деятельности различных субъектов политики, как внутри страны, так и на международной арене. Опыт положительный или отрицательный, эффективный или катастрофический – стимулирует поиск новых политических решений и ориентиров, форм методов политической и властной деятельности. С этой точки зрения опыт деятельности РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС по разработке и реализации НЭПа имеет большое международное значение.

Во-первых, резкая смена курса РКП(б) с политики «военного коммунизма» на НЭП спасла советскую власть от свержения

мелкобуржуазной стихией и тем самым способствовала расколу мира на две противоборствующие системы, трансформации международных отношений.

Во-вторых, опыт НЭП оказал большое влияние на КПК и китайскую модель строительства социализма. К концу 1976 г. (смерть Мао) Китай оказался в состоянии глубокого экономического и социально-политического кризиса, причиной которого стала волюнтаристская политика «большого скачка» и «культурная революция». КПК во главе с Дэн Сяопином стала осуществлять курс «четырех модернизаций», который преследовал цель преобразования в четырех областях: сельском хозяйстве, промышленности, армии, науке и технике. Политика «четырех модернизаций» отражала материальное содержание реформы. Суть идейно-политической линии представляли четыре основных принципа: социалистический путь развития, демократическая диктатура народа, руководство компартии, сочетание марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна [13].

На 3-ем пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва, состоявшегося 18–22 декабря 1978 г. по инициативе Дэн Сяопина, было принято историческое решение – отказаться от теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» и «политической установки на ведение классовой борьбы» как главной задачи, а центр тяжести перенести на осуществление модернизации. В соответствии с этими установками была объявлена и утверждена новая политика «реформ и открытости», которая должна была включить КНР в процесс глобализации экономики, активно привлекать зарубежные капиталы, использовать достижения науки и техники, повысить мировую конкурентоспособность Китая.

Процесс реформ был охарактеризован Дэн Сяопином как «вторая революция» после 1949 г., революционное обновление социализма на его собственной основе путем самосовершенствования [12].

И хотя Дэн Сяопин заявлял, что КПК отказывается от догматического следования принятым в СССР канонам социалистического строительства и ведет поиск собственной модели строительства социализма с китайской спецификой, на деле она представляла собой копирование отдельных технологий НЭПа, венгерского и югославского опыта сочетания планового и рыночного хозяйства, функционирования экономики смешанного типа:

- повышение закупочных цен на продукцию сельского хозяйства; разрешение деятельности «индивидуальных дворовых предприятий» с числом рабочих не более семи;
- создание особых экономических районов;
- привлечение иностранного капитала и создание смешанных предприятий;
- при строгом контроле и регулировании со стороны государства.

Работы теоретика НЭПа Н. И. Бухарина в 1979–1981 гг. были переведены на китайский язык и широко обсуждались специалистами по всему Китаю. На основе этих работ и сочинений Конфуция и Сунь Ятсена была сформирована концепция «начального этапа социализма». Было объявлено, что после левых экспериментов Мао Цзэдуна Китай «вынужден сделать шаг назад» и вернуться к тому, с чего начали. Причем в полном соответствии с концепцией Бухарина предполагалось, что начальный этап строительства социализма займет длительный период. В дальнейшем концепция «начального этапа социализма» сменилась понятием социализма с китайской спецификой. Позитивные итоги реформирования народного хозяйства КПК общеизвестны [1].

В-третьих, горбачевские реформы, которые многие публицисты называли новым НЭПом, вошедшие в историографию как «политика перестройки», первоначально осуществлявшаяся под флагом «нового мышления», ускорения, гласности, т.е. совершенствования социализма,

демократизации партии и политической системы страны, ускорения научно-технического прогресса, завершались, в силу целого ряда объективных и субъективных факторов, глубочайшим кризисом, охватившим все сферы общественной жизни СССР, и закончились распадом Советского государства. Анализ причин, приведших к этой глобальной геополитической катастрофе, осмысление негативного опыта реформирования значительной части социалистической системы дают возможность не повторять совершенных ошибок в сегодняшней политической практике РФ.

Главными факторами провала горбачевских реформ стало: предательство генеральным секретарем ЦК КПСС геополитических интересов СССР; кризис советской идеологии, выразившийся в догматизме и отказе от творческого развития теории социализма; разложение КПСС; перерождение и переход на либеральные позиции значительной части партийно-советской, хозяйственной и комсомольской номенклатуры; эгоизм и западная ориентация многих деятелей культуры и искусства; дезориентация патриотических сил, приведшие к потере управляемости страной и сдаче власти прозападным агентам влияния.

Итак, каковы же были причины введения НЭПа? Каковы главные структурные элементы этой политики? И какие уроки можно извлечь из опыта проведения вышеуказанных преобразований?

Переход от политики «военного коммунизма» к НЭПу носил вынужденный характер. Продразверстка, запрет на торговлю, изъятие у крестьян всех излишков продукции нарушили нормальные экономические связи промышленности с сельским хозяйством. Военный коммунизм был попыткой сокрушить капитализм в городе и деревне лобовой атакой, осуществить переход к социализму кратчайшим путем. Ленинский анализ военного коммунизма включал как его положительную оценку – как политики мобилизации народного хозяйства для обороны

страны, так и критический разбор ошибочных представлений о путях перехода к социализму.

Надо сказать, что Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, как и другие большевики, до X съезда РКП(б) разделяли общие взгляды партии на военный коммунизм как на единственно возможную и в будущем экономическую политику пролетарского государства.

Так, Н. И. Бухарин в книге «Экономика переходного периода» (1920) восхвалял пролетарское принуждение как основной метод строительства социализма [8]. Экономика переходного периода и социальная система хозяйства не знают объективных закономерностей, они развиваются по усмотрению пролетарского государства, – считал он. После победы социалистической революции якобы отпадает необходимость изучения экономических закономерностей развития общества, а потому отмирает и политэкономия.

Н. И. Бухарин обосновывал теорию «внеэкономического принуждения» в области хозяйственной политики. Между тем ряд объективных факторов заставил пересматривать теорию и изменить политику РКП(б). Назовем некоторые из них:

- экономический кризис;
- продовольственный, топливный кризис, разруха, паралич транспортной системы, голод;
- социальный кризис – распыление и деклассирование рабочего класса, основы диктатуры пролетариата;
- политический кризис (недовольство крестьян продразверсткой, угроза союзу рабочих и крестьян, усиление колебаний крестьянства от пролетариата к буржуазии);
- мелкобуржуазная контрреволюция (мятежи крестьян в Сибири, Тамбовской, Саратовской, Воронежской губерниях);

– демобилизация армии – продолжение войны, только в новой форме [25. С. 10]. В. И. Ленин писал: «Когда десятки и сотни тысяч демобилизованных не могут приложить своего труда, возвращаются обнищавшие и разоренные, привыкшие заниматься войной и чуть ли не смотрящие на нее как на единственное ремесло, – мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, новый вид ее, которые можно объединить одним словом: бандитизм» [25. С. 10];

– мятеж в Кронштадте – восстание моряков 28 февраля 1921 г., 80% которых происходили из крестьян;

– оживление партий эсеров и меньшевиков, создавших Союз трудового крестьянства, находящийся под их влиянием;

– выдвижение эсеровских политических лозунгов: «Советы без коммунистов!», «Свобода торговли!», «Свобода действий левых партий!».

В. И. Ленин, обобщая сложившуюся обстановку, резюмирует: «Экономика весны 1921 г. превратилась в политику: Кронштадт» [25. С. 387]. И делает вывод: «Крестьянская – мелкобуржуазная контрреволюция опаснее для Советской власти, чем Деникин и Колчак вместе взятые, ... такая контрреволюция стоит уже против нас» [25. С. 383].

Сущность НЭПа он определял следующим образом: военно-политическая форма союза рабочих и крестьян, военный коммунизм исчерпали себя. Задача – закрепить союз рабочего класса и крестьянства на экономической основе, через торговлю, т.е. рынок.

Такая политика, доказывал В. И. Ленин, будет иметь огромное значение: «10–20 лет правильных соотношений с крестьянством и победа обеспечена во всемирном масштабе. Иначе 20–40 лет мучений белогвардейского террора» [25. С. 382]. Он утверждал, что само крестьянство к социализму не придет. Нужна руководящая роль РКП(б); экономическая модернизация; индустриализация; кооперация; а также правильная национальная политика [25. С. 228].

Подводя итоги дискуссии о путях строительства социализма в РСФСР, Ленин заключал: «... можно ли допустить свободу оборота в стране, не подрывая этим диктатуру пролетариата? Можно. Вопрос в мере». К политической власти РКП(б) нужно добавить экономическую власть – доказывал он [25. С. 62–63]. Таким образом, в ходе реализации НЭПа РКП(б) были определены пути строительства социалистического общества общие для всех стран, вставших на путь некапиталистического развития – утверждала советская историография. И опыт строительства социализма в Югославии, Китае по большому счету подтверждают этот вывод.

НЭП с точки зрения стратегии и тактики коммунистической партии – временное отступление, цель которого – экономический союз рабочих и крестьян. Это уступка крестьянству, мелким товаропроизводителям [26. С. 370]. Использование рынка, торговли и денег для строительства социализма [25. С. 398].

Социалистическими методами хозяйствования В. И. Ленин считал:

- режим экономии;
- хозяйственный расчет (личный интерес, личная заинтересованность);
- контроль за деятельностью предприятий;
- материальное стимулирование трудящихся [26. С. 225].

А сущностью НЭПа – максимальный подъем производительных сил и улучшения положения рабочих и крестьян [25. С. 398].

Почему же такая эффективная политика была свёрнута?

Логика НЭПовского реформирования требовала либерализации советской политической системы, отказа ВКП(б) от политических репрессий, т.е. политики гражданского мира, допуска к легальной политической деятельности «революционной демократии» – социалистических партий эсеров и меньшевиков, т.е. восстановления

многопартийности, плюрализма советской идеологии в рамках социалистического выбора. Однако в ходе внутрипартийной борьбы внутри ВКП(б) восторжествовали силы, сделавшие другой выбор и свернувшие НЭП. При этом И. В. Сталин и его сторонники руководствовались соображениями, хорошо известными и отраженными в отечественной историографии:

- усиление противоречий между политикой и экономикой; частный сектор и зажиточные крестьяне стремились влиять на политику для выражения и защиты своих интересов. Такая ситуация стимулировала внутрипартийную борьбу в РКП(б), ибо часть новых членов партии и разорившихся в ходе НЭПа крестьян и рабочих НЭП перестал устраивать. НЭПманы не могли занять устойчивое положение в реформируемом обществе;

- нарастали противоречия между административными и рыночными методами управления экономикой;

- ограничение участия частного капитала в экономике не давало возможности использовать его для индустриализации;

- к 1926 г. усилилось социальное расслоение;

- кризисы хлебозаготовок 1923, 1925 и 1927 годов показали неэквивалентность товарообмена между городом и деревней;

- усилилось недовольство рабочих ростом безработицы;

- обострились внутренние разногласия в РКП(б) о путях развития СССР и по вопросам политического лидерства;

- началось формирование культа личности и тоталитарного режима;

- в РКП(б) была сильна боязнь возрождения капитализма и перерождения советской власти;

- на международной арене произошла частичная стабилизация капитализма, что означало необходимость ускорения развития СССР;

– нарастала угроза новой войны и интервенции, возможность экономического отставания от Запада.

Таким образом, содержание НЭПа не оставалось неизменным. Концепция трансформировалась и совершенствовалась, отражала все изменения во внутренней и внешней политике РКП(б). Неизменной оставалась установка на экономический союз рабочих и крестьян, на использование экономических методов строительства социализма. Юридически новая экономическая политика была свернута 11 октября 1931 года, после принятия советским правительством постановления о полном запрете частной торговли в СССР. Сталинская конституция 1936 г. провозгласила полное построение социализма в СССР.

Что же касается негативного опыта перестройки, то он подтвердил: возрастание субъективного фактора в истории, роль и значение политических лидеров, элит, групп интересов, партий; дискретный характер общественного прогресса, со всеми его противоречиями, кризисами, социально-политическими и духовно-нравственными катастрофами, отступлениями назад ниже от исходной точки.

§ 4.5. «Варяг» не сработал: об использовании художественного произведения в предвыборной борьбе

*© Немцова О. А., Никитин А. В.,
Пахомова Е. А., Устинкин С. В.,
Фоменков А. А.*

На рубеже XX–XXI веков в Российской Федерации в условиях острой конкурентной среды политтехнологами применялись различные технологии, которые по задумке их авторов должны были содействовать победе на выборах. В полной мере это касалось и выборов мэров крупных городов [9. С. 206; 42. С. 71; 43. С. 70].

Весьма показательными в этом плане были выборы мэра Нижнего Новгорода, проходившие в 2002 году. Во-первых, выборы главы этого города традиционно имели привкус скандальности [31. С. 250; 35. С. 65; 40. С. 225]. Во-вторых, квалификация политтехнологов к этому времени стала весьма высокой. В-третьих, политтехнологии к этому времени играли куда большую роль на выборах по сравнению с идеологией и т.п. [18. С. 61; 36. С. 52; 44. С. 257].

Одним из претендентов на пост мэра Нижнего Новгорода в 2002 году являлся Юрий Петрович Сентюрин, на тот момент являвшийся заместителем губернатора Нижегородской области, а позднее ставший депутатом Государственной думы, заместителем министра образования и науки РФ, а также генеральным секретарем Форума стран – экспортеров газа.

Для повышения узнаваемости данного кандидата на пост мэра Нижнего Новгорода, а также для создания его позитивного имиджа была написана художественная книга (в целом такие действия были редкими в отечественных выборных реалиях, пожалуй, даже чаще были факты участия литераторов в выборах и даже связанные с этим ограничения на продажи их книг [5]). Стиль последней может быть охарактеризован как «бондиана». «В произведениях Флеминга мы видим не изображение каких-либо реальных людей, а их представителей в обобщенных художественных образах» [20. С. 254]. Полковник Сетюрин, главный герой книги «Варяг» (именно таков был его позывной в данном произведении), представлен суперменом, который не только не уступает знаменитому агенту 007, но, судя по всему, даже превосходит такового по некоторым параметрам.

Важно отметить, что полковник Сетюрин в «Варяге» неизменно оказывался вовлечённым в события, которые вызывали эмоции – зачастую отрицательные – у электората, имеющего государственнические убеждения. Подчеркнём в данном случае, что «государственнические» не

является синонимом «коммунистические». В частности, участие в войне в Афганистане [2. С. 63–70], встреча с Дудаевым и его избивание [2. С. 127–130], противодействие иностранцам, активно вмешивавшимся в вооружённый конфликт на территории Чечни [2. С. 156–160] и даже попытка воспрепятствовать скандалу в штабе Б. Н. Ельцина в 1996 году (главными действующими лицами такового были А. Б. Чубайс и С. Ф. Лисовский [2. С. 186–187]). Во всех этих ситуациях полковник Сетюрин вёл себя так, как должен был вести некий идеальный патриот, которого активно воспевали в 1990-х годах со страниц газеты «Завтра» и журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия» [19. С. 139].

Отдельного внимания заслуживают те фрагменты книги, где Сетюрин действует вместе с другим разведчиком по фамилии Путилин. Причастность последнего к ГРУ, а не к ФСБ не должна была вызывать сомнение у читателей в том, что речь шла о действующем президенте РФ В. В. Путине (в 2002 году он также занимал этот пост). Судить о том, кто в этой связке был большим «Бондом», довольно сложно. Впрочем, нельзя не упомянуть, что в начале 2000-х годов технология «Путин с нами (нашим кандидатом и т.п.)» являлась весьма эффективной на выборах самого разного уровня. Иначе говоря, обращение за виртуальным содействием к образу действующего президента не являлось ни ноу-хау избирательного штаба Ю. П. Сентюринина, ни чем-то из ряда вон выходящим.

Отдельного упоминания заслуживали и противники полковника Сетюрина, который баллотировался в мэры Нижнего Новгорода (разумеется, это делалось по личному указанию главы государства!). Не узнать среди упомянутых – пусть и мельком – персонажей книги претендовавших на пост мэра Нижнего Новгорода Ю. И. Лебедева (в книге Сидор Гусаков), А. А. Климентьева (в «Варяге» упомянут как А. Климов), М. В. Дикина (М. Дикарев) и В. Е. Булавинова (В. Булавкин) было крайне проблематично. Всем вышеуказанным героям давались уничижительные

характеристики, позволяющие со всей уверенностью говорить о тотальном превосходстве полковника Сетюрина над ними.

Негативно автор написала также и о двух олигархах, чьи фамилии по «чистой случайности» были схожи с такими знаковыми для России рубежа 1990-х–2000-х годов, как Березовский и Гусинский. Отдельной порции критики удостоился и имевший существенное влияние в Нижнем Новгороде начале 2000-х годов Керенко, с чьим именем был связан дефолт – сомнения в том, что это был «намёк» на С. В. Кириенко, вряд ли могут иметь под собой почву. Упомянем в этой связи, что отношение к последнему в среде российских державников два десятилетия назад было весьма прохладным.

Итогом же книги «Варяг» стало избрание – причём в первом туре – мэром Нижнего Новгорода кандидата Сетюрина. Собственно, ради этого события (разумеется, в реальности, а не в рамках книги!) псевдобондиана «Варяг» и была написана.

Реальность оказалась иной: за две с небольшим недели до выборов кандидат Ю. П. Сентюрин снял свою кандидатуру и призвал своих сторонников отдать свои голоса В. Е. Булавинову (точно так же поступил и М. В. Дикин). В конечном итоге это позволило победить именно тому кандидату, который имел поддержку федерального центра [7. С. 90].

В общем и целом на основе опыта Ю. П. Сетюрина и книги «Варяг» можно сделать несколько выводов. Во-первых, использование литературного произведения в качестве предвыборной технологии нельзя рассматривать как однозначно эффективное. Во-вторых, качество такого рода книг с литературной точки зрения является сомнительным. В-третьих, в настоящее время использование такой предвыборной технологии вряд ли возможно как по причине снижения интереса к чтению художественной литературы у населения России, так и в силу низкого уровня политической конкуренции [17. С. 16].

Литература

1. Абилекова Г. К. КНР в эпоху реформ Дэн Сяопина // Вестник Казахского национального университета. Серия востоковедения. 2012. № 1 (58). С. 9–13.
2. Андреева М. В. Варяг. Повесть. Н. Новгород: Изд-во «Риком», 2002. 224 с.
3. Арбузов С. Ю. Равенство как один из конституционных принципов социального государства в Российской Федерации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 1. С. 112–114.
4. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. Банько Е. На период предвыборной кампании из магазинов изымут книги Захара Прилепина // Панорама. 11 июля 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://panorama.pub/news/na-period-predvybornoj-kampanii-iz-magazinov-izymut-knigi-zaxara-prilepina> (дата обращения: 05.11.2022).
6. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Издательство «Лань», 2011. 224 с.
7. Борисов С. В., Дахин А. В., Макарычев А. С. Без победителя: Выборы мэра Нижнего Новгорода // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 83–94.
8. Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М.: Гос. изд-во, 1920. 157 с. (Труды Социалистической академии общественных наук).
9. Васильева С. В. Избирательные технологии как постоянно развивающийся инструмент предвыборных кампаний: Правовые и этические аспекты регулирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 9. С. 204–211.
10. Габитова Р. М. Человек и общество в немецком экзистенциализме. М.: Наука, 1972. 222 с.
11. Гончарова О. Ю., Кротова Е. И. Развитие самозанятости как фактор реализации социально-экономической политики в России // Государственное и муниципальное управление. 2021. № 3. С. 64–69.
12. Делюсин Л. П. Китай в поисках путей развития. М.: Изд-во «Муравей», 2004. 444 с.
13. Дэн Сяопин: строительство социализма с китайской спецификой. М.: Наука, 1997. 364 с.
14. Захарова Е. Н., Золотухина И. В., Чистова М. В. Проблемы реализации социальной политики в бюджетно-дотационных регионах // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 5 (55). С. 57–62.
15. Заявление КГИ об общенациональном учебнике истории // Эхо Москвы. 28 марта 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/a_kudrin/1041256-echo/ (дата обращения: 13.10.2022).

16. История философии: Запад – Россия – Восток (книга четвертая: Философия XX в.) / Под ред. Н. В. Мотрошиловой и А. М. Руткевича. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2000. 448 с.
17. Казаков М. А., Балужева И. В. Анализ практик местного самоуправления в рамках современной региональной политики // Регионоведение. 2017. Т. 25. № 1 (98). С. 6–22.
18. Калачев А. П., Лобанова Ю. О. Эффективность участия политических партий в выборах мэров Нижнего Новгорода в 1990-х – начале 2000-х годов // Государственная региональная политика в сфере местного самоуправления: Сборник научных трудов межрегиональной научно-практической конференции. Н. Новгород: «Нижегородский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования “Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации”», 2021. С. 59–62.
19. Кизьякова А. М. Общее и частное в деятельности газеты «Завтра» в 90-е годы и в наши дни // Язык. Культура. Личность. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых / Отв. ред. Т. Е. Баженова. Вып. 6. Самара: СГСПУ, 2020. С. 137–143.
20. Ключникова О. В. «Бондиана» как система художественных миров // Инновационные идеи молодых исследователей: Сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Уфа: Научно-издательский центр «Вестник науки», 2020. С. 252–257.
21. Кожумратова А. К. Реализация государственной политики в экономической и социальной сферах в условиях пандемии COVID-19 // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 2. С. 45–55.
22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 21.07.2022).
23. Краткий курс истории СССР. Учебник для 3 и 4 классов / Под ред. проф. А. В. Шестакова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937. 235 с.
24. Ле Гофф Ж. История и память. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с.
25. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Москва: Госполитиздат, 1958–1965. т. 43.
26. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Москва: Госполитиздат, 1958–1965. т. 45.
27. Меньшикова Е. А. Реализация политики социального развития на основе взаимодействия органов государственной власти // Ученые заметки ТОГУ. 2022. Т. 13. № 2. С. 108–113 [Электронный ресурс]. URL: https://ejournal.pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2022/TGU_13_42_1.pdf (дата обращения: 21.07.2022).
28. Мозгунова Е. А. Концептуальные основы социального государства и особенности реализации социальной политики в современной России // 20-летие

Конституции Российской Федерации: основные направления развития Российского государства и формирования гражданского общества: сб. научных статей / Отв. ред. С. А. Тихонина. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014. С. 123–127.

29. Нелюбин А. А. Проблема формирования социального государства в России: политико-социологический аспект // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 444–462.

30. Пахарь Л. И. К вопросу о российской модели социального государства // «Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)». 2015. № 2 (03) [Электронный ресурс]. URL: http://filos.univ-orel.ru/_media/issue/3/paxar_k_voprosu_o_suschnosti_socialnogo_gosudarstva.pdf (дата обращения: 21.07.2022).

31. Пахомова Е. А., Рыбкина О. С., Рзаев Э. Э. От назначения к «двухглавой» системе через выборы: Эволюция института мэрства в Нижнем Новгороде в 1990–2000 годах // Современный город: власть, управление, экономика. 2021. Т. 1. С. 248–254.

32. Подорога В. А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. М.: Наука, 1993. 319 с.

33. Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24/89> (дата обращения: 13.10.2022).

34. Романовская Е. В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 39–46.

35. Рыбкина О. С., Фоменков А. А. Управление городом: Избрание, назначение и эффективность (На материалах Нижнего Новгорода) // Российская государственность в пространственном измерении: опыт, стратегии, перспективы развития. Материалы VIII научно-практической конференции по исследованию российской государственности: Сборник трудов / Под ред. Р. В. Евстифеева. М.: РАНХиГС, 2020. С. 63–67.

36. Сергеева В. А. Современные политические идеологии в региональном избирательном процессе Нижегородской области (1997–2004 г.г.): Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Н. Новгород, 2005. 173 с.

37. Сергиенко Н. С., Велиханов М. Т., Фатиева С. А. Теоретические основы реализации государственной политики в сфере труда и социальной защиты в Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 1. С. 108–115.

38. Сидоров И. Н. К. Ясперс: предэкзистенциализм и экзистенциализм // История современной зарубежной философии: компаративистский подход / А. С. Колесников, М. Я. Корнеев, Б. В. Марков и др; Отв. ред. М. Я. Корнеев; Предисл. Ю. А. Сандулова. СПб.: ЛАНЬ, 2009. 478 с.

39. Сталин И. В. Историческая идеология в СССР в 1920–50-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1920–30-е годы / Сост. М. В. Зеленов. СПб.: Наука-Питер, 2006. 496 с.

40. Стрелков Д. Г. Политический рейтинг и социологический анализ массовых политических настроений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2002. № 1 (2). С. 223–233.
41. Тихонова Н. Е. Приоритеты социальной политики государства в оценках и представлениях россиян // Управленческое консультирование. 2006. № 3 (23). С. 78–91.
42. Тихонова У. С. Особенности современных предвыборных кампаний // Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. 2011. № 3 (4). С. 71–72.
43. Устинкин С. В., Полякова Ю. С. Властная элита в региональном политическом процессе: Учебное пособие. Н. Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. 239 с.
44. Фортунатов А. Н. О некоторых особенностях «телевизионного мышления» в обществе информационного потребления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 256–258.
45. Ясперс К. Введение в философию / Пер. с нем. под ред. А. А. Михайлова. Минск: Пропилеи, 2000. 192 с.
46. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Республика, 1994. 527 с.
47. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Республика, 1994. 527 с.
48. Ясперс К. Собрание сочинений по психопатологии в 2 т. Т. 1. М.: Издательский центр «Академия»; СПб.: «Белый кролик», 2006. 352 с.
49. Durante L. History Textbooks as an Instrument of the Nation-building Process. The Case of Israel. URL: http://www.academia.edu/3206873/History_Textbooks_as_an_Instrument_of_the_Nation-Building_Process_the_Case_of_Israel (дата обращения: 13.10.2022).
50. Stray Ch. «Quia nominor leo»: vers une sociologie historique du manuel // Histoire de l'éducation. 1993. N 58. P. 71–102.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Багаева О. Н., доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и туризма Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *olga_bagaeva1@yahoo.com*

Бондырева С. К., доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, почетный президент Московского психолого-социального университета; *mpsu@mpsu.ru*

Вилкова С. М., доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; *vilкова@imoti.unn.ru*

Гурина Е. П., старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана; *bestengteacher@yandex.ru*

Евдокимов А. В., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии, истории и теории социальной коммуникации Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *Artemius2014@yandex.ru*

Калачева Д. С., студентка Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *darina.naturalvlog@gmail.com*

Лагунова И. С., старший преподаватель кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *i.s.lagunova@yandex.ru*

Лебеядцев И. М., учитель православной гимназии им. Серафима Саровского (г. Дзержинск); *leb1000.mm@yandex.ru*

Лукашенко Е. С., доцент кафедры иностранных языков Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *lena0512@mail.ru*

Можеровцева А. Д., магистрант кафедры Древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Мозгунова Е. А., доцент кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления Российской академии народного

хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат политических наук; *mozgunova-ea@ranepa.ru*

Немцова О. А., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; *nemtsova@inbox.ru*

Никитин А. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации Высшей школы социальных наук, старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *kirill-lena@mail.ru*

Пахомова Е. А., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-правовых наук Волжского государственного университета водного транспорта; *pahomova-e@inbox.ru*

Романов А. А., ассистент кафедры теологии Тульского государственного университета, иерей, заведующий кафедрой Церковно-практических дисциплин Тульской духовной семинарии; *arnobius@rambler.ru*

Савруцкая Е. П., доктор философских наук, почетный профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *savrutsk@mail.ru*

Самойлова М. П., кандидат исторических наук, доцент, директор научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет Приволжского федерального округа» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *marysom@mail.ru*

Сенюткина О. Н., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации Высшей школы социальных наук, начальник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Историческая компаративистика, регионоведение и развитие восточно-азиатских территорий» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *senutkina@mail.ru*

Серухина О. Е., директор православной гимназии им. Серафима Саровского (г. Дзержинск); *gymnaziya@dzr@mail.ru*

Сивкина Н. Ю., доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и классических языков Института международных

отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;

natalia-sivkina@yandex.ru

Солнцев Н. И., доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет Приволжского федерального округа» при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова;

sochin@bk.ru

Сухова Ж. М., аспирант кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *zhanna-suhova@mail.ru*

Устинкин С. В., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Высшей школы международных отношений и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, начальник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *sv.ustinkin@gmail.com*

Фоменков А. А., доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; *artjom2310@inbox.ru*

АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ МОНОГРАФИИ

Глава 1. Педагогические практики сохранения и трансляции традиционных ценностей

§ 1.1. Духовно-нравственное состояние русского народа в период 1917–1921 гг. на примере Нижегородской епархии

Параграф посвящен исследованию влияния революционных событий в России начала XX века на нравственное состояние населения Нижегородской епархии. На примере архивного материала показывается, как агрессивным противостоянием Русской православной церкви революция спровоцировала процессы, вызвавшие деградацию нравственности, разрушение иерархии ценностей в народном сознании. Последствия этих событий имеют место и в современном российском обществе.

§ 1.2. Интерактивные методы обучения работе с визуальным историческим источником

В разделе рассматриваются методы интерактивного обучения в вузе, применяющиеся при обучении работе с визуальным историческим источником. Показаны особенности их применения, разнообразие формируемых ими компетенций, как узкоспециальных, так и личностных, а также их эффективность в формировании у студентов представлений о широких возможностях работы с источником при использовании междисциплинарных подходов.

§ 1.3. Педагогическое наследие Е. А. Авдеенко и православное образование в современной России

В авторском тексте рассматривается творчество выдающегося педагога современности Е. А. Авдеенко. Приводится классификация его работ. Делается вывод, что его наследие является актуальным в условиях поиска морально-нравственных ориентиров в современном образовании.

§ 1.4. Взгляды В. В. Зеньковского на воспитание и самопознание христианина в контексте православной педагогики и антропологии

В данном исследовании автор обращается к теме воспитания и самопознания православного христианина в трудах мыслителя, психолога, теоретика русской педагогики послереволюционного периода Василия Васильевича Зеньковского и сопоставляет их с богатейшим наследием духовного опыта православной церкви.

§ 1.5. Социализация студента в пространстве вуза

В публикуемом параграфе обсуждается вопрос об актуализации процесса социализации молодежи в современной сложной ситуации развития общества. Ставится вопрос о значимых возможностях и необходимости проведения специально организуемых мероприятий в вузах, обеспечивающих углубление и направленность этого процесса.

§ 1.6. К вопросу о новых подходах к преподаванию религиоведческих дисциплин в высшей школе

В авторском тексте поднимается вопрос о месте дисциплины «Религиоведение» в системе современного гуманитарного образования студентов высших учебных заведений. Проводится анализ образовательных программ и учебных пособий по дисциплине. Рассматриваются пути актуализации преподавания предмета «Религиоведение» в условиях сегодняшних религиозно-культурных норм.

Глава 2: Гуманизм, культура, язык в современном мире

§ 2.1. Вопросы взаимного влияния языковых моделей и нравственных норм в повседневной реальности

В представленном тексте рассматриваются проблемы влияния языка и речевой культуры на нравственные нормы, определяющие направленность ценностного сознания и мотивы поведения людей. В рамках философско-лингвистического подхода авторами доказывается, что факты и явления человеческой истории, закрепленные в языке, открывают смыслы, которые изменяются под влиянием изменений мира, оказывая тем самым формирующее воздействие на нравственный мир человека.

§ 2.2. Роль иностранного языка в формировании парадигмы профессионально-личностного развития

Параграф посвящен рассмотрению роли иностранного языка в современном образовательном процессе. Подчеркивается, что в настоящее время изучение иностранного языка имеет важное значение для всестороннего развития личности обучающегося, формирования системы ценностей, отвечающей потребностям современного общества. Показано также, что знание иностранного языка является неотъемлемым компонентом общей профессиональной подготовки будущих выпускников.

§ 2.3. Трансгуманизм как путь к обществу без человека: социально-философский анализ

В представленном тексте параграфа рассматриваются понятие «трансгуманизма» как философии дальнейшего развития общества, в котором человеческая природа должна быть улучшена посредством методов научно-технического прогресса. После краткой характеристики генеалогии философии трансгуманизма, мотивов трансгуманистического движения, обзора предлагаемых технологических «усовершенствований» человека, предпринимается попытка проанализировать обозначенное направление развития общества на предмет утрачивания в нем содержания его базового, первичного социального субъекта – человека. В работе освещается кардинальное изменение отношений между людьми в связи с изменением чувственного восприятия человеком окружающего мира под влиянием технологий. В частности, авторы отмечают, что технологическое вмешательство в природу человека непредсказуемо и неотвратимо влечет изменение его чувственно-интуитивного восприятия мира, его души, поскольку все структуры организации человека (и материальная, и духовная) взаимосвязаны и взаимообусловлены. Соответственно, вмешиваясь в биологическую, материальную организацию человека, его интеллект, наука и техника меняют и душу человека. В свою очередь, такие трансформации в человеке влекут построение новых, непредсказуемых социальных отношений, в основе которых, вероятно, будут лежать отнюдь не принципы любви, заботы людей друг о друге, гуманизма в целом.

В ходе исследования используются формально-логический, исторический, диалектический и другие методы научного исследования.

В результате исследования авторы приходят к заключению о том, что смысл социального развития, в том числе научно-технического прогресса, – в увеличении способности человека раскрывать свой природный потенциал, многогранно познавать (чувственно-интуитивно и рационально) законы устройства этого мира. Соответственно, подходы к управлению научно-техническим прогрессом, выбору его направлений должны быть существенно пересмотрены. Попытки вмешательства в природу человека – существующие и активно продолжающиеся – ставят под угрозу не только социальное развитие, но существование человека и человеческого общества в принципе.

Глава 3. Разнообразие культур народов России и мира: прошлое и настоящее

§ 3.1. Александр Невский и проблема национальной идентичности и деколонизации России

В параграфе рассматривается влияние Александра Невского на национальную и культурную идентичность, на процесс деколонизации России. Они соотносятся с сохранением и распространением православия.

§ 3.2. Способы популяризации народного искусства среди молодёжи и сохранения культурной самобытности народов России

В параграфе описаны способы популяризации народного искусства и сохранения культурной самобытности народов и этнических общностей России.

§ 3.3. Влияние меняющихся условий советской действительности на отечественную историографию новой экономической политики (НЭП)

Цель параграфа – выявить, как на историографию вопроса о НЭПе влияла быстро меняющаяся в стране объективная обстановка. Автор на основе изученной историографии отвечает на вопрос, можно ли говорить о воздействии этой политики на дальнейшее развитие советского, а также постсоветского общества и даже мирового сообщества.

§ 3.4. Формирование ценности образования на примере культурного наследия птолемеевского Египта

Формирование основных ценностей современного образования, по мнению авторов, следует начинать с положительного отношения к образовательному процессу. В преподавании всемирной истории акцент следует делать на роль науки и уровень образованности общества, которые оказывают влияние на менталитет народа. Культурное наследие птолемеевского Египта является прекрасным примером для осознания ценности образования и его влияния на историю государства.

Глава 4. Социально-политические и духовные проблемы современного общества и пути их решения

§ 4.1. Ценность общности, единения людей как основа построения «людского совместного мира» (на материалах трудов Н. А. Бердяева и К. Ясперса)

С середины XX века в мире происходят процессы, которые коррелируют с понятиями идентичности и характеризуются стремлением народов, наций сохранить самобытность, подчеркнуть особенности социально-психологического склада. Целостность культуры – важное явление, субстанция человеческой жизни, общества в целом, которое включает в себя инструменты регулятивов, ценностей. Проблема

социальной солидарности, понимания важности общинности, единения привлекает всё большее внимание исследователей различных наук об обществе. Проблема интеграции, консолидации общества приобретает в последнее время особенное значение. Возвращение солидарности в реестр актуальных вопросов социальной мысли обусловлено преимущественно вызовами современности.

§ 4.2. Ценности и приоритеты социального государства: обзор исследований современных российских ученых

В параграфе исследуются понятие и сущность социального государства исходя из анализа научных публикаций по обозначенной теме. Выделяются актуальные ценности и проблемы, рассматривается выбор приоритетов в выстраивании социальной политики.

§ 4.3. Историческая память как духовный ресурс консолидации общества и воспитания патриотизма

Параграф посвящен исследованию исторической памяти современного российского общества. Автор анализирует то, какую роль играет преподавание истории в формировании устойчивой гражданской позиции и консолидации российского общества.

§ 4.4. Уроки новой экономической политики и современность

В параграфе анализируется сущность и содержание НЭПа, причины перехода от политики военного коммунизма к новой экономической политике, а также международное значение НЭПа и причины его свертывания.

§ 4.5. «Варяг» не сработал: об использовании художественного произведения в предвыборной борьбе

В параграфе анализируются вопросы, связанные с использованием в предвыборных кампаниях литературных произведений, герои которых имеют очевидные для всех сходства с баллотирующимися политиками. Рассмотрена указанная проблематика на материалах выборов мэра Нижнего Новгорода. Выявлены отдельные значимые аспекты, препятствующие применению художественных произведений в современных российских предвыборных кампаниях.

THE ANNOTATED CONTENT OF THE MONOGRAPH

Chapter 1. Pedagogical Practices for the Preservation and Transmission of Traditional Values

§ 1.1. The Spiritual and Moral State of the People in the Period 1917 – 1921 on the Example of the Nizhny Novgorod Diocese

The paragraph is devoted to the study of the influence of revolutionary events in Russia at the beginning of the 20th century on the moral state of the population of the Nizhny Novgorod Diocese. By the aggressive opposition of the Russian Orthodox Church, the revolution provoked the processes that caused the degradation of morality, the destruction of the hierarchy of values in the popular consciousness. The consequences of these events take place in modern Russian society.

§ 1.2. Interactive Methods of Learning to Work with a Visual Historical Source

The article discusses the methods of interactive teaching at the university, which are used in teaching with a visual historical image. Features of their application, the variety of competencies they form, both highly specialized and personal, as well as the effectiveness in forming students' ideas about the wide possibilities of work using interdisciplinary approaches.

§ 1.3. The Pedagogical Heritage of E. A. Avdeenko and Orthodox Education in Modern Russia

The author's text explores the work of the outstanding teacher of our time E. A. Avdeenko. We made the classification of his works. The article concludes that the pedagogical ideas of E. A. Avdeenko are actual in the educational field of contemporary Russia.

§ 1.4. V. V. Zenkovsky's Views on the Education and Self-knowledge of a Christian in the Context of Orthodox Pedagogy and Anthropology

In this study, the author addresses the topic of education and self-knowledge of an Orthodox Christian, reflected in the works of the thinker, psychologist, theorist of Russian pedagogy of the post-revolutionary period Vasily Vasilyevich Zenkovsky and compares them with the richest heritage of the spiritual experience of the Church.

§ 1.5. Socialization of a Student in the University Space

In the published paragraph, the issue of updating the process of socialization of youth in the current difficult situation of the development of

society is discussed. The question is raised about the significant opportunities and the need to implement specially organized events in Universities that ensure the deepening and direction of this process.

§ 1.6. To the Question of New Approaches to Teaching Religious Disciplines in Higher School

The author's text raises the question of the place of the discipline "Religious Studies" in the system of modern humanitarian education of students of higher educational institutions. The analysis of educational programs and manuals in the discipline is carried out. The ways of updating the teaching of the subject "Religious Studies" in the conditions of today's religious and cultural norms are considered.

Chapter 2. Humanism, Culture, Language in the Modern World

§ 2.1. Issues of Mutual Influence of Language Models and Moral Norms in the Sphere of Everyday Reality

The presented text deals with the problems of the influence of language and speech culture on moral norms that determine the direction of value consciousness and the motives of people's behavior. Within the framework of the philosophical and linguistic approach, the authors prove that the facts and phenomena of human history, fixed in language, reveal meanings that change under the influence of changes in the world, thereby having a formative effect on the moral world of man.

§ 2.2. The Role of a Foreign Language in Shaping the Paradigm of Professional and Personal Development

The study is devoted to the role of a foreign language in the modern educational process. It is emphasized that learning a foreign language is essential for the development of personality of students and for the formation of the value system that meets the needs of modern society. It is also shown that to learn a foreign language is necessary for professional training of future graduates.

§ 2.3. Transhumanism as a Way to a Society Without a Person: a Socio-philosophical Analysis

In the presented text of the paragraph, the concept of "transhumanism" is considered as a philosophy of the further development of society, in which human nature should be improved through the methods of scientific and technological progress. After a brief description of the genealogy of the philosophy of transhumanism, the motives of the transhumanist movement, a review of the proposed technological "improvements" of a person, an attempt is

made to analyze the indicated direction of the development of society in terms of losing the content of its basic, primary social subject – a person. The paper highlights a fundamental change in relations between people in connection with a change in human sensory perception of the world around us under the influence of technology. In particular, the authors note that technological intervention in human nature unpredictably and inevitably entails a change in his sensory-intuitive perception of the world, his soul, since all structures of a person's organization (both material and spiritual) are interconnected and interdependent. Accordingly, intervening in the biological, material organization of a person, his intellect, science and technology change the soul of a person. In turn, such transformations in a person entail the construction of new, unpredictable social relations, which are likely to be based not on the principles of love, people's concern for each other, or humanism in general.

In the course of the study, formal-logical, historical, dialectical and other methods of scientific research are used.

As a result of the study, the authors come to the conclusion that the meaning of social development, including scientific and technological progress, is to increase the ability of a person to reveal his natural potential, to learn many-sidedly (sensually-intuitively and rationally) the laws of the structure of this world. Accordingly, the approach to managing scientific and technological progress, the choice of its directions should be substantially revised. Attempts to interfere with human nature – existing and actively continuing – threaten not only social development, but the existence of man and human society in principle.

Chapter 3. Diversity of Cultures of the Peoples of Russia and the World: Past and Present

§ 3.1. Alexander Nevsky the Problem of National Identity and Decolonization of Russia

The paragraph examines the influence of Alexander Nevsky on national and cultural identity, on the process of decolonization of Russia. They correlate with the preservation and spread of Orthodoxy.

§ 3.2. Ways to Popularize Folk Art and Preserve the Cultural Identity of the Peoples and Ethnic Communities of Russia Among Young People and Ensure the Unity of the People of the Russian Federation

The paragraph describes ways to popularize folk art and preserve the cultural identity of the peoples and ethnic communities of Russia.

§ 3.3. Influence of Changing Conditions of Soviet Reality on Domestic Historiography of New Economic Policy (NEP)

The purpose of the paragraph is to reveal how the rapidly changing objective situation in the country influenced the historiography of the NEP issue. The author, based on the studied historiography, answers the question: can we talk about the impact of this policy on the further development of the Soviet, as well as post-Soviet, society and even the world community.

§ 3.4. Formation of the Value of Education on the Example of the Cultural Heritage of Ptolemaic Egypt

The formation of the basic values of modern education, according to the authors, should begin with a positive attitude to the educational process. In teaching world history, emphasis should be placed on the role of science and the level of education of society, which influence the mentality of the people. The cultural heritage of Ptolemaic Egypt is an excellent example for understanding the value of education and its impact on the history of the state.

Chapter 4. Socio-Political and Spiritual Problems of Modern Society and Ways to Solve Them

§ 4.1. The Value of Community, Unity of People as the Basis for Developing “the People’s Joint World” (by the Materials of the Works of N. A. Berdyaev and K. Yaspers)

Since the middle of the 20th century, processes have been taking place in the world that correlate with the concepts of identity, and are characterized by the desire of peoples, nations to preserve their identity, to emphasize the features of the socio-psychological warehouse. The integrity of culture is an important phenomenon, the substance of human life, society as a whole, which includes tools of regulators, values. The problem of social solidarity, understanding the importance of community, unity attracts more and more attention of researchers from various social sciences. The problem of integration, consolidation of society has recently acquired special significance. The return of solidarity to the register of topical issues of social thought is mainly due to the challenges of our time.

§ 4.2. Values and Priorities of the Welfare State: a Review of Research by Modern Russian Scientists

The paragraph explores the concept and essence of the welfare state based on the analysis of scientific publications on the designated topic. Relevant values are highlighted, the choice of priorities in building social policy is considered.

§ 4.3. Historical Memory as a Spiritual Resource for the Consolidation of Society and the Education of Patriotism

The paragraph is devoted to the study of the historical memory of modern Russian society. The author analyzes the role of history teaching in the formation of a stable civic position and consolidation of Russian society.

§ 4.4. Lessons of the New Economic Policy and Modernity

The paragraph analyzes the essence and content of the NEP, the reasons for the transition from the policy of war communism to the new economic policy, as well as the international significance of the NEP and the reasons for its curtailment.

§ 4.5. “Varyag” didn’t Work: about the Use of a Work of Art in the Election Campaign

The paragraph analyzes issues related to the use of literary works in election campaigns, the characters of which have obvious similarities with running politicians. This problem is considered on the materials of the election of the mayor of Nizhny Novgorod. Some significant aspects that hinder the use of artistic works in modern Russian election campaigns have been identified.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА / KEYWORDS

Глава 1. Педагогические практики сохранения и трансляции традиционных ценностей

§ 1.1. *Духовно-нравственное состояние русского народа в период 1917–1921 гг. На примере Нижегородской епархии*

Нижегородская епархия, Церковь, советская власть, нравственность, революция.

Nizhny Novgorod diocese, Church, Soviet regime, moral, revolution.

§ 1.2. *Интерактивные методы обучения работе с визуальным историческим источником*

Исторические науки, преподавание, источниковедение, междисциплинарность, интерактивные методы, визуальный исторический источник.

Historical sciences, teaching, source studies, interdisciplinarity, interactive methods, visual historical source.

§ 1.3. *Педагогическое наследие Е. А. Авдеенко и православное образование в современной России*

Е. А. Авдеенко, православное образование, Ветхий Завет, педагогика, протоиерей С. Гомаюнов.

E. A. Avdeenko, orthodox education, Old Testament, pedagogy, archpriest S. Gomaunov.

§ 1.4. *Взгляды В. В. Зеньковского на воспитание и самопознание христианина в контексте православной педагогики и антропологии*

В. В. Зеньковский, педагогика, психология, самопознание, воспитание личности, антропология, православие.

V. V. Zenkovsky, pedagogy, psychology, self-knowledge, personality education, anthropology, Orthodoxy.

§ 1.5. *Социализация студента в пространстве вуза*

Социокультурное пространство, субъект деятельности, социализация.

Socio-cultural space, subject of activity, socialization.

§ 1.6. *К вопросу о новых подходах к преподаванию религиоведческих дисциплин в высшей школе*

Религиоведение, история религии, религиозная феноменология, гуманитарная подготовка, познавательный процесс.

Religious studies, history of religion, religious phenomenology, humanitarian training, cognitive process.

Глава 2: Гуманизм, культура, язык в современном мире

§ 2.1. Вопросы взаимного влияния языковых моделей и нравственных норм в повседневной реальности

Язык, речевая культура, диалог, нравственная норма, нравственный релятивизм, языковая реальность, коммуникативное действие, этнолингвистическая среда, социальный опыт, социум.

Language, speech culture, dialogue, moral norm, moral relativism, linguistic reality, communicative action, ethnolinguistic environment, social experience, society.

§ 2.2. Роль иностранного языка в формировании парадигмы профессионально-личностного развития

Языковое образование, диалог культур, профессионально ориентированное обучение, личностное развитие.

Language education, dialogue of cultures, language for specific purposes, personal development.

§ 2.3. Трансгуманизм как путь к обществу без человека: социально-философский анализ

Трансгуманизм, научно-технический прогресс, искусственный интеллект, постлюди, иммортализм, структурализм, гуманизм, общество, технологии, сознание, человеческая природа.

Transhumanism, scientific and technical progress, artificial intelligence, posthumans, immortalism, structuralism, humanism, society, technology, consciousness, human nature.

Глава 3. Разнообразие культур народов России и мира: прошлое и настоящее

§ 3.1. Александр Невский и проблема национальной идентичности и деколонизации России

Национальная и культурная идентичность, деколонизация, православие, Александр Невский.

National and cultural identity, decolonization, Orthodoxy, Alexander Nevsky.

§ 3.2. Способы популяризации народного искусства среди молодёжи и сохранения культурной самобытности народов России

Популяризация, сохранение самобытности, народы России, этнические общности России, искусство, традиции, ремесло, музыка, ценности.

Popularization, preservation of identity, peoples of Russia, ethnic communities of Russia, art, traditions, handicraft, music, values.

§ 3.3. Влияние меняющихся условий советской действительности на отечественную историографию новой экономической политики (НЭП)

Новая экономическая политика, В. И. Ульянов (Ленин), И. В. Джугашвили (Сталин), историография, хронология.

New economic policy, V. I. Ulyanov (Lenin), I. V. Dzhugashvili (Stalin), historiography, chronology.

§ 3.4. *Формирование ценности образования на примере культурного наследия птолемеевского Египта*

Древний Египет, Птолемей I, образование, культурное наследие, традиционные ценности.

Ancient Egypt, Ptolemy I, education, cultural heritage, traditional values.

Глава 4. Социально-политические и духовные проблемы современного общества и пути их решения

§ 4.1. *Ценность общности, единения людей как основа построения «людского совместного мира» (на материалах трудов Н. А. Бердяева и К. Ясперса)*

Общение, коммуникация, философия, русская философия, общность, диалогичность, единение.

Communication, philosophy, Russian philosophy, commonality, dialogism, unity.

§ 4.2. *Ценности и приоритеты социального государства: обзор исследований современных российских ученых*

Социальное государство, социальная политика, Конституция Российской Федерации, приоритеты социального государства, социальное равенство, социальная справедливость.

Welfare state, social policy, Constitution of the Russian Federation, priorities of the welfare state, social equality, social justice.

§ 4.3. *Историческая память как духовный ресурс консолидации общества и воспитания патриотизма*

Историческая память, патриотизм, национальной консенсус, учебник истории.

Historical memory, patriotism, national consensus, history textbook.

§ 4.4. *Уроки новой экономической политики и современность*

Гражданская война, военный коммунизм, новая экономическая политика (НЭП), РКП(б), мелкобуржуазная контрреволюция.

Civil war, military communism, new economic policy (NEP), RCP(b), petty-bourgeois counterrevolution.

§ 4.5. *«Варяг» не сработал: об использовании художественного произведения в предвыборной борьбе*

Предвыборные технология, применение, книги, выборы мэра, Нижний Новгород.

Election technology, application, books, mayoral elections, Nizhny Novgorod.

Традиционные ценности в современном образовательном пространстве как инструмент духовно-нравственной безопасности и сохранения культурного наследия: коллективная монография

Редактор-составитель М. П. Самойлова

Редакторы: Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Иллюстрации на обложке из открытых источников интернет

Подписано к использованию 12.12.2022. Тираж 40 экз.
Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 9,5. Объем данных 1,57 Мбайт.
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»
Редакционно-издательский отдел
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А
<http://www.lunn.ru>, izdat@lunn.ru